

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Альбер Камю

Записные книжки

«...Жить с открытыми глазами»

Первую записную книжку Камю завел в середине 30-х годов, когда ему было чуть более двадцати лет. Последние заметки написаны незадолго до гибели. Собранные вместе, эти записи складываются в своеобразную автобиографию, на страницах которой запечатлелись двадцать пять лет жизни Альбера Камю, его литературные труды и дни.

Герой ранних записей – искатель поприща и признания, склонный к лицедейству и мятежу. «Человек бунтующий», молодой Камю отождествляет себя с Иваном Карамазовым и, подобно персонажу Достоевского, мира этого не принимает. «Человек играющий», Камю творит собственный антимир на театре, примеряя разные роли – актера, режиссера, драматурга.

Молодой Камю не слишком доверяет опыту, полагая, что тот делает человека не мудрым, а сведущим. Чтобы обрести мудрость, нельзя отгораживаться от мира, надо «жить с открытыми глазами». Этот принцип Камю делает своим жизненным кредо.

Листая записные книжки дальше, мы видим, как рождается писатель, как однажды он узнаёт, что к нему пришла слава. Шумный успех, сопутствовавший Камю с середины 40-х годов, когда были опубликованы повесть «Посторонний», эссе «Миф о Сизифе», роман «Чума», поставлена драма «Калигула», заставляет его задуматься о цене славы. «Теперь я знаю, что такое слава. Пустяк», – пишет Камю. Отсюда желание «упразднить публику и научиться судить себя».

«Упразднить публику» в понимании Камю вовсе не означает устраниить читателя. Так обычно поступают плохие литераторы – «те, кто пишут, считаясь с внутренним контекстом, неизвестным читателю». По мнению Камю, «нужно писать как бы вдвоем...» Этому правилу сочинять «вместе с читателем», «как бы вдвоем» Камю следует и в своих записных тетрадках, не предназначенных для посторонних глаз.

Впрочем, творчество «для себя» – миф, адресованный людям, мало знакомым с писательским ремеслом. Писатель в силу присущего ему дара не может остаться с самим собой и неизбежно существует «наедине со всеми». Это проявляется в интимных текстах записных книжек, дневников, писем.

Записные книжки Камю представляют собой довольно пестрое в жанровом и стилевом отношении собрание текстов. Здесь можно встретить эскизы литературных сюжетов, философские сентенции, множество цитат, бытовые зарисовки с натуры и лирические пейзажи. Вполне законченные фрагменты чередуются с набросками и фразами, оборванными на полуслове. При этом писатель фиксирует не столько жизненные и житейские обстоятельства, сколько мыслительные коллизии, порожденные теми или иными обстоятельствами. Так, Камю описывает «ситуацию выбора» между литературой и философией, в которой он оказался в самом начале пути. Выбор этот предопределил всю его писательскую судьбу.

«Почему я художник, а не философ? Потому что я мыслю словами, а не идеями». Мысля идеями, считает Камю, можно уразуметь смысл жизни. Но жизнь богаче заключенного в ней смысла. Философия, погруженная в смыслы, рискует проглядеть жизнь. Отсюда вывод: «Если хочешь быть философом, пиши романы». Но и роман – тоже философия, только особая. Философия не смысла, а жизни как таковой – философия жизни.

На страницах записных книжек Камю ведет оживленный диалог с современниками (Мальро, Жидом, Сартром, Бердяевым) и с теми, кого называют «вечными спутниками». Его «вечными спутниками» становятся Паскаль и Вольтер, маркиз де Сад и граф Лотреамон, Достоевский и Ницше.

Последние оказывают на Камю особенно сильное воздействие: Достоевский, убеждавший любить жизнь больше, чем смысл ее, и Ницше, бросивший вызов

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
спекулятивной философии, понимаемой как «наука логики», и попытавшийся
«взглянуть на науку под углом зрения художника, на искусство же – под углом
зрения жизни».

В записных книжках отчетливо проявилась такая особенность образного мышления Камю, как его театральность, воспитанная годами артистической юности. Картины природы у него часто напоминают театральные декорации. Изображая людей, писатель как бы перевоплощается в них и часто рисует мизансцены. Вот одна из них: «При осаде Севастополя Толстой выскакивает из траншеи и бежит к бастиону под непрерывным огнем противника: он увидел крысу, а крыс он страшно боялся».

Записные книжки позволяют проследить, как в сознании писателя рождаются образы, как в калейдоскопе мыслей вызревают идеи и темы. Камю обращается к вечным антиномиям человеческого существования и к новейшим коллизиям, порожденным XX веком, – культуры и цивилизации, христианства и коммунизма, демократии и тоталитаризма, нигилизма и конформизма.

Одна из таких тем, постоянно преследующих писателя, – абсурд. Согласно Камю, абсурд заключен не в жизни как таковой, а в тех отношениях, которые существуют между человеком и миром. Абсурд проявляется в бессилии разума, в его неспособности изменить мир. Абсурд разрушает мораль, делает бессмысленными людские деяния и, главное, лишает человека свободы.

Что можно противопоставить абсурду, царящему в мире?

Для одних – это вера, для других – безверие и цинизм. Не находя опоры в религии, Камю вынужден бороться с искущением цинизма: «Вечное искушение, против которого я непрестанно веду изнурительную борьбу, – цинизм».

Однако есть сила, способная одолеть абсурд, дарующая ощущение свободы. Это – красота. Красота обладает абсолютной ценностью и может дать человеку чувство гармонии. Последнее убеждение Камю воспринял у Ницше, в представлениях которого «только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности». Вслед за немецким философом Камю категорично утверждает: «Оправдание абсурдного мира может быть только эстетическим».

«Несчастное сознание» Камю жадно впитывает образы красоты. «Как красивы женщины в Алжире на склоне дня», – восклицает он. Писатель упивается красотами средиземноморской природы с ее «ультрамариновыми пейзажами», залитыми светом бухтами, дрожащими «словно влажные губы», и горными склонами, утопающими в цветах, от которых растекается медовый запах. Вся эта нестерпимая красота рождает фаустовское желание остановить прекрасное мгновение.

Из Алжира писатель мысленно переносится на Лазурный берег, восходит на вершины Воклюза, ландшафты которого воспевал еще Петрарка. В его сознании постоянно присутствует образ Древней Эллады, ставший универсальным символом прекрасного.

«Я не могу жить без красоты», – пишет Камю. «Красота – главная моя забота, так же как и свобода», ибо «свобода есть источник красоты».

Эстетический императив Камю безусловно близок русской традиции, идущей от К. Леонтьева и Вл. Соловьева, продолженной поэтами-символистами, называвшими себя «теургами», для которых красота является источником магического преображения жизни. Однако в сравнении с ними восприятие прекрасного у Камю приобретает более созерцательные формы и лишается той загадки, над которой билась русская мысль, не находя ответа на вопрос, мучивший Дмитрия Карамазова: как в красоте «берега сходятся и все противоречия вместе живут», как совмещает она идеал Мадонны с идеалом содомским.

Записные книжки Камю хранят следы пристального чтения русской литературы. Круг этого чтения образуют сочинения Пушкина и Тургенева, Белинского и Герцена, Достоевского и Льва Толстого. Камю конспектирует «Русскую идею» Бердяева, делает выписки из мемуаров известной революционерки Веры Фигнер и книги Берберовой о Чайковском.

Соприкосновение с русской культурой пробуждает интерес к истории государства российского, к его нравам. В записных книжках Камю подметил и такое типично русское изобретение, как потемкинские деревни.

Писатель обращается к феномену русского терроризма, тесно связанному с судьбами революционного движения в России. Он перечитывает «Катехизис революционера» Нечаева и Бакунина; всматривается в лица террористов, этих «идиллических людей», в восторге самопожертвования готовых совершить любое насилие (впоследствии они станут героями одной из его пьес). Камю пытается понять: как народовольцы – человек пятьсот на всю страну – могли держать в страхе могущественную империю, население которой составляло сто верноподданных миллионов? Как совмещаются Россия Достоевского и Россия Дзержинского? Кто такие русские интеллигенты, поджигатели революций, пожираемые ими?

Все эти вопросы для Камю приобретали особую остроту в ситуации конца 40-х – 50-х годов, когда происходит разрыв с левыми интеллектуалами, когда от него отворачиваются многие друзья по Сопротивлению и звучат обвинения чуть ли не в коллаборационизме.

Через произведения Камю, включая и его записные книжки, проходит лейтмотив смерти. Образ смерти постоянно владеет сознанием писателя, как бы преследует его. Он помечает в записной книжке, что желал бы умереть у моря и оставить жизнь без ненависти. Ему импонируют «мятежные денди», способные принять счастливую смерть. (Именно так – «Счастливая смерть» – назывался юношеский роман Камю.) Вот Альфред Жарри: умирая, он просит зубочистку и, получив ее, умирает счастливым. Дмитрий Богров, убийца Столыпина, перед казнью добивается милости – разрешения быть повешенным во фраке. Камю занимает фигура «логического самоубийцы» Кириллова, персонажа романа Достоевского «Бесы», и в какой-то момент приходит роковое убеждение, что «Кириллов прав», что «убить себя – значит доказать свою свободу».

В этом контексте гибель писателя в автомобильной катастрофе уже не воспринимается как трагическая случайность. Если верно, что слово способно заклинать и накликивать, то смерть свою Альбер Камю заказал и шел, завороженный, к ней навстречу. Такая смерть всегда наполнена провиденциальным смыслом. Альбер Камю погиб 4 января 1960 года, а незадолго до этого, 25 ноября 1959-го, умер Жерар Филип.

Судьбы этих двух художников символически переплелись. Альбера Камю Филип обязан первым своим театральным успехом: в 1945 году он сыграл роль Калигулы. В свою очередь Камю нашел в Жераре Филипе своего актера – такого, каким, быть может, сам мечтал стать.

Писатель и актер были знаковыми фигурами послевоенной Франции: первый – символом ее отчаяния, второй олицетворял надежду. Оба ушли вместе с той эпохой.

Это и называется безвременной кончиной, настигающей человека, когда тот остается без времени. В социокультурной ситуации 60-х годов с «новыми левыми», ошелевшей Сорbonной, рукоплещущей «культурной революции» китайского кормчего, не нашлось бы места ни блестательному фанфан-Тюльпану, ни одиночному Сизифу, готовому «с открытыми глазами» толкать свой непокорный камень.

С. Стакорский

Из записных книжек

1935 – 1951

1935

Бессмысленное слово «опытность». Опытность не зависит от опыта. Ее не приобретают. Она приходит сама. Не столько опытность, сколько терпение. Мы терпим – вернее, претерпеваем. Всякая практика: опыт делает человека не мудрым, а сведущим. Но в чем?

Грозовое небо в августе. Знойные ветры. Черные тучи. А на востоке голубая
Страница 3

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
полоска, тонкая, прозрачная. На нее больно смотреть. Ее появление – пытка для глаз и души. Ибо зрелище красоты нестерпимо. Красота приводит нас в отчаяние, она – вечность, делящаяся мгновение, а мы хотели бы продлить ее навсегда.

В молодости я требовал от людей больше, чем они могли дать: постоянства в дружбе, верности в чувствах. Теперь я научился требовать от них меньше, чем они могут дать: быть рядом и молчать. И на их чувства, на их дружбу, на их благородные поступки я смотрю как на настоящее чудо – как на дар Божий.

...Они успели слишком много выпить и хотели есть. Но дело было под Рождество, и в зале не было мест. Получив вежливый отказ, они не унялись. Их выставили за дверь. Они стали пинать ногами беременную хозяйку. Тогда хозяин, щедушный молодой блондин, схватил ружье и выстрелил. Пуля попала в правый висок. Убитый лежал, повернув голову и прижавшись раной к земле. Товарищ его, пьяный от вина и ужаса, начал плясать вокруг тела. Ничем не примечательное происшествие, которое должно было завершиться заметкой в завтрашней газете. Но пока что в этом отдаленном уголке квартала тусклый свет, льющийся на мостовую, грязную и осклизлую после недавнего дождя, несмолкающее шуршание мокрых шин, звонки проезжающих время от времени ярко освещенных трамваев придавали этой потусторонней сцене нечто тревожное: неотвязная сусальная картинка – этот квартал под вечер, когда улицы заполняются тенями, вернее, когда одна-единственная тень, безымянная, угадываемая по глухому шарканью и невнятному гулу голосов, возникает в кровавом свете красного аптечного фонаря.

1936

Январь

За окном сад, но я вижу только его ограду. Да редкую листву, сквозь которую струится свет. Выше тоже листва. Еще выше – солнце. Я не вижу, как ликует на дворе ветерок, не вижу этой радости, разлитой в мире, я вижу только тени листвьев, пляшущие на белых занавесках. Да еще пяток солнечных лучей, которые постепенно наполняют комнату светлым запахом сена. Порыв ветерка, и тени на занавеске приходят в движение. Стоит солнцу зайти за тучу, а затем выглянуть снова – и из тени ярко-желтым пятном выплывает ваза с мимозами. Довольно одного проблеска – и меня уже переполняет смутное дурманящее чувство радости.

Пленник пещеры, я остался один на один с тенью мира. Январский день. Правда, по-прежнему холодно. Все подернуто солнечной пленкой – она тонка и непрочна, но озаряет все вокруг вечной улыбкой. Кто я и что мне делать – разве что вступить в игру листвы и света. Быть этим солнечным лучом, сжижающим мою сигарету, этой нежностью и этой сдержанной страстью, которой дышит воздух. Если я стараюсь найти себя, то ищу в самой глуби этого света. А если я пытаюсь постичь и вкусить этот дивный сок, выдающий тайну мира, то в глубине мирозданья я обретаю самого себя. Себя, то есть это наивысшее чувство, которое очищает от всего внешнего, наносного. Скоро меня вновь обступят другие вещи и люди. Но дайте мне вырвать это мгновение из ткани времен и сохранить его в памяти, как другие хранят цветок в книге. Они прячут между страниц прогулку, где к ним пришла любовь. Я тоже гуляю, но меня ласкает блаженство. Жизнь коротка, и грешно терять время. Я теряю время целыми днями, а люди говорят, что я весьма деятелен. Сегодня передышка – сердце мое идет навстречу самому себе. Тоска снова охватывает меня, оттого что я чувствую, как этот неуловимый миг выскользывает из рук, словно шарики ртути. Не мешайте же тем, кто хочет отгородиться от мира. Я уже не жалуюсь, ибо наблюдаю за собственным рождением. Я счастлив в этом мире, ибо мое царство от мира сего. Облако уплывает, мгновение тает. Я умираю для себя самого. Книга раскрывается на любимой странице. Как ничтожна сегодня эта страница по сравнению с книгой мира. Какое имеет значение, страдал я или нет, если страдание пьянит меня, ибо оно – в этом солнце и этих тенях, в этом тепле и в этом холоде, идущем откуда-то издалека, из глубины морозного воздуха. К чему мне гадать, умирает ли что-нибудь в людях и страдают ли они, – ведь все написано в этом окне, куда врывается бескрайнее небо. Я могу сказать и сразу скажу, что важно быть человечным, простым. Нет, важно быть самим собой, это включает в себя и человечность, и

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
простоту. А когда я становлюсь самим собой, когда я становлюсь чист и прозрачен, как не тогда, когда я сливаюсь с миром?

Миг восхитительной тишины. Люди молчат. Но раздается песнь мира, и все мои желания, желания человека, обреченного влечь жизнь в глубокой пещере, сбываются прежде, чем я успел их загадать. Вот она, вечность, на которую я уповал. Теперь я могу говорить. Не знаю, что может быть лучше, чем это постоянное присутствие во мне моего подлинного «я». Теперь я жажду не счастья, но лишь осознания. Человек мнит себя отрезанным от мира, но стоит оливе подняться в золотящейся пыли, стоит слепящему утреннему солнцу осветить песчаные отмели – и человек чувствует, как его непреклонность смягчается. Так и со мной. Я осознаю возможности, за которые несу ответственность. В жизни каждая минута таит в себе чудо и вечную юность.

Мыслить можно только образами. Если хочешь быть философом, пиши романы.

Патрис рассказывает свою историю об осужденном на смерть: «я его вижу, этого человека. Он во мне. И каждое слово, которое он произносит, сжимает мне сердце. Он живой, он дышит, когда дышу я. Ему страшно, когда страшно мне.

...И тот, другой, который хочет смягчить его. Я вижу и его тоже. Он во мне. Я каждый день посылаю к нему священника, чтобы увещевать его.

Я знаю, теперь я буду писать. Приходит время, когда дерево после долгих страданий должно принести плоды. Зима всегда заканчивается весной. Мне нужно свидетельствовать. Потом все начнется сначала.

...Я не стану говорить ни о чем, кроме своей любви к жизни. Но я расскажу о ней по-своему.

Другие пишут под диктовку неудовлетворенных желаний. Из каждого своего разочарования они создают произведение искусства, ложь, сотканную из обманов, наполняющих их жизнь. Но мои книги являются плодом счастливых мгновений моей жизни. Хотя они будут жестокими. Мне необходимо писать, как необходимо плавать: этого требует мое тело».

На Балеарских островах[1острова в западной части Средиземного моря.]: Прошлым летом.

Ценность путешествию придает страх. Потому что в какой-то момент, вдали от родной страны, родного языка (французская газета на вес золота. А вечера в кафе, когда стараешься ощутить локоть соседа!), нас охватывает смутный страх и инстинктивное желание вернуться к спасительным старым привычкам. Это самая очевидная польза путешествий. В это время мы лихорадочно возбуждены, впитываем всё, как губка. Ничтожнейшее событие потрясает нас до глубины души. В луче света мы прозреваем вечность. Поэтому не следует говорить, что люди путешествуют для собственного удовольствия. Путешествие вовсе не приносит удовольствия. Я скорее склонен видеть в нем аскезу. Люди путешествуют ради культуры, если понимать под культурой извлечение из-под спуда самого глубокого нашего чувства – чувства вечности. Удовольствия отдаляют нас от себя самих, как у Паскаля развлечения отдаляют нас от Бога[2Французский философ и учений Блез Паскаль (1623 – 1662) в своих «Мыслях» так характеризует это понятие: «Развлечение – единственная наша утеша в горе и вместе с тем величайшее горе: мешая думать о нашей судьбе, оно незаметно ведет нас к гибели. Не будь у нас развлечения, мы ощутили бы такую томительную тоску, что постарались бы исцелить ее средством не столь эфемерным.]. Путешествие как самая великая и серьезная наука помогает нам вновь обрести себя.

<февраль>

Искать связей. Всяких связей. Если я хочу писать о людях, мыслимо ли
Страница 5

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org

отворачиваться от пейзажа? А если меня притягивают небо или свет, разве забуду я глаза и голоса тех, кого люблю? Каждый раз мне дарят кусочки дружбы, клочки чувства и никогда – все чувство, всю дружбу. Иду к другу, который старше меня, чтобы рассказать ему обо всем. По крайней мере о том, что камнем лежит на сердце. Но он торопится. Разговор обо всем и ни о чем. Время идет. И вот я еще более одинок и более опустошен, чем прежде. Эта шаткая мудрость, которую я пытаюсь сколотить, может рухнуть от любого слова, случайно оброненного спешащим другом! «*Non ridere, non lugere*»... [З«не смеяться, не плакать» (лат.)]. Но развлечение забавляет нас, и мы, не замечая этого, спешим к смерти.】 И сомнения в себе и в других.

Март

день то облачный, то солнечный. Мороз в желтых блестках. Мне стоило бы вести дневник погоды. Вчера солнце сияло так ясно. Бухта дрожала, залитая светом, словно влажные губы. А я весь день работал.

Гренье[4Гренье Жан (1898 – 1971) – французский философ, лицейский учитель и в дальнейшем близкий друг Камю, пробудивший у него интерес к литературе, философии, театру. Гренье посвящена книга «Бунтующий человек».] о коммунизме: «Весь вопрос вот в чем: надо ли во имя идеала справедливости соглашаться с глупостями?» Можно ответить «да» – это прекрасно. Можно ответить «нет» – это честно.

При всех различиях: проблема христианства. Смущают ли верующего противоречия в евангелиях и черные дела церковников? Что значит верить в Бога: значит ли это верить в Ноев ковчег, значит ли это защищать Инквизицию или суд, осудивший Галилея?

Но, с другой стороны, как примирить коммунизм с чувством отвращения? Если я впадаю в крайности, доходящие до абсурда и не приносящие пользы, я отрицаю коммунизм. А тут еще религия...

В смерти игра и героизм обретают свой подлинный смысл.

Вчера. Освещенные солнцем набережные, арабские акробаты и сияющий порт. Можно подумать, что на прощанье этот край расцвел и решил одарить меня. Эта чудная зима искрится морозом и солнцем. Голубым морозом. Трезвое опьянение и улыбающаяся нищета – отчаянное мужество греческих стел, принимающих жизнь как она есть. Зачем мне писать и творить, любить и страдать? Утраченное мною в жизни, по сути, не самое главное. Все теряет смысл. Мне кажется, что перед лицом этого неба и исходящего от него жаркого света ни отчаяние, ни радость ничего не значат.

16 марта

Долгая прогулка. Холмы на фоне моря. И ласковое солнце. Белые соцветия шиповника. Крупные, насыщенно-лиловые цветы. И возвращение, сладость женской дружбы. Серьезные и улыбающиеся лица молодых женщин. Улыбки, шутки, планы. Игра начинается вновь. И все делают вид, будто подчиняются ее правилам, с улыбкой принимая их на веру. Ни одной фальшивой ноты. Я связан с миром каждым моим движением, с людьми – всей моей благодарностью. С вершины холмов видно, как после недавних дождей под лучами солнца над землей поднимается туман. Даже спускаясь вниз по лесистому склону и погружаясь в это ватное марево, среди которого чернели деревья, я чувствовал, что этот чудесный день озарен солнцем. Доверие и дружба, солнце и белые домики, едва различимые оттенки. О, мгновения полного счастья, которые уже далеко и не могут рассеять меланхолию, одолевающую меня по вечерам; теперь они значат для меня не больше, чем улыбка молодой женщины или умный взгляд понимающего друга.

Время течет так быстро из-за отсутствия ориентиров. То же и с луной в зените и на горизонте. Годы юности тянутся так медленно потому, что они полны событий, годы старости бегут так стремительно оттого, что заранее предопределены. Отметить, например, что почти невозможно смотреть на стрелку часов в течение пяти минут – так это долго и безысходно.

Апрель

Первые жаркие дни. Духота. Все живое в полном изнеможении. Когда день клонится к закату, над городом какой-то странный воздух. Звуки поднимаются и исчезают в вышине, как воздушные шары. Деревья и люди неподвижны. Мавританки болтают на террасах, ожидая, когда наступит вечер. В воздухе стоит запах жареного кофе. Нежная и безнадежная пора. Не к чему прижаться губами. Не перед кем броситься на колени в порыве благодарности.

Жара на набережных – страшная, изнуряющая, от нее перехватывает дыхание. Тяжелый запах гудрона дерет горло. Упадок сил и желание смерти. Вот подлинная атмосфера трагедии, а вовсе не ночь, как принято считать.

Солнце и смерть. Грузчик со сломанной ногой. Капли крови, тянувшиеся по пылающим камням набережной. Похрустывание камешков. В кафе он рассказывает мне свою жизнь. Все разошлись, на столе остались шесть стаканов. Домик в пригороде. Жил один, возвращался к себе только под вечер, чтобы приготовить еду. Собака, кот, кошка, шестеро котят. У кошки нет молока. Котята умирают один за другим. Каждый вечер окоченевший дохлый котенок и нечистоты. А также смесь двух запахов: мочи и мертвчины. Вчера вечером (он потихоньку вытягивает руки, медленно отодвигая стаканы на край стола) подох последний котенок. Но мать сожрала половину. Значит, полкотенка! И как всегда нечистоты. Возле дома воет ветер. Где-то очень далеко играют на рояле. Он сидит среди развалин и нищеты. И весь смысл существования вдруг комом подступает к горлу. (Стаканы падают один за другим, а он все продолжает раздвигать руки.) Сидит так несколько часов, сотрясаясь от бешеноющей ярости, без слов, с мокрыми от мочи руками и думает о том, что пора варить обед. Все стаканы разбиты. А он улыбается. «Ничего, – успокаивает он хозяина, – мы за все заплатим»[5Заметки к роману «Счастливая смерть»].

Май

Не отгораживаться от мира. Когда живешь на виду, нет опасности, что жизнь сложится неудачно. В любой ситуации, в несчастье, в разочарованиях, я прежде всего стараюсь восстановить контакты. И даже в печали своей я полон желания любить и испытываю упоение при одном только виде холма в вечерней дымке.

Прикоснуться к истине: прежде всего природа, потом искусство посвященных и мое собственное искусство, если я способен его создавать. А если нет – все же останутся и свет, и вода, и упоение, и влажные от желания губы.

Улыбка отчаяния. Безысходного, но тщетно пытающегося подчинить меня себе. Главное: не потерять себя и не потерять то сокровенное, что дремлет в мире.

Как красивы женщины в Алжире на склоне дня.

То, что жизнь сильнее всего, – истина, но она лежит в основе всех подлостей. Нужно открыто утверждать противоположное. И вот они уже вопят: я имморалист. Смысл: мне нужно определить для себя, что хорошо и что дурно. Признай же это, глупец. Мне тоже.

Другой недотепа: надо быть простым, надо быть самим собой, долой литературу – надо принимать жизнь и отдаваться ей. Да ведь мы только это и делаем. ЕСЛИ вы закоренели в своем отчаянии, поступайте так, как если бы вы не утратили надежды, – или убейте себя. Страдание не дает никаких прав.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Интеллектуал? да. И никогда не отрекаться. Интеллектуал – тот, кто раздаивается. Это мне по душе. Мне приятно, что во мне два человека. «Могут ли они слиться воедино?» Практический вопрос. Надо попробовать. «Я презираю интеллеккт» на самом деле означает: «Я не в силах выносить свои сомнения».

Я предпочитаю жить с открытыми глазами.

Ноябрь

Вспомним Грецию. Дух и чувство, любовь к выражению как доказательства упадка. Греческая скульптура приходит в упадок, когда появляются улыбка и взгляд. Итальянская живопись тоже, включая XVI век «колористов».

Парадокс – судьба грека, ставшего великим художником поневоле. Дорические Аполлоны[6древнейшие греческие бронзовые статуи VI в. до н.э.] восхитительны, потому что лишены выражения. Только живопись (к сожалению) привнесла выражение. – Но живопись «проходит», а шедевр остается.

Национальности возникают как знак распада. Едва нарушилось религиозное единство Священной Римской империи – национальности[7Священная Римская империя – государство, основанное в 962 г. королем Оттоном I, включавшее Германию, Северную и Среднюю Италию, Прованс, Чехию, Бургундию, Нидерланды. В середине XIII в. империя превратилась в конгломерат фактически независимых государств.]. Восток хранит цельность.

Интернационализм пытается вернуть Западу его истинное значение и призвание. Но основа уже не христианская – греческая. Нынешний гуманизм: он лишь усугубляет пропасть между Востоком и Западом (вспомним Мальро[8Мальро Андре (1901 – 1976) – французский писатель. Темы отношений Востока и Запада посвящены его ранние романы («Завоеватели», 1928, и «Королевская дорога», 1930), оказавшие сильное влияние на Камю в период работы над «Мифом о Сизифе» (вторая половина 30-х гг.).]). Но он восстанавливает силу.

1937

<Январь>

Тропинка настолько крутая, что всякий раз, поднимаясь к дому, ее приходится завоевывать.

Февраль

Цивилизация заключается не в большей или меньшей утонченности. Но в сознании, общем для целого народа. И это сознание никогда не бывает утонченным. Наоборот, оно вполне здравое. Представлять цивилизацию творением элиты – значит отождествлять ее с культурой, меж тем как это совершенно разные вещи. Существует средиземноморская культура. Но существует также и средиземноморская цивилизация. С другой стороны, не надо путать цивилизацию и народ.

<Апрель>

Самый опасный соблазн: не походить ни на кого.

Стремление всегда быть правым – признак вульгарного ума.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Рассказ: человек, который не хочет оправдываться. Он предпочитает мнение, которое о нем сложилось. Он умирает, так и не открыв никому правды о себе.
Слабое утешение.

В чужой стране солнце золотит дома на холме. Впечатление более сильное, чем от такого же зрелища на родине. Солнце здесь другое. Уж я-то доподлинно знаю, что солнце здесь другое.

Вечером мир над бухтой затихает. Бывают дни, когда мир лжет, и дни, когда он говорит правду. Сегодня вечером он говорит правду – и как настойчиво, печально и прекрасно.

Май

Психология, сводящаяся к копанию в мелочах, ошибочна. Люди ищут себя, изучают, чтобы познать себя, чтобы самоутвердиться. Психология есть действие, а не самокопание. Человек пребывает в поиске в течение всей жизни. Познать себя до конца – значит умереть.

Писать – значит действовать бескорыстно. Своего рода самоотречение в искусстве. Переписывать. Усилие всегда приносит хоть какую-то пользу. Если ты потерпел неудачу, виновата лень.

Июнь

Священник каждый день навещает приговоренного к смерти. При мысли о том, что ему отрубят голову, колени подгибаются, губы пытаются произнести имя, всем существом овладевает безумное желание броситься на землю и укрыться в «Господи, Господи!». Но каждый раз человек сопротивляется, не хочет этой легкости и хочет подавить свой страх. Он умирает молча, с глазами, полными слез.

Философия значит столько, сколько значит философ. Чем больше величия в человеке, тем больше правды в его философии.

Цивилизация против культуры.

Империализм есть чистая цивилизация. Ср. Сесил Родс[9Родс Сесил Джон (1853 – 1902) – английский колониальный завоеватель, именем которого была названа колония Родезия.]. «Экспансия – это всё» – цивилизация суть островки – культура неизбежно превращается в цивилизацию (ср. Шпенглер[10Шпенглер Освальд (1880 – 1936) – немецкий философ и культуролог. Коллизию цивилизации и культуры исследует в главном своем сочинении «Закат Европы» (1923).]).

Культура: вопль человека перед лицом судьбы.

Цивилизация, ее упадок: жадность человека перед лицом богатства. Ослепление.

<Июль>

Гидросамолет: величие металла, сверкающего в бухте и среди голубого неба.

Супружеские пары: мужчина пытается перед кем-нибудь блеснуть. Жена тут же: «А сам-то ты...» – и старается его принизить, выставить такой же посредственностью, как и она сама.

Искатель приключений. Отчетливо чувствует, что в искусстве делать уже нечего. Ничто великое, ничто новое невозможно – во всяком случае, в западной культуре.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Остается только действовать. Но тот, в ком есть величие души, начнет действовать не иначе как с отчаянием.

Когда аскеза добровольна, можно поститься шесть недель, обходясь одной водой. Когда она вынуждена (голод), то не больше десяти дней. Запас истинной жизненной силы.

Система дыхания тибетских йогов. Следовало бы привнести в подобные опыты нашу позитивную методологию. Иметь «откровения», в которые сам не веришь. Что мне нравится: сохранять трезвость ума даже в исступлении.

<Август>

Идти до конца – значит не только сопротивляться, но также дать себе волю. Мне необходимо чувствовать свою личность, поскольку в ней живет ощущение того, что выше меня. Иногда мне необходимо писать вещи, которые мне самому до конца не ясны – но именно они и доказывают, что есть во мне что-то сильнее меня.

Приветливость и волнение Парижа. Кошки, дети, всеобщая непринужденность. Серые тона, небо, большой парад камня и воды.

Он каждый день уходил в горы и возвращался, не говоря ни слова, с запутавшимися в волосах травинками, весь в царапинах. И каждый раз повторялось одно и то же: покорение без обольщения. Мало-помалу он преодолевал сопротивление этого неприветливого края. Ему удавалось слиться с круглыми белыми облаками, на фоне которых над гребнем возвышалась одинокая пихта, слиться с полями розоватого кипрея, с рябиной и колокольчиками. Он врастал в этот благоуханный каменистый мир. Когда он взбирался на далекую вершину и перед ним внезапно открывался величественный пейзаж, он не чувствовал в душе умиротворения любви, он заключал с этой чужой природой своего рода договор – то было перемирие между двумя заклятыми врагами, особая близость двух противников, а не дружеское общение двух старых знакомых.

Всякий раз, как я слышу или читаю речи наших политиков, я с ужасом обнаруживаю, что в них нет ни единого человеческого слова. Вечно одни и те же фразы, повторяющие одну и ту же ложь. И если люди к этому привыкают, если народ еще не растерзал марионеток, это, по моему убеждению, доказывает только одно: люди ни в грош не ставят свое правительство и превращают в игру – да-да, именно в игру – немалую часть своей жизни и своих так называемых жизненных интересов.

Роман: человек, понявший, что для того, чтобы жить, надо быть богатым, всецело предается погоне за деньгами, добивается успеха, живет и умирает счастливым.

Сентябрь

Тот август был чем-то вроде затишья – глубокий вдох, прежде чем неистовым усилием все разрешить. Прованс и что-то во мне, чему приходит конец. Прованс подобен женщине, которая опирается на вашу руку. Надо жить и созидать. Жить до слез – как перед этим крытым круглой черепицей домом с синими ставнями, который стоит на проросшем кипарисами склоне. В Марселе, счастье и грусть – я на пределе. Любимый мною живой город. Но в то же время – горечь одиночества.

<Марсель>. 8 сентября

Долгий заход ослепительного солнца. Цветущие олеандры в Монако и Генуе. Синие вечера на Лигурском побережье. Моя усталость и подступающие к горлу слезы.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org

Одиночество и жажда любить. Наконец Пиза, живая и строгая, ее зелено-желтые дворцы, ее купола и дивные берега сурового Арно[11Река в Средней Италии.]. Сколько благородства в этом отказе распахнуть свою душу. Город стыдливый и чувствительный. В ночном безлюдье он так близок мне – и, гуляя один, я даю наконец волю слезам. Какая-то незаживающая рана в моей душе начинает зарубцовываться.

Четверг 9

Пиза и ее жители, отдыхающие на площади перед Дуомо[12Площадь перед Дуомо – главная достопримечательность Пизы, так называемое «поле чудес», на котором находятся главный собор (дуомо), «падающая башня», баптистерий.]. Кампо Санто[13Пизанский некрополь с надгробиями и статуями времен Древнего Рима и раннего средневековья.] с его прямыми линиями и кипарисами по углам. Становятся понятными распри XV и XVI веков. Каждый город здесь имеет свое лицо и свою сокровенную правду.

Нет другой жизни, кроме той, чье уединение нарушал мерный звук моих шагов по берегу Арно. А также той, что волновала меня в поезде, идущем во Флоренцию. Женщины с такими серьезными лицами вдруг разражались смехом. Особенно хохотала одна, с длинным носом и горделивым ртом. В Пизе я долго предавался лени на поросшей травой Пьяцца дель Дуомо. Я пил из фонтанчиков, и вода была тепловатой, но бежала так быстро. По пути во Флоренцию я подолгу любовался лицами, упивался улыбками. Счастлив я или несчастен? Неважно. Я живу так яростно.

Вещи, живые существа ждут меня, и я, конечно, тоже жду их и тянусь к ним всеми силами моей печальной души. Но здесь я добываю себе средства к существованию, храня молчание и тайну. Как чудесно, когда не нужно говорить о себе.

Флоренция. На углу возле каждой церкви горы цветов с плотными блестящими лепестками, в капельках росы, таких простодушных.

Mostra Giottesca[14Выставка Джотто (ит.).].

Требуется время, чтобы заметить, что ранние флорентийские мастера изображали лица, которые каждый день встречаются на улицах. Потому что мы утратили привычку видеть в лице главное. Мы уже не смотрим на своих современников, мы лишь берем от них то, что помогает нам ориентироваться (во всех смыслах). Раннехристианские мастера неискажают, они «воплощают».

Над монастырским кладбищем Сантиссима Аннунциата серое небо с нависшими тучами; архитектура строгая, но ничто здесь не напоминает о смерти. Есть надгробные плиты и надписи: этот был нежным отцом и верным мужем, тот был лучшим из супругов и предприимчивым торговцем, молодая женщина, образец всех добродетелей, говорила по-французски и по-английски, *si come il nativo*[15Как на своем родном языке (ит.).]. (Все ревностно исполняли свой долг, а сегодня на плитах, призванных увековечить их совершенства, дети играют в чехарду.) Вон там лежит девушки, бывшая единственной надеждой своих родных. Ma la gioia è pellegrina sulla terra[16Но радость – странница на земле (ит.).]. Однако все это меня не убеждает. Почти все, судя по надписям, покорились вышней воле, вероятно, оттого, что ревностно выполняли свой долг в этом, как и во всем прочем. Я не покорюсь. Я буду безмолвно протестовать до конца. Нечего говорить «надо». Я прав в своем бунте, и я буду шагом идти к радости, этой вечной страннице на земле.

Тучи сгущаются, и ночь постепенно погружает во мрак надгробные плиты, на которых высечена мораль, приписанная мертвым. Если бы я был моралистом и писал книгу, то из сотни страниц девяносто девятьставил бы чистыми. На последней я написал бы: «Я знаю только один долг – любить». Всему прочему я говорю нет. Решительное нет. Плиты утверждают, что это бесполезно и что жизнь идет: *col sol levante, col sol cadente*[17То возвышая нас, то губя (ит.).]. Но бесполезность нимало не ослабляет моего бунта, наоборот, она его разжигает. Я сидел на земле, прислонившись к колонне, и думал об этом, а дети смеялись и ревились. Священник улыбнулся мне. Женщины смотрели на меня с любопытством. В церкви глухо играл орган, и его мягкий звук доносился порой сквозь крики детей. Смерть! Если продолжать в том же

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
духе, я мог бы умереть счастливым. Я растранижирил бы всю свою надежду.

Сентябрь

Если вы говорите: «я не понимаю христианства, мне не нужны утешения», значит, вы человек ограниченный и пристрастный. Но если, живя без утешения, вы говорите: «я понимаю позицию христианства и восхищаюсь ею», значит, вы легкомысленный дилетант. Что до меня, я начинаю утрачивать чувствительность к общественному мнению.

Поздние розы в монастыре Санта Мария Новелла и флорентийские женщины в это воскресное утро. Пышные груди, глаза и губы, от которых у вас начинает сильнее биться сердце, пересыхает во рту и по всему телу разливается жар.

Фьезоле[18Городок в окрестностях Флоренции.]

Приходится вести трудную жизнь.

Не всегда удается поступать так, как того требует мой взгляд на вещи. (И стоит мне только завидеть абрис моей судьбы, как он уже ускользает от моего взгляда.) Приходится упорно трудиться и бороться за то, чтобы вновь обрести одиночество. Но в один прекрасный день земля озаряется своей первозданной и наивной улыбкой. Тогда борьба и жизнь в нас сразу словно бы затихают. Миллионы глаз созерцали этот пейзаж, а для меня он словно первая улыбка мира. Он выводит меня из себя в глубинном смысле слова. Он убеждает меня, что вне моей любви все бесполезно и даже любовь моя, если она утратила невинность и беспредметность, бессильна. Он отказывает мне в индивидуальности и не откликается на мои страдания.

Мир прекрасен, и в этом все дело. Он терпеливо разъясняет нам великую истину, состоящую в том, что ум и даже сердце – ничто. А камень, согретый солнцем, или кипарис, который кажется еще выше на фоне ясного неба, очерчивают единственный мир, где понятие «быть правым» обретает смысл, – природу без человека. Этот мир меня уничтожает. Он стирает меня с лица земли. Он отрицает меня без гнева. А я, смирившийся и побежденный, устремляюсь на поиски мудрости, которой все уже подвластно, – только бы слезы не застилали мне взор и только бы громкое рыдание поэзии, распирающее мне грудь, не заставило меня забыть о правде мира.

13 сентября

Запах лавра, который растет во Фьезоле на каждом шагу.

15 сентября

В монастыре Сан Франческо во Фьезоле есть маленький дворик, окруженный аркадами, полный красных цветов, солнца и черно-желтых пчел. В углу стоит зеленая лейка. Повсюду жужжат мухи. Маленький садик тихо курится под палящим солнцем. Я сижу на земле, думаю о францисканцах, чьи кельи только что видел, чьи вдохновенные порывы мне теперь понятны, и отчетливо сознаю, что если они правы, то и я прав. Я знаю, что за стеной, к которой прислоняюсь, есть холм, а у подножия его раскинулась, принося себя в дар, вся Флоренция с ее кипарисами. Но великолепие мира словно бы оправдывает этих людей. Я призываю на помощь всю мою гордость, чтобы уверовать, что оно оправдывает и меня, и всех подобных мне – тех, кто знает, что крайняя бедность всегда смыкается с роскошью и богатством мира. Если мы сбрасываем покровы, то лишь для более достойной (а не для иной) жизни. Это единственный смысл, который я вкладываю в слово «голь» (*d-pnemant*). «Быть голым» всегда означает физическую свободу, близость руки к цветам, любовное согласие земли и человека, освободившегося от человеческих свойств, – ах, если бы я не уверовал во все это раньше, то несомненно уверовал бы теперь.

Нынче я чувствую себя свободным по отношению к своему прошлому и к тому, что я утратил. Я жажду лишь этой сосредоточенности да замкнутого пространства – этого ясного и терпеливого горения. Я хочу одного: держать свою жизнь в руках, как тесто, которое изо всех сил минут и месят, прежде чем посадить хлебы в печь, – и уподобиться людям, сумевшим провести всю жизнь между цветами и колоннами. То же и эти долгие ночи в поезде, когда можно разговаривать с самим собой, наедине с собой строить планы и с восхитительным терпением возвращаться к уже обдуманному, останавливать свои мысли на бегу, затем снова гнать их вперед. Сосать свою жизнь, как леденец, лепить, оттачивать, наконец, любить ее – так подыскивают окончательное слово, образ, фразу, заключительные, западающие в память, те, что мы уносим с собой и что будут отныне определять наш угол зрения. Можно на том и остановиться и положить конец целому году мятежной и изнурительной жизни. Я силюсь довести свое присутствие в себе самом до конца, сохранить его во всей моей многоликой жизни – даже ценой одиночества, нестерпимость которого я теперь узнал. Главное – не поддаваться. Не соглашаться, не предавать. Все мое исступление помогает мне в этом, и в наивысшей точке его я обретаю любовь, а вместе с нею – неистовую страсть жить, которая составляет смысл моего существования.

Всякий раз, когда человек («я») уступает своему тщеславию, всякий раз, когда человек думает и живет, чтобы «казаться», он совершает предательство. Желание «казаться» – это большое несчастье, которое всегда принижало меня перед лицом истины. Нет необходимости открывать душу всем, откроем ее лишь тем, кого мы любим. Ибо в этом случае мы желаем не казаться, а лишь дарить. Сильный человек – тот, кто умеет казаться только тогда, когда надо. Идти до конца – значит уметь хранить свою тайну. Я страдал от одиночества, но, чтобы сохранить свою тайну, я преодолел страдание, причиняемое одиночеством. И сегодня я убежден, что самая большая заслуга человека в том, чтобы жить в одиночестве и безвестности.

Писать – вот что приносит мне глубокую радость! Жить в согласии с миром и наслаждаться – но только быть при этом голым и босым. Я не был бы достоин любить наготу пляжей, если бы не умел оставаться нагим перед самим собой.

Впервые слово «счастье» не кажется мне двусмысленным. Пожалуй, я понимаю под ним не совсем то, что обычно имеют в виду люди, говорящие: «Я счастлив». Некоторое постоянство в отчаянии рано или поздно рождает радость. И у каждого из тех, кто в монастыре Сан Франческо окружили себя красными цветами, стоит в келье череп, дающий пищу для размышлений. За окном Флоренция, а на столе смерть. Что до меня, то если я чувствую, что в моей жизни происходит перелом, то не благодаря тому, что я приобрел, а благодаря тому, что утратил. Я чувствую в себе необъятные, глубокие силы. Именно они позволяют мне жить так, как я считаю нужным. Если сегодня я так далек от всего, то вот почему: у меня есть силы только на любовь и восхищение. Мне кажется, я готов приложить все силы любви и отчаяния, чтобы лелеять жизнь с ее залитым слезами или сияющим лицом, жизнь среди соленых волн и раскаленных камней, жизнь, как я ее люблю и понимаю. Сегодня не похоже на перевалочный пункт между «да» и «нет». Оно – и «да», и «нет». «Нет» – и бунт против всего, что не есть слезы и солнце. «Да» – моей жизни, которая впервые сулит мне что-то хорошее впереди. Кончаются бурный, мятежный год и Италия; грядущее неопределенно, но я совершенно свободен по отношению к прошлому и к себе самому. Вот моя бедность и мое единственное богатство. Я как бы начинаю все сначала – не более и не менее. Но с сознанием собственных сил, с презрением к собственному тщеславию, с ясным, хоть и возбужденным умом, который торопит меня навстречу судьбе.

<23 сентября>

«Он проснулся в поту, ничего не соображая, вскочил и побродил по квартире. Потом зажег сигарету и стал тупо разглядывать складки на своих помятых брюках. Во рту скопилась горечь сна и сигареты. Вокруг него хлюпал мягкий и влажный, словно болотная тина, день»[19Набросок к роману «Счастливая смерть».] .

Рамакришна[20Рамакришна (наст. имя Гададхар Чаттерджи, 1836 – 1886) – индийский религиозный мыслитель.] по поводу торгаши: «Истинный мудрец не брезгает ничем». Не путать слабоумие и святость.

Уединение, роскошь богачей.

30 сентября

Рано или поздно мне всегда удается изучить человека досконально. Надо только не жалеть времени. Всегда наступает момент, когда я чувствую разлад. Любопытно, что это происходит в ту минуту, когда мое внимание что-то отвлекает и мне становится «неинтересно».

2 октября

«Он шел, не останавливаясь, по грязным улицам; моросил дождь. В нескольких шагах уже ничего не было видно. Но он продолжал идти в полном одиночестве по этому городку, такому далекому от всего. От всего и от него самого. Нет, это было невыносимо. Плакать перед собакой, на виду у всех. Он имел право на счастье. Он не заслужил этого».

4 октября

«до последних дней я жил с убеждением, что надо что-то делать в жизни, в частности – что бедняку надо зарабатывать на жизнь, приобрести положение, устроиться. должно быть, мысль эта, которую я пока еще не решаюсь назвать предрассудком, крепко укоренилась во мне, она не оставляла меня, сколько бы я ни иронизировал и ни принимал окончательного решения. Так вот, как только я получил назначение в Бель-Аббес[21Город в Алжире.], все вдруг нахлынуло снова, так значителен был этот шаг. Я отказался от назначения – вероятно, благополучие не имело для меня цены в сравнении с надеждами на подлинную жизнь[22Речь идет о назначении Камю преподавателем колледжа.]. Я отступил перед унылым оцепенением такого существования. Если бы я переждал несколько дней, я бы, конечно, согласился. Но тут-то и крылась опасность. Я испугался одиночества и определенности. Я по сей день не знаю, сила или слабость двигала мной, когда я отверг эту жизнь, закрыл себе путь к тому, что называют “будущим”, обрек себя на безвестность и бедность.

Но по крайней мере я знаю, что если я веду борьбу, то за дело, которое того стоит. Хотя, если как следует посмотреть... Нет. Вероятно, я бежал не просто от определенности, но от определенности уродливой.

А вообще-то способен ли я быть, как говорят люди, “серъезным”? Может, я лентяй? Не думаю, и я это себе доказал. Но имеет ли человек право отказываться от работы под тем предлогом, что она ему не нравится? Я полагаю, что праздность разлагает только тех, кому не хватает темперамента. И если бы мне его не хватало, у меня оставался бы только один выход».

10 октября

Иметь значение или не иметь. Созидать или не созидать. В первом случае все оправдано. Все, без исключения. Во втором случае – полный Абсурд. Остается выбрать наиболее эстетичное самоубийство: женитьба + 40-часовая рабочая неделя или револьвер.

17 октября

На дорогах, поднимающихся от города Блида[23Город в окрестностях алжирской столицы.], ночь разливает молоко и покой, даря благость и сосредоточенность. Утро на горе с ее коротко остриженной шевелюрой, взъерошенной безвременниками, – ледяные источники – тень и солнце – мое тело, сначала все приемлющее, затем

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org

отвергающее. Сосредоточенное усилие при ходьбе, воздух режет легкие, как раскаленный железный прут или острая бритва, – упорные попытки превзойти себя и одолеть склон – или познать себя, познав свое тело. Тело, истинный путь культуры, показывает нам предел наших возможностей.

Деревушки жмутся к возвышенностям и живут каждая своей жизнью. Мужчины в длинных белых одеждах – их простые и точные движения вырисовываются на фоне вечно голубого неба. Дорожки обсажены фиговыми деревьями, оливами, цератониями и ююбами. По пути нам встречаются ослы, груженные маслинами. У погонщиков лица смуглые, а глаза светлые. И между человеком и деревом, между жестом и горой рождается своего рода согласие, трогательное и радостное разом. Греция? Нет, Кабилия[24Горная местность к востоку от г. Алжир.]. Кажется, будто вся Эллада перенеслась сюда через века и возродилась в своем античном великолепии между морем и горами, и лишь лень да почтение к судьбе выдают в этом краю соседство с Востоком.

18 октября

В сентябре над всем Алжиром плывет запах любви, источаемый цератониями, – кажется, будто вся земля отдыхает после совокупления с солнцем и лоно ее увлажнено семенем, благоухающим миндалем.

На этой дороге, ведущей в Сиди-Брахим, после дождя от цератоний исходит запах любви, тяжелый и гнетущий, давящий всем своим водяным грузом. Потом, когда солнце откачивает воду, краски снова расцветают и запах любви становится легким, едва уловимым ноздрями. Кажется, будто, проведя целый день в духоте, вы выходите на улицу вместе с любовницей и она смотрит на вас, прижимаясь к вам плечом, среди огней и толпы.

20 октября

Потребность в счастье и его терпеливый поиск. Нет нужды изгонять меланхолию, но есть необходимость изжить в себе пристрастие к трудному и роковому. Радоваться общению с друзьями, пребывать в согласии с миром и добиваться счастья, следя путем, который, впрочем, ведет к смерти.

«Вы будете в страхе ожидать смерти».

«Да, но я неукоснительно выполню свою миссию, а моя миссия – жить».

Не соглашаться с условиями, не соглашаться на сидение в конторе. Никогда не сдаваться – всегда требовать большего. И сохранять ясный ум, даже просиживая долгие часы в конторе. Стремиться к наготе, к которой мир возвращает нас, как только мы оказываемся с ним наедине. Но прежде всего не стараться казаться, а только – быть.

21 октября

Тому, кто путешествует очень скромно, нужно гораздо больше энергии, чем тому, кто строит из себя спешащего пассажира.

Плыть на палубе, приывать к месту назначения усталым и опустошенным, долго ехать третьим классом, зачастую есть один раз в день, считать каждый грош и каждую минуту бояться, что какой-нибудь несчастный случай вдруг задержит вас в пути, и без того тяжелом, – все это требует мужества и воли, поэтому невозможно принимать всерьез проповеди о «перемене мест». Путешествовать – занятие не из веселых и не из легких. И надо не бояться трудностей и любить неизвестность, чтобы осуществить свою мечту о путешествии, когда ты беден и не имеешь денег. Но если посмотреть как следует, безденежье предостерегает от дилетантства. Конечно, я не стану утверждать, что Жид и Монтерлан[25Преуспевающие литераторы Андре Жид

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
(1869 – 1951) и Анри Монтерлан (1896 – 1972) в глазах Камю олицетворяли слишком комфортабельное отношение к жизни.] много потеряли оттого, что не ездили по железной дороге со скидкой и не застревали в каждом городе на неделю в ожидании билета.

Но я хорошо знаю, что в глубинном смысле не могу смотреть на вещи, как Монтерлан или Жид, – ибо езжу по железной дороге со скидкой.

25 октября

Что невыносимо и постыдно, так это суесловие.

5 ноября

кладбище в Эль-Кеттар. Хмурое небо и бурное море у подножия холмов, усеянных белыми могилами. Мокрые деревья и земля. Голуби меж белых плит. Одинокий розово-красный куст герани и безмерная, безнадежная и немая печаль, которая роднит нас с прекрасным чистым лицом смерти.

6 ноября

дорога к кварталу Мадлен. Деревья, кусочек земли и небо. Ах! Как далеко до этой первой звезды, которая ожидала нас на обратном пути, но какое тайное согласие царит между нею и моими движениями.

7 ноября

Персонаж. А.М. калека – ампутированы обе ноги – одна сторона парализована[26загреус из романа «Счастливая смерть»]. «Мне помогают справлять мои естественные потребности. Меня умывают. Меня вытирают. Я почти ничего не слышу. Но при этом я никогда не решусь оборвать жизнь, в которую так верю. Я согласился бы и на худшее. Быть слепым и лишенным всякой чувствительности, быть немым и не иметь контактов с внешним миром – только бы чувствовать в себе этот мрачный, сжигающий меня огонь, ибо он и есть я, я живой – благодарный жизни за то, что она позволила мне гореть».

8 ноября

В ближайшем кинотеатре продают мятные леденцы с надписями: «Вы на мне женитесь?», «Вы меня любите?» И там же ответы: «Сегодня вечером», «Очень» и т.д. Их передают соседке, и она отвечает тем же манером. Совместная жизнь начинается с обмена леденцами.

13 ноября

Квиклинский:[27друг Камю, врач.] «я всегда действовал под влиянием минуты. Теперь потихоньку переучиваюсь. Действовать так, чтобы быть счастливым? Если мне суждено где-то обосноваться, почему бы не сделать это в той стране, которая мне по душе?

Но, предвосхищая свои чувства, мы всегда ошибаемся – всегда. Так что надо жить так, как легче. Не принуждать себя, даже если это кого-то шокирует. Это немного цинично, но так же рассуждает самая красивая девушка в мире».

Все так, но я не уверен, что, предвосхищая свои чувства, мы обязательно ошибаемся.

Мы просто поступаем неразумно.

Во всяком случае, единственный эксперимент, который меня интересует, это тот, где абсолютно все ожидания оправдались бы.

Сделать что-либо, чтобы быть счастливым, и действительно стать таковым.

Меня привлекает связь между миром и мной, двойное отражение, позволяющее моему сердцу вмешаться и даровать мне счастье, которое, однако, за определенной чертой полностью зависит от мира, властного либо довершить это счастье, либо его разрушить.

Aedificabo et destruam[28я построю и разрушу (лат.)], сказал Монтерлан. Мне ближе другое: *Aedificabo et destruam*[29я построю, и он разрушит (лат.)]. Цикл не исчерпывается мной одним. В цикле существует взаимосвязь между мной и миром. Все дело в том, чтобы знать свое место.

16 ноября

Он говорит: «В жизни должна быть любовь – одна великая любовь за всю жизнь, это оправдывает беспричинные приступы отчаяния, которым мы подвержены».

22 ноября

Совершенно естественно пожертвовать небольшой частью своей жизни, чтобы не потерять ее целиком. Шесть или восемь часов в день, чтобы не подохнуть с голоду. Да и вообще, все идет на пользу тому, кто этой пользы ищет.

декабрь

Густой, как масло, дождь на стеклах, гулкий стук лошадиных копыт и глухой шум затяжного ливня – все принимало облик прошлого, и гнетущая печаль проникала в сердце Мерсо[30Герой романа «Счастливая смерть»], как вода проникала в его башмаки, а холод – в колени, плохо защищенные тонкой тканью. Из самых недр неба одна за другой набегали черные тучи, быстро упливая и уступая место новым. Эта невесомая вода, которая лилась вниз, не похожая ни на туман, ни на дождь, легким проникновением освежала лицо М. и промывала его глаза, обведенные большими кругами. Складка на его брюках исчезла, а с нею теплота и доверие, с которым нормальный человек смотрит на мир, созданный для него. (В Зальцбурге.)

Человек, который подавал большие надежды, а теперь работает в конторе. Больше он ничего не делает, вернувшись домой, ложится и покуривает в ожидании ужина, затем снова ложится и спит до следующего дня. По воскресеньям он встает очень поздно и садится у окна, глядя на дождь или на солнце, на прохожих или на тишину.

И так весь год. Он ждет.

Ждет смерти. Что толку в надеждах, если все равно...

Политика страны и судьбы людей находятся в руках личностей, лишенных идеала и благородства. Те, в ком есть благородство, политикой не занимаются. И так во всем. Но теперь необходимо воспитывать в себе нового человека. Необходимо, чтобы люди действия имели идеалы, а поэты были людьми дела. Необходимо воплощать мечты в жизнь – приводить их в действие. Прежде от них отрекались или в них погружались. Не надо ни погружаться, ни отрекаться.

У нас не хватает времени быть самими собой. У нас хватает времени только на то, чтобы быть счастливыми.

Вещи утомительные утомляют лишь поначалу. Дальше смерть. «Такая жизнь не для меня», но, живя этой жизнью, мы в конце концов смиряемся с нею.

1938

Февраль

Страдание оттого, что не все общее, и несчастье оттого, что все общее.

Весь революционный дух заключается в протесте человека против условий человеческого существования. В этом смысле он является в той или иной форме единственной вечной темой искусства и религии. Революция всегда направлена против богов – начиная с революции Прометея[31образ титана Прометея, восставшего против Зевса и олимпийских порядков, в произведениях Камю (эссе «Сыны Каина» в книге «Бунтующий человек» и др.) трактуется как символ «метафизического бунта». Лишенный человеколюбия и гуманистического пафоса героя Эсхила, Прометей Камю предстает «родоначальником современных завоевателей.]. Это протест человека против судьбы, а буржуазные паяцы и тираны – не более чем предлог.

И, вероятно, можно уловить революционный дух в его историческом проявлении. Но тогда требуется вся душевная энергия Малльро, чтобы избежать соблазна приводить доказательства. Проще рассматривать этот дух вне истории, как суть и судьбу. Поэтому произведение искусства, которое изображало бы завоевание счастья, было бы произведением революционным.

Открыть чрезмерность в умеренности.

Апрель

Сколько гнусности и ничтожества в существовании работающего человека и в цивилизации, базирующейся на людях труда.

Но тут все дело в том, чтобы устоять и не сдаваться. Естественная реакция – в нерабочее время всегда разбрасываться, искать легкого успеха, публику, предлог для малодушия и паясничанья (по большей части люди для того и живут вместе). Другая неизбежная реакция заключается в том, чтобы разглагольствовать. Впрочем, одно не исключает другого, особенно если учесть плотскую распущенность, отсутствие культуры тела и слабоволие.

Все дело в том, чтобы молчать – упразднить публику и научиться судить себя. Сочетать в равной мере заботу о своем теле с заботой об осознанном существовании. Отбросить всякие претензии и отдаваться двойной работе – по освобождению от власти денег и от собственного тщеславия и малодушия. Жить упорядоченно. Не жалко потратить два года на размышления над одним-единственным вопросом. Надо покончить со всеми прежними занятиями и постараться ничего не забыть, а потом приняться терпеливо запоминать.

Поступив так, вы имеете один шанс из десяти избежать самого гнусного и ничтожного из существований – существования человека работающего.

<Май>

В любой идеи меня привлекает прежде всего ее острота и оригинальность – новизна и внешний блеск. Надо честно признаться.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Я до сих пор не могу забыть охватившего меня отчаяния, когда мать объявила мне, что «я уже вырос и буду теперь получать к Новому году полезные подарки».

Меня до сих пор коробит, когда мне дарят подарки такого рода. Конечно, я прекрасно знал, что ее устами говорит любовь, но почему любовь избирает порой столь жалкий язык?

Об одной и той же вещи утром мы думаем одно, вечером другое. Но где истина – в ночных думах или в дневных размышлениях? два ответа, два типа людей.

<Июнь>

Лето в Алжире.

По чью душу эта стая черных птиц в зеленом небе? Постепенно все поглощает слепое и глухое лето, и тем пронзительнее делаются призывы стрижей и крики разносчиков газет.

«Нынче много говорят о достоинствах труда, о его необходимости. Г-н Жинью, в частности, имеет весьма определенное мнение на этот счет.

Но это обман. Достойным может быть только добровольный труд. Одна праздность имеет нравственную ценность, ибо позволяет судить о людях. Она пагубна лишь для посредственостей. В этом ее урок и ее величие. Труд, наоборот, одинаково губителен для всех. Он не развивает способность суждения. Он пускает в ход метафизику унижения. Самые достойные не выдерживают этого рабства, навязываемого им обществом благонамеренных людей.

Я предлагаю перевернуть классическую формулу и сделать труд плодом праздности.

Достойный труд заключается в игре в «бочонок» по выходным. Здесь труд смыкается с игрой, а игра, подчиненная технике, поднимается до произведения искусства и творчества в самом широком смысле слова...

Одних это приводит в восторг, других – в негодование.

Что ж такого! Мои работники зарабатывают по сорок франков в день...»

В конце месяца мать с ободряющей улыбкой говорит: «Сегодня вечером будем пить кофе с молоком. День на день не приходится...»

Но по крайней мере они смогут там заниматься любовью...

Единственное возможное в наше время братство, единственное, какое нам предлагают и позволяют, – это гнусное и сомнительное солдатское братство перед лицом смерти.

В кино молоденькая жительница Орана плачет горючими слезами, глядя на несчастья героя. Муж умоляет ее перестать. Она говорит сквозь слезы: «Дай же мне, в конце концов, вспять поплакать».

Исклучение, одолевающее все умы: цинизм.

Ничтожество и величие этого мира: в нем совсем нет истин, только любовь. Царство Абсурда, спасение от которого – в любви.

Романы-фельетоны[32Роман-фельетон – литературный жанр, начало которому дали «Парижские тайны» Э. Сю и «Три мушкетера» А. Дюма. Отличительными признаками этого жанра, ориентированного на массового читателя, являются захватывающая интрига,

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
изобретательная композиция, экзотический колорит.] не грешат против психологии.
Но психология здесь великодушна. Она не считается с деталями. Она строится на
доверии. И тем самым грешит против истины.

Удивительно, как тщеславен человек, который хочет внушить себе и другим, что он
стремится к истине, меж тем как он просит только любви.

<Август>

Два слепца выходят на улицу между часом и четырьмя ночи. Потому что они уверены,
что никого не встретят на улицах. Если они наткнутся на фонарь, они смогут
всласть посмеяться. Они и смеются. А днем чужая жалость мешает им веселиться.

«Писать, – говорит один из слепцов. – Но это никого не трогает. Трогает в книге
только отпечаток волнующей жизни.

А с нами ничего волнующего не случается».

Пишуещему лучше недоговорить, чем сказать лишнее. Во всяком случае, никакой
болтовни.

«Реальное» переживание одиночества более чем далеко от литературы – оно
совершенно не похоже на то, которое описывают в книгах.

Ср. унизительность любых страданий. Не дать себе докатиться до полной
опустошенности. Пытаться преодолеть и «заполнить». Время – не терять его.

Единственная возможная свобода есть свобода по отношению к смерти. Истинно
свободный человек – тот, кто, приемля смерть как таковую, приемлет при этом и ее
последствия, то есть переоценку всех традиционных жизненных ценностей.

«Все дозволено» Ивана Карамазова – единственное последовательное выражение
свободы[33Иван Карамазов – один из тех героев Достоевского, с которыми Камю
ощущал внутреннее родство. В 30-е гг. он исполнил роль Ивана в собственной
инсценировке «Братьев Карамазовых»: «Я играл его, быть может, плохо, но мне
казалось, что понимаю я его в совершенстве.]. Но надо постичь суть этой
формулы.

Воздух населен жестокими и страшными птицами.

Чем больше счастья в жизни человека, тем трагичнее его свидетельство. Подлинно
трагическим произведением искусства (если считать произведение искусства
свидетельством) окажется произведение человека счастливого. Потому что оно будет
полностью сметено с лица земли смертью.

Чувства, которые мы испытываем, не преображают нас, но подсказывают нам мысль о
преображении. Так любовь не избавляет нас от эгоизма, но заставляет нас его
осознать и напоминает нам о далекой родине, где этому эгоизму нет места.

Художник и произведение искусства. Подлинное произведение искусства сдержанно.
Существует некоторое соотношение между опытом художника в целом, его мыслью +
его жизнью (в каком-то смысле его системой – исключая все, что это слово
подразумевает систематического) – и произведением, которое отражает этот опыт.
Это соотношение неверно, когда в произведении искусства воплощается весь
жизненный опыт автора в некотором литературном обрамлении. Это соотношение
верно, когда произведение искусства есть часть, отсеченная от опыта, алмазная
грань, вбирающая в себя весь внутренний блеск. В первом случае произведение
громоздко и литературно. Во втором – жизнеспособно, ибо за ним угадывается
богатейший опыт.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Проблема заключается в том, чтобы обрести (вернее, выстрадать) умение жить, а это труднее, чем приобрести умение писать. В конечном счете великий художник прежде всего тот, кто постиг великое искусство жизни (при условии, что в понятие жизни входит и ее осмысление – более того, жизнь и есть это едва уловимое соотношение между опытом и его осознанием).

Чистая любовь – мертвая любовь, если понимать под любовью любовную жизнь, создание определенного жизненного уклада, – в такой жизни чистая любовь превращается в постоянную отсылку к чему-то иному, о чем и нужно условиться.

Мысль всегда впереди. Она видит слишком далеко, дальше, чем тело, не выходящее за рамки настоящего.

Лишить человека надежды – значит свести мысль к телу. А телу суждено сгнить.

Черствое сердце творца.

<декабрь>

В больнице. Больной туберкулезом; врач сказал, что через пять дней он умрет. Он решает сократить срок и перерезает себе горло бритвой. Он не может жить пять дней, это очевидно. «Не пишите об этом в ваших газетах, – говорит санитар журналисту. – Он и так настрадался».

Он любит здесь, на земле, а она любит его с уверенностью, что они соединятся в вечности. Их любовь нельзя мерить одной меркой.

Смерть и творчество. На пороге смерти он просит почтить ему вслух его последнее произведение. Это не совсем то, что он хотел сказать. Он просит сжечь его.

И умирает без утешения – что-то оборвалось у него в груди, словно лопнула струна.

1938

Воскресенье

Ветер бушевал в горах и мешал нам идти вперед, не давал говорить, свистел в ушах. Весь лес снизу доверху извивается. От горы к горе над долинами летят красные листья папоротника. И эта прекрасная птица, рыжая, как апельсин.

История солдата Иностранного легиона, который убивает свою любовницу в задней комнате. Потом берет тело за волосы и тащит его в зал, а оттуда на улицу, где его и арестовывают. Хозяин кафе-ресторана взял его в долю, но запретил ему приводить любовницу. А она возьми да и приди. Он велел ей убираться. Она не захотела. Поэтому он ее убил.

Пара в поезде. Оба некрасивы. Она льнет к нему, хочет, кокетничает, завлекает его. Он хмурится, он смущен: все видят, что его любит женщина, которой он стыдится.

В жизни всякого человека мало великих чувств и много мелких. Если совершаешь выбор – две жизни и две литературы.

Удовольствие, которое приносит общение мужчины с мужчиной. То самое, мимолетное, которое испытываешь, когда даешь прикурить или просишь об этом, – сообщничество, масонское братство курильщиков.

фауст наоборот. Молодой человек просит у черта богатства этого мира. Черт (который носит спортивный костюм и не скрывает, что цинизм – великое искушение для ума) мягко замечает ему: «Ведь богатства этого мира тебе и так принадлежат. Того, чего тебе не хватает, ты должен просить у Бога. Ты заключишь сделку с Богом и за богатства мира иного продашь ему свое тело».

Помолчав, дьявол закуривает английскую сигарету и добавляет: «И это будет тебе вечной карой».

На двери записка: «Входите. Я повесился». Входят – так и есть. (Он говорит «я», но его «я» уже не существует.)

Яванские танцы. Неспешность, принцип индийского танца. Постепенное развертывание. В общем движении не пропадает ни одна деталь. Детали играют такую же важную роль, как в архитектуре. Жестов становится все больше. Все разворачивается постепенно, неторопливо. Не поступки и не жесты. Причастность.

Наряду с этим в некоторых жестоких танцах – прорывы в трагизму. Использование пауз в аккомпанементе (который, впрочем, есть лишь призрак музыки). Здесь музыка не следует рисунку танца. Она составляет его основу. Она включает в себя и жест, и звук. Она обтекает тела и их бесчувственную геометрию. (Отелло в танце голов.)

Об Абсурде? [34Наброски к книге «Миф о Сизифе» и к повести «Посторонний».]

Есть только один случай чистого отчаяния. Это отчаяние приговоренного к смерти (да будет нам позволено прибегнуть к сравнению). Можно спросить у безнадежно влюбленного, хочет ли он, чтобы завтра его гильотинировали, и он ответит «нет». Из-за ужаса перед казнью. Да.

Но ужас проистекает здесь из уверенности – вернее, из математической составляющей, лежащей в основе этой уверенности. Абсурд здесь налицо. Это противоположность иррациональному. Он имеет все признаки очевидности. Что иррационально, что было бы иррационально, так это призрачная надежда, что опасность минует и смерти можно будет избежать.

Но не абсурд. Очевидность в том, что ему, находящемуся в здравом уме и твердой памяти, отрубят голову – более того, весь его здравый ум сосредоточивается на том факте, что ему ее отрубят.

Кириллов [35Персонаж романа Достоевского «Бесы» (1870 – 1872). Свое прочтение образа этого «логического самоубийцы» Камю изложил в эссе «Кириллов», вошедшем в книгу «Миф о Сизифе».] прав. Убить себя – значит доказать свою свободу. А проблема свободы решается просто. У людей есть иллюзия, что они свободны. У осужденных на смерть этой иллюзии нет. Весь вопрос в том, насколько эта иллюзия реальна.

До: «Как представить себе, что этот стук, неразлучный со мною с незапамятных времен, вдруг оборвется, а главное – как представить себе сердце в ту самую секунду, когда...»

«Ах, каторга, какая благодать!»

1939

февраль

Жизни, которые смерть не захватывает врасплох. Которые готовы к ней. Которые ее учили.

Когда умирает писатель, начинают переоценивать его творчество. Точно так же, когда умирает человек, начинают переоценивать его роль среди нас. Значит, прошлое полностью сотворено смертью, которая населяет его иллюзиями.

Любовь, которая не выдерживает столкновения с реальностью, – это не любовь. Но в таком случае неспособность любить – привилегия благородных сердец.

Трагедия – замкнутый мир, где люди упираются в стену, сшибаются лбами. В театре она должна рождаться и гибнуть на узком пространстве сцены.

Это солнечное утро: теплые улицы, на которых полно женщин. На каждом углу продают цветы. А девушки улыбаются.

<Апрель>

Высокие плато и Джебель-Надор[36Джебель-Надор – горная возвышенность в Алжире.].

Нескончаемые просторы пшеничных полей, ни деревьев, ни людей. Редкие хижины, да на горизонте шагает поеживающаяся от холода фигурка. Несколько ворон и тишина. Никакого прибежища – ни одной зацепки для радости или для меланхолии, которая могла бы принести плоды. От этой земли исходят только тоска и бесплодность.

В Тиарете[37Тиарет – город в Алжире.] несколько преподавателей сказали мне, что им все «осточертело».

- И что же вы делаете, когда чувствуете, что вам все осточертело?
- Надираемся.
- А потом?
- Идем в бордель.

Я пошел с ними в бордель. Сыпал мелкий снег, он забивался всюду. Все они были навеселе. Сторож потребовал с меня два франка за вход. Огромный прямоугольный зал, стены в косую черно-желтую полоску. Танцы под патефон. Девицы не красотки и не дурнушки.

Одна говорила: «Ну, ты идешь со мной?»

Мужчина вяло отбивался.

- Я, – не унималась девица, – очень хочу, чтоб ты сделал это со мной.

Когда мы уходили, по-прежнему шел снег. Временами снегопад стихал, и тогда можно было разглядеть окрестности. Все те же унылые просторы, но на сей раз белые.

Мобилизация.

Старший сын идет на фронт. Он сидит против матери и говорит: «Это ничего». Мать не отвечает. Она берет со стола газету. Складывает ее вдвое, потом еще раз вдвое, потом еще.

На вокзале толпа провожающих. Битком набитые вагоны. Какая-то женщина плачет. «Я никогда не думала, что такое возможно, что может быть так плохо». Другая:

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
«Поразительно, как все торопятся на верную смерть». Девушка плачет, прижавшись к
жениху. Он стоит серьезный, молчаливый. Дым, крики, толкотня.

Поезд трогается.

Лица женщин, наслаждение солнцем и водой, вот чему грозит смерть. И если мы не
приемлем убийство, мы должны выстоять. Наша жизнь состоит из противоречий. Вся
эпоха задыхается, тонет в противоречиях, не в силах проронить ни единой слезы,
несущей избавление. Нет не только решений, нет и проблем.

В Провансе и в Италии кипарисы выделяются на фоне неба черными пятнами, а здесь,
на кладбище Эль-Кеттар, кипарис золотился на солнце и сочился светом. Казалось,
кипящий в его черном сердце золотой сок переливается через край коротких ветвей
и стекает длинными золотистыми струями на зеленую листву.

...Словно книги, где подчеркнуто столько фраз, что начинаешь поневоле
сомневаться в уме и вкусе читателя.

На войне. Люди, рассуждающие о степени опасности того или иного фронта. «Я
воевал на самом страшном участке фронта». Все рушится, а они устанавливают
иерархию. Так они спасаются от хаоса.

Сюжет для пьесы[38Набросок пьесы «Недоразумение» (1943).]. Человек в маске.

После долгого путешествия он возвращается домой в маске. Он никогда ее не
снимает. Почему? Таков сюжет.

В конце концов он снимает маску.

Он надел ее просто так. чтобы смотреть на мир из-под маски. Он еще долго бы ее
не снимал. Он был счастлив, если это слово имеет смысл. Но страдания жены
побуждают его открыть лицо.

«до сих пор я любил тебя всем своим “я”, а теперь буду любить тебя всего-навсего
так, как ты того хочешь. Но похоже, тебе легче сносить мое презрение, чем
любить, не понимая. Это разные вещи».

(Или разные женщины. Одна любит его в маске, потому что он ее интригует. Когда
он снимает маску, любовь ее проходит. «Ты любила меня умом. Надо было любить
меня еще и нутром». другая любит его несмотря на маску и продолжает любить и без
нее.)

Своеобразный, хотя и естественный механизм: она объясняла страдания человека,
которого любила, как раз теми обстоятельствами, которые были для нее наиболее
мучительны. Она так свыклась с безнадежностью, что, когда пыталась понять жизнь
этого человека, всегда видела в ней только то, что было не в ее пользу. А его
как раз это и раздражало.

Исторический ум и ум вечный. Один наделен чувством прекрасного. Другой –
чувством бесконечного.

Ле Корбюзье: «Видите ли, художника отличает то, что в его жизни бывают минуты,
когда он ощущает себя больше, чем человеком».

Человек, много лет живущий один, усыновляет ребенка. Он обрушивает на него все
свое одинокое прошлое.

И в своем замкнутом мирке, один на один с этим существом он чувствует себя
хозяином ребенка и великолепного царства, находящегося в его власти.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Он его тиранит, пугает, сводит с ума своими фантазиями и придирками. В конце концов ребенок убегает, и он снова остается в одиночестве, плача и сгорая от любви к утраченной игрушке.

Эдгар По и четыре условия счастья:

- 1) Жизнь на свежем воздухе
- 2) Сознание, что тебя любят
- 3) Отказ от всякого честолюбия
- 4) Созидание.

Бодлер: «В Декларации прав человека забыты два права: право противоречить себе и право уходить из жизни».

Он же: «Бывают соблазны настолько сильные, что они поневоле превращаются в добродетели».

<Июль>

На пляже человек, раскинувши руки, – распятый на солнце.

<Август>

Легенды о божествах, переодетых нищими, призывали к милосердию. Оно не свойственно человеку от природы.

В Коринфе[39Коринф – город в Греции, основанный около VIII в. до н.э.] рядом стоят два храма: храм силы и храм нужды.

<Начало сентября>

Война разразилась. Где война? Где, кроме сводок новостей, которым приходится верить, да плакатов, которые приходится читать, искать проявлений этого абсурдного события? В этом синем небе над синим морем, в этом звоне стрекоз, в кипарисах на холмах ее нет. Нет ее и в пляшущих солнечных бликах на улицах Алжира.

Люди стремятся поверить в нее. Ищут ее лицо, но она прячется от нас. Вокруг царит жизнь с ее великолепными лицами. Прожить всю жизнь в ненависти к этой твари, а теперь, когда она перед нами, не узнавать ее. Почти ничего не изменилось. Позже, конечно, придут грязь, кровь и страшное омерзение. Но пока люди видят лишь одно: начало войны похоже на начало мира – ни природа, ни сердце ничего не замечают.

Одни созданы для того, чтобы любить, другие – для того, чтобы жить.

Мы всегда преувеличиваем важность жизни отдельного человека. Есть множество людей, не знающих, что делать с жизнью, – не так уж безнравственно лишить их ее. С другой стороны, все приобретает новое значение. Но это уже известно. То, что эта катастрофа абсурдна по своей сути, ничего в ней не меняет.

Ее абсурдность – часть еще более абсурдной жизни. Абсурдность жизни делается благодаря ей более явной и убедительной. Если нынешняя война повлияет на человечество, то влияние это будет следующим: люди укрепятся в своих

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org

представлениях о жизни и в своем о ней мнении. Как только война становится реальностью, всякое мнение, не берущее ее в расчет, отдает фальшью. Человек мыслящий занимается обычно тем, что старается сообразовать свое представление о вещах с новыми фактами, которые его опровергают. В этом-то сдвиге, в этом повороте мыслей и заключается истина, то есть урок, передаваемый жизнью. Поэтому, как ни отвратительна нынешняя война, невозможно оставаться непричастным к ней. Невозможно ни мне – это разумеется само собой и с самого начала – я могу рисковать жизнью и без страха смотреть в лицо смерти, – ни всем тем, безымянным и покорным, что идут на эту непростительную бойню, – в ком я чувствую своих братьев.

Все предали: те, кто подстрекал к сопротивлению, и те, кто проповедовал мир. Они все налицо, такие же послушные и более виноватые, чем остальные. И никогда отдельный человек не был более одинок перед машиной, фабрикующей ложь.

Он еще может презирать и бороться с помощью своего презрения. Если у него нет права быть в стороне и презирать, он сохраняет право судить. Ничего не выйдет из покорности человеческой массе, толпе. Думать иначе было бы предательством.

Каждый умирает в одиночку.

Всем предстоит умереть в одиночку.

Пусть по крайней мере отдельный человек сохранит способность презирать и выбирать в ужасном испытании то, что прибавляет ему человеческого величия. Пойти на испытание и принять все, что с ним связано. Но покляться совершать на самом неблагородном поприще только самые благородные поступки. В основе благородства (подлинного, идущего от сердца) – презрение, храбрость и полное безразличие. Быть созданным, чтобы творить, любить и побеждать, – значит быть созданным, чтобы жить в мире. Но война учит все проигрывать и становиться тем, чем мы не были. Теперь все дело в стиле. Я мечтал, как мы с победой войдем в Рим. И размышлял о вторжении варваров в Вечный город. Но сам я был одним из варваров.

7 сентября

Люди все хотели понять, где война – и что в ней гнусного. И вот они замечают, что знают, где она, что она в них самих, что она в этой неловкости, в этой необходимости выбирать, которая заставляет их идти на фронт и при этом терзаться, что не хватило духу оставаться дома, или оставаться дома и при этом терзаться, что они не пошли на смерть вместе с другими.

Вот она, она здесь, а мы искали ее в синем небе и в равнодушии окружающего мира. Она в страшном одиночестве того, кто сражается, и того, кто остается в тылу, в позорном отчаянии, охватившем всех, в том одичании, которое со временем проступает на лицах. Наступило царствие зверей.

В людях начинают пробуждаться ненависть и слепая сила. В них не осталось ничего чистого. Ничего неповторимого. Каждый думает, как все. Кругом одни звери, звериные лица европейцев. Омерзительный мир, всеобъемлющая трусость, насмешка над храбростью, мнимое величие, упадок чести.

Ошеломительное зрелище: видеть, с какой легкостью рушится достоинство некоторых людей. Но если как следует подумать, ничего странного тут нет, ведь достоинство, о котором идет речь, держалось в них только за счет неустанной борьбы с их собственной природой.

Неизбежно только одно: смерть, всего остального можно избежать.

Во временном пространстве, которое отделяет рождение от смерти, нет ничего предопределенного: все можно изменить, можно даже прекратить войну и жить в мире, если желать этого как следует – очень сильно и долго.

Правило: в каждом человеке видеть прежде всего то, что в нем есть хорошего.

Смиряться. И видеть, например, хорошее в дурном. Если меня не берут на фронт, значит, мне суждено вечно оставаться в стороне. И именно эта борьба за то, чтобы оставаться нормальным человеком в исключительных условиях, всегда давала мне больше всего сил и позволяла приносить больше всего пользы.

Гёте (Эккерману): «дай я себе волю, я очень скоро разорился бы сам и разорил всех своих близких...»[40Из книги И.П. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» (1836).] Самое важное – научиться владеть собой.

«Все, что не убивает меня, придает мне силы» (Ницше).

Преодолеть еще и это? Придется. Но эти бесконечные усилия оставляют горький осадок. Неужели нельзя было избавить нас хотя бы от этого? Но и усталость тоже необходимо преодолеть. И это тоже не пройдет бесследно. Однажды вечером, подойдя к зеркалу, мы обнаруживаем, что морщина, кривящая уголки губ, стала чуть глубже. Что это? Это результат моей борьбы за счастье.

У Жарри[41Жарри Альфред (1873 – 1907) – французский писатель. Описанный эпизод ярко характеризует «это последнее воплощение метафизического денди», каким, по словам Камю, был Жарри.] перед смертью спросили, чего он хочет. «Зубочистку». Ему ее дали, он поднес ее ко рту и умер довольный. Жалкие люди, вы смеетесь над этим и не извлекаете ужасного урока. Всего-навсего зубочистка, только зубочистка, обычная зубочистка – вот цена этой пленяющей нас жизни.

Куча людей, а за ними и Полан[42Полан Жан (1884 – 1968) – французский писатель и критик, руководитель журнала «Нувель ревю франсез».] на страницах «Нувель ревю франсез», поражаются, что война 1939 г. началась не в такой обстановке, как война 14-го. Наивные люди, они думают, что ужас всегда имеет одно лицо, наивные люди, они не могут расстаться с запасом привычных образов.

<Ноябрь>

Смерть Людовика XVI. Он написал жене письмо и просит человека, который ведет его на казнь, передать его ей. В ответ он слышит: «Я здесь не для того, чтобы выполнять ваши поручения, я здесь для того, чтобы вести вас на эшафот».

Письмо к отчаявшемуся человеку.

Вы пишете, что война вас удручет, что вы готовы умереть, но не в силах выносить вселенскую глупость, жестокую трусость и преступную наивность людей, которые все еще верят, что кровь может разрешить все встающие перед человечеством проблемы.

Я читаю ваше письмо и понимаю вас. Мне особенно понятен ваш выбор и противоречие между вашей готовностью умереть и отвращением при виде того, как умирают другие. Значит, вы человек достойный. Это ставит вас в ряд тех, с кем можно говорить. И правда, как не впасть в отчаяние?

Не один раз судьба тех, кого мы любим, оказывалась под угрозой. Болезнь, смерть, безумие, но оставались мы, и оставалось то, во что мы верили! Не один раз ценности, которыми мы жили, оказывались на грани крушения. Но никогда еще гибель не грозила одновременно и всем нашим близким, и всем нашим ценностям без исключения. Никогда мы не были обречены на поголовное уничтожение.

Я понимаю вас, но не разделяю ваших чувств, когда вы собираетесь сделать свое отчаяние правилом жизни и, решив, что все бесполезно, замыкаетесь в своем отвращении. Ибо отчаяние есть чувство, а не состояние. Жизнь не может сводиться к отчаянию. И чувство не должно вытеснять трезвый взгляд на вещи.

Вы говорите: «А как же быть? И что я могу?» Но изначально вопрос стоит не так. Вы, конечно, еще не утратили веру в отдельную личность, потому что прекрасно чувствуете, сколько хорошего есть в тех, кто вас окружает, и в вас самом. Но эти отдельные люди бессильны – и вы отчаяваетесь в обществе. Учтите, однако, что вы уже порвали с этим обществом задолго до катастрофы, что вы и я знали, что это общество неизбежно придет к войне, что вы и я выступали против нее и, наконец, что мы чувствовали полную свою несовместимость с этим обществом. С тех пор оно не изменилось. Оно пришло к своему естественному концу. И, право, если посмотреть на вещи беспристрастно, нынче у вас не больше поводов для отчаяния, чем было в 1928 г.

Да, у вас их ровно столько же.

А если как следует все взвесить, у тех, кто воевал в 1914 г., было больше причин для отчаяния, потому что они хуже понимали, что происходит. Вы скажете: какой мне прок знать, что в 1928 г. было столько же поводов для отчаяния, сколько в 1939-м? И будете правы. Ибо в 1928 г. отчаяние ваше не было беспросветным, меж тем как теперь все вам кажется напрасным. Если ничто не изменилось, значит, суждение ваше неверно. Оно неверно, как и всегда, когда правда, вместо того чтобы явиться нам в итоге размышлений, предстает во плоти жизни. Вы предвидели войну, но надеялись ее предотвратить. И потому отчаяние ваше не было беспросветным. Сегодня вы думаете, что ничего уже не способны предотвратить. В этом все дело.

Но прежде всего следует спросить вас, все ли вы сделали, чтобы предотвратить войну? Если да, то война могла бы показаться вам неизбежной и вы могли бы рассудить, что тут уже ничего не поделаешь. Но я уверен, что вы сделали не все, что никто из нас не сделал всего, что надо. Предотвратить войну было не в ваших силах? Нет, это не так. Нынешняя война, как вы знаете, не была неизбежной. Достаточно было вовремя пересмотреть Версальский договор. Он пересмотрен не был. Вот и все, вы сами видите, что дела могли пойти совсем по-иному. Но этот договор, или что-либо другое, еще можно пересмотреть, еще можно добиться, чтобы Гитлер отступил от своего слова. Еще можно отказаться от этих несправедливостей, вызвавших ответные несправедливости, и потребовать, чтобы те также были уничтожены. Есть еще полезное дело, которое предстоит выполнить. Вы полагаете, что ваша роль отдельного человека практически сводится к нулю. Но на это я скажу вам, возвращаясь к моему предыдущему рассуждению, что она осталась такой же, какой была в 1928 г. Впрочем, я знаю, что вы не слишком держитесь за понятие бесполезности. Ибо я думаю, что вы вряд ли одобряете отказ от военной службы по религиозно-этическим соображениям. И не потому, что у вас не хватает смелости выступить в его защиту. Просто вы не видите в таком отказе никакой пользы. Значит, некоторую долю полезности вы уже допускаете, и это позволяет вам следить за моей мыслью.

Вам есть, что делать, не беспокойтесь.

У всякого человека есть более или менее широкая сфера влияния. Этому способствуют и его недостатки, и его достоинства. Как бы там ни было, влияние существует, и его можно незамедлительно использовать. Никого не подстрекайте к бунту. Надо беречь чужую кровь и свободу. Но вы можете убедить десять, двадцать, тридцать человек, что эта война не была неизбежной и не является таковой и поныне, что существуют средства прекратить ее, которые до сих пор еще не пущены в ход, что об этом надо говорить, когда можно – писать, если потребуется – кричать. Десять или тридцать человек, которых вы убедите, в свою очередь скажут об этом десятку других, те передадут дальше. Если им помешает лень, тем хуже, начните все сначала с другими людьми. Вот когда вы сделаете то, что должны сделать в своей сфере, на своем участке, тогда предавайтесь отчаянию сколько угодно. Поймите, что можно отчаяться в смысле жизни вообще, но не в ее отдельных проявлениях, можно отчаяться в существовании, потому что мы не имеем над ним власти, но не в истории, где отдельный человек может все. Ведь на смерть нас сегодня посыпают отдельные люди. Почему же отдельным людям не постараться подарить миру мир? Надо только начать, не замахиваясь на столь великие дела. Поймите же, что в войне участвует не только энтузиазм тех, кто ее приветствует, но и отчаяние тех, кто ненавидит ее всей душой.

Смерть Лепуатвена, друга Флобера. «Закройте окно! Это слишком прекрасно».

Я не устаю поражаться «развеселому» виду, который принимает в Алжире все, что имеет отношение к смерти. Ничто не кажется мне более оправданным. Что может быть смехотворнее события, обычное сопровождение которого – бульканье в горле и пот градом. Что может быть глупее благоговейного отношения к этому событию. Нет ничего презреннее, чем уважение, основанное на страхе. Отсюда следует, что смерть достойна не большего почтения, чем император Нерон или полицейский комиссар моего округа.

Дон Кихот: Да, я сражался с ветряными мельницами. Ибо совершенно все равно, сражаться с ветряными мельницами или с великанами. Настолько все равно, что их можно перепутать. Моя метафизика – метафизика близорукого.

Веды[43Веды – древнейший памятник индийской литературы (конец второго – начало первого тысячелетия до н.э).]. О чём человек думает, тем он и становится.

29 ноября

Прославление разнообразия, изобилия, в частности чувственной жизни, и призыв отдаваться порыву страсти оправданы только в том случае, если человек доказал свое бескорыстие по отношению к предмету этой страсти.

Существенно также погружение в материю – ведь множество людей прославляют чувственность только потому, что они ее рабы. Здесь также прячется корысть. Отсюда железная необходимость пройти испытание, например, испытание целомудрием, обращаться с самим собой по всей строгости. Перед тем как начать какое бы то ни было теоретическое предприятие, имеющее целью прославление сиюминутного, нужен месяц полной аскезы.

Сексуальное целомудрие.

Целомудрие в мыслях – не давать желаниям сбиваться с пути истинного, мыслям – рассеиваться.

Единственный постоянный предмет размышлений – отказаться от остального.

Трудиться по часам, не прерываясь, не отвлекаясь и т.д. и т.п. (нравственная аскеза также).

Одно-единственное отклонение – и все пропало: практика и теория.

1940

Первые миндалевые деревья в цвету на дороге, у моря. Всего на одну ночь они покрылись этим белоснежным покровом, таким хрупким, что не верится, как он может выдержать холод и дождь, который мочит все лепестки.

<февраль>

Женский роман. Единственная тема – искренность.

Март

Что означает это внезапное пробуждение – посреди этой темной комнаты, в шуме города, ставшего вдруг чужим? И все мне чужое, все, ни одного близкого существа и негде залечить рану. Что я делаю здесь, к чему эти жесты, эти улыбки?

Я не из этих краев – и не из других.

И окружающий мир – всего лишь незнакомый пейзаж, где сердце мое уже не находит опоры. Посторонний: кто в силах понять, что значит это слово.

Чуждо, признать, что все мне чуждо.

Теперь, когда все стало ясно, ждать и ничего не жалеть. По крайней мере, работать так, чтобы научиться до конца молчать и творить. Все прочее, все прочее в любом случае неважно.

Единственной реакцией на человеческое общество все чаще и чаще становится индивидуализм. Человек сам себе цель. Все, что пытаются сделать ради общего блага, оканчивается провалом. А тому, кто все-таки хочет сделать попытку, подобает делать ее с нарочитым презрением.

Полностью устраниться и блюсти собственные интересы. (Идиот.)

Мужчина получает письмо от мужа своей любовницы. В этом письме муж вопиет о своей любви и говорит, что, прежде чем дать волю ярости, он хочет в открытую поговорить со своим соперником. Ярости-то любовник и боится больше всего на свете. Поэтому великодушие мужа приводит его в восхищение. И чем сильнее он боится, тем громче говорит о своем восхищении. Он без устали твердит об этом и, значит, с виду преисполнен благородства. Он готов отказаться от всего, хотя бы из признательности мужу за его великодушие, он готов принести себя в жертву – безропотно, он не стоит своего соперника. Впрочем, во все это он верит лишь отчасти. Ведь немалую роль играет тут и страх получить по физиономии.

Марсель. Ярмарка: «Жизнь? Небытие? Иллюзия? И все-таки правда». Большой барабан. Бум, бум, входит в Небытие.

<Март>

Париж. Женщина с верхнего этажа покончила с собой, выбросившись из окна.

Ей было тридцать один год, сказал один из жильцов, – этого довольно, и если она успела пожить, то можно и умереть. В доме еще бродит тень драмы. Иногда она спускалась и просила у хозяйки позволения поужинать с ней. Внезапно она принималась целовать ее – из потребности в общении и теплоте. Кончилось все это шестисантиметровой вмятиной на лбу.

Перед смертью она сказала: «Наконец-то!»

Испанский солдатик в ресторане.

Ни одного слова по-французски, обращается ко мне, страдая без человеческого участия. Эстремадурский крестьянин[44Эстремадура – область на западе Испании.], борец за республику, концентрационный лагерь в Аржелесе, вступил во французскую армию. Когда он произносит слово «Испания», ее небо отражается в его глазах. У него недельный отпуск.

Он приехал в Париж, и город в несколько часов раздавил его. Не зная ни слова по-французски, блуждая в метро, чужой, чуждый всему, кроме родной земли, он мечтает о встрече с однополчанами.

И даже если ему суждено сдохнуть под низким небом среди грязных луж, пусть это хотя бы будет рядом с земляками.

<Апрель>

Вы не писали бы столько об одиночестве, если бы умели извлекать из него все возможное.

<Октябрь-ноябрь>

Старая церковь с копией картины Буше[45Буше Франсуа (1703 – 1770) – французский живописец.].

Служительница, сдающая напрокат стулья: она так испугалась, когда налетели немецкие бомбардировщики. В последнюю войну община потеряла тридцать человек. Нынче всего восемнадцать человек в пленау, но и это немало. Сейчас состоится венчанье молодой пары.

Учительница, беженка из Эльзаса, потерявшая связь с родными. «Как вы думаете, месье, это скоро кончится?» Сын ее погиб в 14-м году, он был тяжело ранен, она поехала к нему и видела, как наши отступали на Марне[46Речь идет о сражении на реке Марна между англо-французскими и германскими войсками (5 – 12 сентября 1914 г.). В этой битве погиб отец писателя Люсиен Камю.]. Она увезла его с собой, он умер дома.

«Я там такого навиделась, ввек не забуду».

На дворе все то же небо и все тот же холод. Распаханная земля и ровная, сверкающая река, которая течет внизу, время от времени покрываясь легкой рябью. Чуть подальше зал ожидания на вокзальчике в Серрезене. Освещение, соответствующее военному времени; афиши, приглашающие счастливо жить в Бандоле[47Бандоль – курорт французской Ривьеры, на побережье Средиземного моря.], – в полутьме. Печка погасла, ее холодные плитки все в разводах от поливки дезинфицирующими средствами. Предстоит час ожидания под гул далеких поездов и вой вечернего ветра над долиной. Так близко и так одиноко. Здесь приближаешься вплотную к своей свободе, и до чего же она ужасна!

Единство, единство с этим миром, где цветам и ветру никогда не искупить всего остального.

<Декабрь>

Сознательно или бессознательно женщины всегда пользуются чувством чести и верности данному слову, которое так сильно развито у мужчин.

1941

<Январь-февраль>

О Флоренции и Афинах пишут книги.

Раз эти города воспитали столько европейских умов, значит, в них что-то есть.

Они способны растрогать и возвысить.

Они утоляют голод души, питающейся воспоминаниями. Но никому бы не пришло в голову писать о городе, где нет пищи для ума, где царит уродство, где нет места прошлому. А между тем это бывает весьма заманчиво.

Почему люди проявляют привязанность и интерес к тому, что ничего не может дать взамен? Эта пустота, это уродство, эта скука под великолепным неумолимым небом – что в них соблазнительного? Я могу ответить: творение. Для определенного типа

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
людей творение всюду, где оно прекрасно, – отчество с тысячью столиц.

Оран[48Город в Алжире.] – одна из них.

Кафе. Лангустины, вертела, улитки под обжигающим рот соусом. Их запивают отвратительным сладким мускатом.

Такого не придумаешь. Рядом слепой поет фламенко.

18 марта

Возвышенности над Алжиром весной утопают в цветах. Медовый запах желтых роз течет по улочкам. На верхушках гигантских черных кипарисов вдруг распускаются глицинии, стебли которых незаметно ползут вверх, скрытые хвоей. Легкий ветерок, огромный спокойный залив. Простое и сильное желание – и как же нелепо покидать все это.

19 марта

Каждый год на пляжах расцветает множество девушки. Они цветут только один сезон. На следующий год их сменяют другие красавицы, прошлым летом бывшие еще маленькими девочками.

Для человека, который на них смотрит, они как волны, ежегодно обрушающиеся всем своим грузом и великолепием на желтый песок.

<Конец марта>

Чем руководствуется сердце? Любовью? Что может быть ненадежнее. Можно знать, что такое любовное страдание, но не знать, что такое любовь.

Тут и утрата, и сожаление, и пустые руки.

Пусть я не буду сгорать от страсти, при мне останется тоска. Ад, где все сулит рай. И все-таки это ад. Я называю жизнью и любовью то, что меня опустошает. Отъезд, принуждение, разрыв, мое беспросветное сердце, разорванное в клочья, соленый вкус слез и любви.

<Апрель>

Чума-избавительница

Счастливый город. Люди живут каждый по-своему. Чума ставит всех на одну доску. И все равно все умирают. Дважды бесполезно. Философ пишет там «антологию незначительных поступков». Ведет, в этом свете, дневник чумы. (Другой дневник, в патетическом свете. Преподаватель греческого и латыни. Обнаруживает, что до сих пор не понимал Фукидса и Лукреция[49Имеется в виду, что преподаватель греческого и латыни не понимал устрашающие картины чумы, описанные афинским историком Фукидидом (460 – 396 до н.э.) и римским поэтом Лукрецием Каром (96 – 55 до н.э.).] .) Его любимая фраза «По всей вероятности». «Трамвайная компания имела в своем распоряжении только 760 рабочих вместо 2130. По всей вероятности, в этом повинна чума».

Черный гной, сочавшийся из язв, убивает веру в молодом священнике. Он хочет бежать. «Если я уцелею...» Но ему не удается спастись. За все приходится платить. Тела увозят на трамваях. Целые составы, груженные трупами и цветами, идут вдоль моря. Кондукторов увольняют: пассажиры не платят за проезд.

Агентство «Инфдок-СВП» дает все справки по телефону. «Сегодня двести жертв, месье. Мы запишем два франка на ваш телефонный счет». «Невозможно, месье, гробы

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
поступят не раньше, чем через четыре дня. Позвоните в трамвайную компанию. Мы запишем...» Агентство рекламирует свою деятельность по радио: «Вы желаете знать ежедневно, еженедельно, ежемесячно число жертв чумы? Обратитесь в „Инфдок“ – пять телефонных номеров: 353-91 и следующие».

Город закрывают. Люди умирают скопом, вдали от остального мира. Однако находится господин, не расстающийся со своими привычками. Он продолжает переодеваться к обеду. Члены семьи один за другим исчезают из-за стола. Он умирает, глядя в свою тарелку, при полном параде. Как говорит служанка: «Хоть какой-то прок. Нет нужды его обряжать». Покойников уже не хоронят, их выбрасывают в море. Но их слишком много, они напоминают чудовищную пену на синеве моря.

Один мужчина видит на лице любимой женщины следы чумы. Никогда он не будет любить ее так сильно. Но никогда она не была ему так противна. Он борется с собой. Но верх все-таки одерживает тело. Его обуревает отвращение. Он хватает ее за руку, стаскивает с кровати, тащит через комнату, прихожую, коридор, по двум уложкам, потом по главной улице. Он бросает ее в сточную канаву.

«В конце концов, есть и другие женщины».

Напоследок берет слово самый незначительный персонаж. «В каком-то смысле, – говорит он, – это бич Божий».

Все старания западного искусства сводятся к тому, чтобы предложить воображению разные типы. И история европейской литературы кажется не чем иным, как цепью вариаций на заданные темы и бесконечным развитием этих типов. Расиновская любовь – вариация такого типа любви, который, быть может, не встречается в жизни. Это упрощение – стиль. Запад не изображает свою будничную жизнь. Он вечно рисует великие образы, которые вдохновляют его. Он их ищет. Он хочет быть Манфредом или Фаустом, дон Жуаном или Нарциссом. Но приблизиться к ним не удается. Всегда побеждает стадное чувство. С горя Запад изобрел киногероя.

Приходится платить и мараться в низком человеческом страдании. Грязный, отвратительный и липкий мир боли.

Политики не сознают, насколько равенство враждебно свободе. В Греции были свободные люди, потому что были рабы.

Проблема искусства есть проблема перевода. Плохие писатели те, кто пишут, считаясь с внутренним контекстом, неизвестным читателю. Нужно писать как бы вдвоем: главное здесь, как везде, – научиться владеть собою.

Для человека мудрого в мире нет тайн, какая ему нужда блуждать в вечности?

Воля – тоже одиночество.

Лист о Шопене: «Отныне искусство стало для него лишь средством стать зрителем собственной трагедии».

<Сентябрь>

Изменение погубить себя и все отринуть, не быть ни на кого похожим, навсегда уничтожить то, что нас определяет, предаться одиночеству и небытию, найти единственную точку опоры, где судьбы всякий раз могут начаться сначала. Изменение это постоянно. Поддаться ему или нет? Можно ли вносить одержимость произведением в глубь кипучей жизни, или надо, наоборот, равнять по нему всю жизнь, подчиняться мгновенным озарениям? Красота – главная моя забота, так же как и свобода.

Ж.Копо[50] Жак (1879 – 1949) – французский актер и режиссер, основатель знаменитого театра «Вье Коломбье» («Старая голубятня»).]: «В великие эпохи не ищите драматического поэта в его кабинете. Он на театре, среди своих актеров. Он актер и режиссер».

Мы не принадлежим великой эпохе.

В пантомиме бродячие артисты говорят на непонятном языке (фарсовое эсперанто) – главное для них не смысл, а сама жизнь.

Шансерель[51] Шансерель Леон (1886 – 1965) – французский драматург, критик, режиссер.] справедливо настаивает на важности пантомими. Тело в театре: весь современный французский театр (кроме Барро[52] Барро Жан Луи (1910 – 1994) – французский актер и режиссер. Приобрел известность как мастер пантомими, когда в 1935 г. поставил в театре «Ателье» пластическую драму «Около матери» (по роману Фолкнера «Когда я умираю»), в которой изображал лошадь и обезжающего ее наездника.) забыл о нем.

<Октябрь>

Те, кто творили во времена смуты: Шекспир, Мильтон, Ронсар, Рабле, Монтень, Малерб.

В Германии национальное чувство изначально отсутствовало. Его заменяло расовое сознание, измыщенное интеллектуалами. Оно гораздо более агрессивно. Немца волнует внешняя политика, француза – внутренняя.

При осаде Севастополя Толстой высекивает из траншеи и бежит к бастиону под непрерывным огнем противника: он увидел крысу, а крыс он страшно боялся.

Все мысы побережья похожи на готовую к отплытию флотилию. Эти скалистые и лазурные корабли покачиваются на своих качелях, словно готовясь отплыть к залитым светом островам. Вся Оранская область готова отправиться в путь, и ежедневно в полдень ее охватывает лихорадочная жажда приключений. Быть может, настанет утро, когда мы отплывем вместе.

В разгар жары над гигантскими дюнами мир сжимается и сокращается. Это жаркая кровавая клетка. Он ограничен моим телом. Но стоит вдали зареветь ослу, и дюны, пустыня, небо вновь обретают свое бытие в пространстве. А пространство это бесконечно.

В какой-то момент перестаешь испытывать любовное волнение. Остается только трагизм. Жить ради кого-то или чего-то становится уже бессмысленно. Смысл обретает только мысль о том, чтобы можно было за что-то умереть.

Еще встречаются люди, которые путают индивидуализм и личностное начало. Это значит смешивать два плана: социальный и метафизический. «Вы разбрасываетесь».

Переходить от одного образа жизни к другому – значит не иметь своего лица.

Но иметь свое лицо – эта мысль свойственна определенному уровню цивилизации. Иным это может показаться худшим из несчастий.

Противоречивость современного мира.

В Афинах народ мог по-настоящему осуществлять свою власть только потому, что он посвящал этому большую часть своего времени, а рабы с утра до вечера трудились.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
С тех пор как рабство отменили, работать приходится всем. И именно в эпоху, когда европейцы дальше всего продвинулись по пути пролетаризации, на первое место выходит идеал суверенитета народа – это невозможно.

В Афинах театр – вещь серьезная: представления устраиваются два-три раза в год[53В Древней Греции театральные представления происходили на праздниках в честь бога Диониса – Великих Дионисиях и Ленеях.]. А в Париже? И они хотят вернуться к тому, что умерло! Лучше создайте свои собственные формы.

«Самое невинное занятие люди могут сделать преступным» (Мольер. Предисловие к «Тартюфу»).

В Афинах покойниками занимались только во время антестерий[54Антестерии – весенний праздник в древних Афинах.]. А как только они кончались: «Прочь, души, антестерии закончились».

Изначально греческая религия утверждала, что всех ждет Преисподня.

Ни награды, ни кары не существует – и в иудейской религии тоже. Идея награды – плод общественного сознания.

1942

<Январь-февраль>

Нет такого тяжкого преступления, на которое умный человек не чувствовал бы себя способным. Согласно Жиду, великие умы не поддаются этому искушению, потому что это бы их ограничило.

Французы сохранили революционные привычки и традиции. Им не хватает только решительности: они превратились в чиновников, мелких буржуа, мидинеток. Гениальный ход – сделать их легальными революционерами. Они готовят заговоры с позволенияластей. Они переделывают мир, не отрывая задницы от кресла.

<Март>

Высшая похвала «Илиаде» заключается в том, что, зная заранее исход битвы, читатели тем не менее разделяют смятение ахеян, отступающих под натиском троянцев. (То же относится и к «Одиссею»: известно ведь, что Улисс[55Улисс – латинский вариант имени Одиссей.] убьет женихов.) С каким же волнением, должно быть, внимали рассказу первые слушатели!

К вопросу о великодушной психологии.

Для человека больше пользы, когда его изображают в выгодном свете, чем когда его без конца попрекают недостатками. Всякий человек, естественно, старается походить на свой лучший образ.

Это правило распространяется на педагогику, историю, философию, политику.

Мы, к примеру, – плод двадцативекового созерцания евангельских образов. Две тысячи лет человек видел сам себя униженным. Результат налицо. Кто знает, что сталось бы с нами, если бы все эти двадцать веков мы видели перед собой идеал античности с его прекрасным человеческим лицом?

«Жить и умирать перед зеркалом», – сказал Бодлер. Все как-то забывают о том, что «и умирать». Жить перед зеркалом готов каждый. А самое-то трудное – стать хозяином собственной смерти.

Навязчивый страх ареста. Он прилежно посещал аристократические заведения – концертные залы, дорогие рестораны. Связать себя узами солидарности с этими людьми – уже защита. И потом, там тепло, там рядом люди. Он мечтал издать блистательные книги, которые прославили бы его и сделали бы неуязвимым. В его представлении было достаточно, чтобы сыщики прочли его книги. Они сказали бы: «Этот человек не лишен чувствительности».

Это художник. Человека с такой душой осудить нельзя». Но иногда он чувствовал, что точно так же его защитила бы болезнь,увечье. И как некогда преступники бежали в пустыню, он собирался сбежать в клинику, санаторий, сумасшедший дом.

Он нуждался в общении, тепле.

Он перебирал в памяти своих знакомых.

«Невозможно, чтобы так поступили с приятелем г-на Х, с гостем г-на У».

Но связей всегда оказывалось недостаточно, чтобы удержать занесенную над ним неумолимую руку. Тогда мысль его обращалась к эпидемиям. Ведь может же начаться тиф, чума, ведь такое бывает, такое случалось. До какой-то степени это правдоподобно. И тогда все меняется, пустыня сама идет к вам. Теперь им уже не до вас. А ведь дело именно в этом: в сознании, что кто-то без вашего ведома занят вами и неизвестно, каковы его намерения – что он решил и решил ли. Значит, выбираем чуму – а без землетрясения пока обойдемся».

Так это дикое сердце призывало своих близких и молило их о тепле. Так эта сморщенная заскорузлая душа просила пустыню о прохладе и с надеждой взглядалась в болезни, катастрофы, стихийные бедствия. (Развить эту мысль.)

Дед А.Б. в пятьдесят лет счел, что с него довольно. Он лег на кровать в своем домике в Тлемсене и вставал только в крайних случаях – так он дожил до восьмидесяти четырех лет. Из скромности он никогда не покупал часов. Он узнавал время, и прежде всего время еды, с помощью двух кастрюль, в одну из которых был насыпан горошек. Он исправно пересыпал его в другую кастрюлю, и это помогало ему ориентироваться во времени.

Он и прежде проявлял признаки этой безучастности ко всему: ничто его не интересовало, ни работа, ни дружба, ни музыка, ни кафе. Он ни разу не выезжал из города, а когда однажды ему понадобилось съездить в Оран, он вышел на ближайшей к Тлемсену станции, испугавшись того, что ему предстоит, и с первым же поездом вернулся домой. Тем, кто удивлялся его тридцатичетырехлетнему лежанию в постели, он объяснял, что по христианскому вероучению половина жизни человека – путь вверх, а другая – путь вниз и что во время этого пути вниз жизнь человека уже не принадлежит ему. Впрочем, он противоречил себе, замечая, что Бога нет, а коли так, то и священники ни к чему, но это философское убеждение, вероятно, объяснялось досадой, которую он испытывал от частых сборов пожертвований в своем приходе.

Его облик довершает страстное желание, о котором он говорил всем и каждому: он надеялся дожить до глубокой старости[56 набросок к роману «Чума».]

Отвратительно, когда писатель говорит, пишет о том, чего он не пережил.

Но постойте, ведь убийца не самый подходящий человек, чтобы рассказывать о преступлении. (Однако не самый ли он подходящий человек, чтобы рассказывать о своем преступлении? даже в этом уверенности нет.) Следует помнить, какое расстояние отделяет творчество от поступка. Настоящий художник находится на полпути между своими вымыслами и своими поступками. Он – человек, «способный на». Он мог бы быть тем, кого он описывает, пережить то, что он описывает. Только поступок ограничил бы его, и он стал бы тем, кто его совершил.

Край, где находит прибежище красота, труднее всего оборонять – так хочется его пощадить. Поэтому народы художественно одаренные непременно пали бы жертвой неблагодарных, если бы любовь к свободе не перевешивала в сердцах людей любовь к красоте. Это инстинктивная мудрость – ведь свобода есть источник красоты.

Калипсо предлагает Улиссу выбор между бессмертием и отечеством. Он отвергает бессмертие. В этом, быть может, весь смысл «Одиссеи». В песни XI Улисс и мертвцы перед ямой, полной крови, – и Агамемнон говорит ему: «Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женой; / Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно»[57Перевод В.А. Жуковского.]. Малодушие всегда найдет себе философское оправдание.

Современный ум в полном смятении. Область знания до такой степени расширилась, что мир и дух утратили все точки опоры. Не подлежит сомнению, что мы страдаем нигилизмом. Но замечательнее всего – проповеди о «возврате». Возврат к средневековью, к первобытному мышлению, к земле, к религии, к арсеналу старых решений. Чтобы счесть эти лекарства хоть сколько-нибудь полезными, нам пришлось бы полностью пренебречь нашими знаниями – словно мы ничему не научились, притвориться, будто мы начисто забыли то, что не забывается. Пришлось бы зачеркнуть многовековой вклад и несомненное богатство духа, который в конце концов (это его последнее достижение) по собственному почину возвращает мир к хаосу. Это невозможно. Чтобы выздороветь, нужно свыкнуться с новоприобретенной трезвостью суждения, с новоприобретенной прозорливостью. Надо учесть внезапно посетившее нас осознание нашего изгнанничества. Ум в смятении не оттого, что знание перевернуло мир. Он в смятении оттого, что не может смириться с этим переворотом. Он «не привык к этой мысли». Пусть же он привыкнет к ней, и тогда смятение пройдет. Останется только переворот и ясное осознание его духом.

Надо переделать целую культуру.

«Европу, – говорит Монтескье, – погубят военные».

Книги Коперника и Галилея оставались под запретом до 1822 года. Три века упрямства, это мило.

Чем литература XIX и особенно XX века отличается от литературы классических веков? Как вся французская литература, она моралистична. Но классическая мораль есть мораль критическая (за исключением Корнеля) – мораль негативная. Мораль XX века, напротив, позитивна: она определяет стили жизни.

Взгляните на романтического героя, на Стендalu (он вполне принадлежит своему веку, но именно поэтому), на Барреса[58Баррес Морис (1862 – 1923) – французский писатель.], Монтерлана, Мальро, Жида и др.

Монтескье: «Бывают мелкие глупости, которые хуже больших».

Начинаешь лучше понимать, что такое «Вечное возвращение»[59Понятие Ф. Ницше, согласно которому история человечества не имеет развития и представляет собой «вечный круговорот» всего того, что в прошлом уже повторялось бесконечное число раз. По словам философа, «вечные песочные часы бытия снова и снова оказываются перевернутыми.], если представляешь его себе как повторение великих событий – как если бы все имело целью воспроизвести или подчеркнуть кульминационные события в истории человечества.

Итальянские мастера раннего Возрождения или Страсти[60Страсти (пассионы) – музыкальные и театральные произведения, изображающие крестные муки Христа.] по Иоанну воскрешают, воссоздают, бесконечно толкуют тот миг, когда на Голгофе было сказано: «Совершилось!». Во всех поражениях есть нечто от Афин, сданных римским варварам, все победы напоминают о Саламине[61Саламин – остров в Эгейском море,

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
около которого в 480 г. до н.э. произошло легендарное морское сражение,
принесшее грекам победу над персами.], и т.д. и т.п.

Критика о «Постороннем». Сплошной «Моралин»[62«Моралин» – в произведениях Ф. Ницше слово, выражавшее презрительное отношение к христианскому морализму.]. Глупцы, они думают, будто отрицание – свидетельство беспомощности, а это осознанный выбор. (Летописец Чумы показывает героическую сторону отрицания.) Для человека, лишенного Бога – а таковы все люди, – другая жизнь невозможна. Воображать себе, что мужественность сводится к суетливым пророчествам, а величие – к духовному позерству! Но эта борьба посредством поэзии, нередко столь темной, это так называемое восстание духа – самый легкий выход. Все это не достигает цели, о чём прекрасно знают тираны.

О критике

Три года, чтобы написать книгу, пять строчек, чтобы ее осмеять – перевиная при цитировании.

Письмо к А.Р., литературному критику (не для отправки).

...Одна фраза из вашей критической статьи меня особенно поразила: «я не принимаю в расчет...» Как просвещенный критик, знающий о том, что во всяком художественном произведении все заранее продумано, может не принимать в расчет единственный момент в изображении героя, когда тот говорит о себе и приоткрывает читателю часть своей тайны? И как вы не почувствовали, что этот финал еще и точка, где сходятся все линии, где описанное мною раздробленное существование обретает наконец единство...

Вы приписываете мне стремление воссоздать реальность. Реализм – слово, лишенное смысла («Госпожа Бовари» и «Бесы» – реалистические романы, но между ними нет ничего общего). Меня это вовсе не волновало. Если бы понадобилось сформулировать мою цель, я, напротив, заговорил бы о символе.

Впрочем, вы это прекрасно почувствовали. Но вы наделяете этот символ смыслом, какого он не имеет. Да что тут говорить!

Вы без всяких оснований приписали мне смехотворную философию. Ведь ничто в моей книге не указывает на то, что я верю в природного человека, что я отождествляю человеческое существо с растением, что человеческая природа чужда морали и т.д. и т.п. Главный герой моей книги никогда не проявляет инициативы. Вы не заметили, что он всегда ограничивается тем, что отвечает на вопросы, поставленные жизнью или людьми. Таким образом, он никогда ничего не утверждает. И я дал всего лишь его негативное изображение. Ничто не позволяло вам судить о его внутреннем состоянии, кроме той последней главы. Но вы «не принимаете ее в расчет».

Объяснять причины моего стремления «как можно меньше высказывать» было бы слишком долго. Во всяком случае, мне жаль, что поверхностный взгляд побудил вас приписать мне философию лавочника, которой я не могу разделить. Вы лучше поймете, что я хочу сказать, если я замечу вам, что единственная цитата из моего романа, которую вы приводите в своей статье, неверна (привести ее и исправить) и, следовательно, выводы ваши также неверны. Быть может, в книге есть другая философия, и вы коснулись ее, рассуждая о слове «бесчеловечность». Но стоит ли об этом говорить?

Вы, быть может, подумаете: не слишком ли много шума из-за маленькой книжечки неизвестного автора? Но я полагаю, что дело здесь касается не только меня. Ибо вы избрали позицию блестителя морали, которая помешала вам судить с присущими вам – если верить отзывам – проницательностью и талантом. Такая позиция шатка, и вы знаете это лучше всех. Граница между вашей критикой и той, которая существовала не так давно и скоро появится вновь благодаря управляемой литературе, дабы судить о моральном характере того или иного произведения, весьма зыбкая. Это отвратительно, говорю вам об этом без гнева. Ни вы, ни кто-либо другой не вправе судить, пойдет произведение на пользу народу или во вред ему в данный момент или когда бы то ни было.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
я, во всяком случае, отказываюсь подчиняться подобным приговорам, и именно это явилось поводом для моего письма. Уверяю вас, что я с радостью выслушал бы более суровый критический отзыв, если бы он не отдавал такой коснотью.

Как бы там ни было, я хотел бы, чтобы мое письмо не породило нового недоразумения. Мои слова продиктованы вовсе не чувствами обожженного автора. Я прошу вас не предавать мое письмо огласке даже частично. Вам не часто доводилось видеть мое имя в печати, несмотря на то что двери журналов нынче широко открыты. Дело в том, что мне нечего сказать читателям журналов, а приносить жертвы рекламе я не люблю. В данный момент я публикую книги, плод многолетнего труда, по той единственной причине, что закончил их и работаю над новыми, которые являются их продолжением. Я не жду от них ни материальной, ни моральной выгоды. Я надеялся только на внимание и терпение, которых заслуживает дело, предпринятое с чистым сердцем. Похоже, что даже и это требование было чрезмерным.

При всем том – примите уверения в моем искреннем почтении.

Французские рабочие – единственные, рядом с кем я хорошо себя чувствую, единственные, кого я хочу узнать и в кого «перевоплотиться». Мы похожи.

У Джойса волнует не само произведение, а тот факт, что он взялся за его создание. Таким образом, следует различать восхищение поступком художника – которое не имеет никакого отношения к искусству – и восхищение самим художественным произведением.

Утверждаться в мысли, что произведение искусства есть вещь рукотворная, что создателю нечего ждать «подсказки» свыше. «Обитель», «Федра», «Адольф» [63 «Обитель» – «Пармская обитель», роман Стендоля (1839); «Федра» – трагедия Ж. Расина (1677); «Адольф» – роман Б. Констана (1807).] могли быть написаны иначе – и не менее прекрасно. На все воля автора – безраздельного владельца.

У всех великих добродетелей абсурдное лицо.

Ностальгия по чужой жизни. Потому что, если смотреть извне, она образует единое целое. А собственная жизнь, при взгляде изнутри, кажется разорванной. Мы все еще гонимся за призраком цельности.

При совокуплении с животными отсутствует сознание другого. В нем «свобода». Вот почему оно привлекало столько умов, вплоть до Бальзака.

До христианской эры Будда не проявлял себя, потому что был погружен в нирвану, то есть лишен облика.

Согласно Прусту, дело не только в том, что природа подражает искусству. А в том, что великий художник учит нас видеть в природе то, что его произведение одному ему присущим образом сумело в ней выделить. Все женщины становятся ренуаровскими.

«У подножия кровати, сотрясаемая всеми вихрями этой агонии, не рыдая, но порой заливаясь слезами, моя мать впала в безотчетное отчаяние, как листва, которую хлещет дождь и кружит ветер».

Г<ерманты>.

«Существа, сыгравшие в нашей жизни большую роль, редко исчезают из нее внезапно и насовсем». Г<ерманты>.

«В поисках утраченного времени» – произведение героическое и мужественное:

- 1) благодаря постоянству созидающей воли;
- 2) благодаря усилию, которого оно потребовало от больного человека.

«Когда из-за приступов я несколько дней и ночей подряд не мог не только спать, но даже лежать, не мог ни есть, ни пить, то в момент наивысшего изнурения и страдания, когда мне казалось, что мучения мои никогда не кончатся, я сравнивал себя с путешественником: выброшенный на песчаный берег, отравленный ядовитыми растениями, он тряслся от лихорадки в мокрой одежде, но через два дня ему становится лучше, и он наудачу продолжает свой путь, пытаясь отыскать какое-нибудь местное племя, которое может оказаться и людоедским. Его пример укреплял меня, возвращал мне надежду, и мне становилось стыдно, что я на мгновение утратил присутствие духа» («Содом и Гоморра»).

Не идет к проститутке, которая к нему пристает и возбуждает в нем желание, потому что у него при себе только тысячефранковый билет, а попросить сдачу ему неловко.

Чувство, противоположное прустовскому: восхищаться новизной города, каждого нового дома, каждого человека, каждой розы и каждым любовным порывом и воображать себе, чем они станут для нас со временем, когда делаются привычными и «родными», отправляясь на поиски времени, которое еще не наступило.

Пример:

Ночь, одиночество, приезд в незнакомый город – это ощущение удушья, собственной ничтожности рядом с организмом, в тысячу раз более сложным. Достаточно на следующее утро отыскать главную улицу, и все приходит в порядок; мы обживаем новое место. Коллекционировать ночные приезды в города, где ты никогда не был, черпать силы из незнакомых гостиничных номеров.

Когда к некоторым городам (как правило, к тем, где мы уже были) или некоторым людям нас влекут сексуальные мечтания, мы оказываемся в дураках. Ибо даже самые бездуховные из нас никогда не живут, повинуясь сексуальному влечению, во всяком случае, в повседневной жизни слишком много вещей, не имеющих ни малейшего отношения к сексу. Так что, когда нам время от времени с грехом пополам удается воплотить одно из этих мечтаний или воскресить одно из таких воспоминаний, в жизни нашей открываются огромные пустоты, словно омертвельные участки кожи. И тогда приходится вожделеть другие города.

Отчего лицо ее, напоминающее о стольких страданиях, все-таки кажется мне счастливым?

Октябрь

В еще зеленой траве уже пожелтевшие листья. Короткие, но сильные порывы ветра бьют солнечным молотом по зеленой наковальне лугов, выковывая слиток света, и пчелиное гудение этой кузницы доносится до меня. Алая красота. Роскошная, ядовитая и одинокая, как мухомор.

Сексуальная жизнь была дана человеку, дабы сбить его с пути истинного. Это его опиум. Она погружает человека в сон. Без нее он вновь просыпается. С другой стороны, воздержание препятствует продлению рода – в этом, быть может, и заключается истина.

Писатель не должен говорить о сомнениях, посещающих его в связи с его творчеством. Он рискует услышать в ответ: «Кто же заставляет вас творить? Если это так ужасно, зачем этим заниматься?» Сомнения – самая потаенная часть нашей души. Никогда не говорить о своих сомнениях – каковы бы они ни были.

«Грозовой перевал»[64«Грозовой перевал» – роман английской писательницы Э.Бронте (1847). Размышления об этом произведении и его герое, Хитклифе, открывают книгу «Бунтующий человек».] – один из величайших романов о любви, ибо он кончается поражением и бунтом – иначе говоря, смертью без надежды. Главный герой – дьявол. Такая любовь может держаться лишь финальным поражением, то есть смертью. Она может продолжаться только в аду.

23 октября

Начало.

«Чума» имеет социальный смысл и смысл метафизический. Они полностью совпадают. Подобная двойственность присутствует также и в «Постороннем».

Говорят: мухи не обидит – как будто можно обидеть бессловесную муху. Но посмотрим, как умирают мухи на липкой бумаге – той, что изготовлена специально для борьбы с ними, и мы поймем, что создатель этого выражения долго следил за их ужасной и незаметной агонией – этой медленной смертью, почти не издающей запаха тления. (Общие места – творение гения.)

Секс ни к чему не ведет. Он не ненравствен, но бесплоден. Им можно заниматься, пока не захочешь творить. Но совершенствоваться может лишь личность целомудренная.

Секс приносит победу, если человек освобождает его от нравственных императивов. Но очень скоро победа оборачивается поражением, истинной же победой становится победа над сексом – целомудрие.

Ноябрь

Осенний пейзаж расцвечен листьями – вишни краснеют, клены желтеют, буки словно покрываются бронзой. На плато загораются тысячи огней второй весны.

Отречение от юности. Не я отрекаюсь от людей и вещей (я бы не смог), люди и вещи отрекаются от меня. Моя юность бежит меня: это и есть болезнь.

Главное, что должен уметь писатель, – претворять те чувства, которые он испытывает, в те, которые он хочет внушить. Поначалу ему это удается случайно. Но затем на место случая должен прийти талант. Значит, у истоков гения стоит случайность.

Утром все покрыто инеем, небо сияет над гирляндами и хоругвями светлого праздника. В десять часов, когда уже пригревает солнце, воздух наполняется звонкой музыкой оттепели: легкий шорох – словно вздыхают деревья, падение инея на землю, словно валятся друг на друга белые мухи, полет запоздалых листьев, беспрерывно осыпающихся под тяжестью льда и едва заметных на поверхности земли, словно истлевший пух. Кругом – тающие в дымке холмы и долины. Стоит взглянуться повнимательнее, и замечаешь, что, утратив все свои краски, этот пейзаж сразу постарел. За одно утро из глубины тысячелетий всплывает очень древний край... Этот волнорез, поросший деревьями и папоротником, устремляется, словно нос корабля, к месту слияния двух рек. С первыми лучами солнца он освобождается от белого покрова и кажется единственным живым местом среди этой равнины, седой, как вечность. По крайней мере в этом месте неясный гул двух потоков противостоит окружающему безмолвию. Но постепенно и журчание воды растворяется в пейзаже. Не затихая ни на миг, оно, однако, обращается в молчание. И лишь тройки дымчатых ворон, пролетающие время от времени в небе, возвращают пейзажу признаки жизни. Сидя на краю волнореза, я совершаю неподвижное плавание по равнодушному краю. Только вся природа и этот белый покой, который зима дарует чересчур пылким

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org

сердцам, – только они могут смириТЬ сердце, терзаемое горькой любовью. Я вижу, как разрастается в небе светлое пятно, рассеивающее предчувствие смерти. Наконец-то мне, которому теперь все говорит только о прошлом, является свыше знамение будущего. Замолкни, легкое! Пей этот бледный, ледяной воздух, который питает тебя. Молчи. Как хочу я не слышать больше твоего медленного гниения – как хочу обратиться наконец к ...

Мне не следовало бы писать: если бы мир был ясен, искусства бы не существовало. Но если бы мир казался мне осмысленным, я не стал бы писать. Есть случаи, когда следует говорить о себе – из скромности. К тому же, четкое определение потребовало бы от меня гораздо больших умственных усилий, и в конце концов я не записал бы его. Это истина блестящая, но безосновательная.

Разнужданная чувственность приводит к убеждению, что мир бессмыслен.

Целомудрие, напротив, возвращает миру смысл.

Когда именно жизнь становится судьбой?

Когда человек умирает? Но это судьба для других, для истории или для его родственников. В сознании? Но ум человеческий сам творит образ жизни как судьбы, вводит связность туда, где ее нет. В обоих случаях перед нами иллюзия. Что же из этого следует?

Что судьбы не существует?

Все искусство Кафки состоит в умении заставлять читателя перечитывать. Его развязки – или отсутствие таковых – подсказывают истолкование, но подсказывают весьма неопределенно и принуждают возвращаться к началу, чтобы, перечитав книгу под новым углом зрения, примерить к ней это истолкование. Иногда возможны две или три трактовки, из чего вытекает необходимость второго и третьего чтения. Но не следует искать объяснения для каждой детали в книгах Кафки. Символ – всегда обобщение, и художник переводит его, не разрушая его цельности. Дословный перевод здесь невозможен. Можно восстановить лишь общий смысл. А остальное – дело случая, которому платит дань всякий творец[65Эскиз статьи «Надежда и абсурд в творчестве франца Кафки», впервые опубликованной в 1943 г. в журнале «Арбалет»; в дальнейшем печаталась как приложение к книге «Миф о Сизифе» – начиная с третьего, расширенного издания 1948 г.].

В этом краю, где зима стерла все краски, потому что кругом все бело, отменила все звуки, потому что снег их приглушает, уничтожила все запахи, потому что холод отбивает обоняние, первое благоухание весенних трав воспринимается, должно быть, как радостный зов, трубный глас чувств.

Болезнь – монастырь со своим уставом, своей аскезой, своим молчанием и своими прозрениями.

Человек должен сам создать для себя единство, либо внутри мира, либо отвернувшись от него. Так восстанавливаются в правах нравственность и аскеза, которым еще предстоит найти точное определение.

Жить своими страстями – значит также и жить своими страданиями, в которых – противовес страсти, поправка к ним и плата за них. Когда человек умеет – и не на словах, а на деле оставаться один на один со своим страданием, преодолевать свое желание спастись бегством, умеет не доверять иллюзии, будто другие способны «разделить» с ним страдание, ему уже почти ничему не надо учиться.

Вообразим себе мыслителя, который, опубликовав несколько книг, заявляет в своем новом сочинении: «до сих пор я шел по неверному пути. Теперь я начну все

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
сначала. Я понял, что был не прав», – после этого никто никогда не станет принимать его всерьез. А между тем он доказал бы таким поступком свое право мыслить.

Вне любви женщина скучна. Она ничего не понимает. Надо жить с одной из них и молчать. Или спать со всеми и делать свое дело. Самое важное – не в этом.

Боги наградили человека великими, блестательными добродетелями, позволяющими ему достичь всего, чего он пожелает. Но одновременно они наградили его и добродетелью более горькой, внушающей ему презрение ко всему, чего он достиг.

...Вечно наслаждаться невозможно, в конце концов наступает усталость. Превосходно. Но отчего? На практике невозможно наслаждаться вечно, потому что невозможно наслаждаться всем. При мысли обо всех тех наслаждениях, которые тебе совершенно недоступны, ощущаешь такую же усталость, как при мысли о тех, которые ты уже испытал. Если бы и в самом деле можно было обять все наслаждения, почувствовали бы мы усталость?

Вот вопрос: любите ли вы идеи – всей душой, всем существом? Может ли идея лишить вас сна? Чувствуете ли вы, что готовы отдать за нее жизнь? Сколько мыслителей отступились бы!

Красота, говорит Ницше вслед за Стендалем, – это обещание счастья. Но если сама она не является счастьем, что может она обещать?

...Только когда все вокруг занесло снегом, я заметил, что двери и окна синие.

Только у бедняков щедрость великодушна.

Грубое физическое желание вспыхивает мгновенно. Но желание вкупе с нежностью требует времени. Приходится пройти через всю страну любви, чтобы загореться желанием. Не потому ли вначале так нехотя вожделеешь ту, которую любишь?

Оправдание абсурдного мира может быть только эстетическим.

1943 – 1946

15 января

Болезнь – это крест, но, быть может, и опора. Идеально было бы взять у нее силу и отвергнуть слабости. Пусть она станет убежищем, которое придает силу в нужный момент. А если платить нужно страданиями и отречением – заплатим.

Небо голубое, поэтому заснеженные деревья, склоняющие свои белые ветви низко-низко надо льдом, кажутся похожими на цветущий миндаль. В этом краю глаз не может отличить весну от зимы.

У меня роман с этим краем, иначе говоря, у меня есть причины и любить его, и ненавидеть. А с Алжиром все наоборот – я люблю его беспредельно и сладострастно предаюсь этому чувству. Вопрос: можно ли любить страну, как женщину?

Вот что освещает мир и делает его сносным – привычное ощущение наших связей с ним, точнее, наших связей с людьми. Общение с людьми всегда помогает жить, потому что оно всегда предполагает продолжение, будущее, – кроме того, мы живем

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org

так, словно нашим единственным призванием является именно общение с людьми. Но бывают дни, когда мы осознаем, что это не единственное наше призвание, а главное, понимаем, что связью с людьми мы обязаны лишь своим собственным усилиям: стоит перестать писать или говорить, стоит обособиться, и толпа людей вокруг вас растает; понимаем, что большая часть этих людей на самом деле готовы отвернуться от нас (не из злобы, а лишь из равнодушия), а остальные всегда оставляют за собой право переключить свое внимание на что-нибудь другое; в эти дни мы понимаем, сколько совпадений, сколько случайностей необходимы для рождения того, что называют любовью или дружбой, и тогда мир снова погружается во мрак, а мы – в тот лютый холод, от которого нас ненадолго укрыла человеческая нежность.

10 февраля

Четыре месяца жизни аскетической и уединенной. Воле, уму это на пользу. А сердцу?

Размышлять и писать по плану мне мешает воображение. Оно у меня беспорядочное, неумеренное, пожалуй, даже чудовищное. Трудно представить себе, какую огромную роль воображение сыграло в моей жизни. А между тем я заметил эту свою особенность только в тридцать лет.

Иногда в поезде или в автобусе, когда время тянется медленно, я запрещаю себе блуждать среди образов и построений, кажущихся мне бесплодными. Но постоянно направлять мысль на верный путь, возвращать ее к полезному источнику утомительно, и наступает минута, когда мысли мои разбредаются, вернее, растекаются во все стороны: тогда часы пролетают молниеносно и я, не успев оглянуться, прибываю к месту назначения.

Быть может, к скульптуре меня влечет любовь к камню. Скульптура возвращает человеческому облику весомость и равнодушие, без которых я и не мыслю величия.

Человек, хоть немного знакомый с гимнастикой ума, знает, подобно Паскалю, что мы всегда совершаем ошибку, исключая что-то из своего поля зрения.

Ум, развившийся до своего предела, твердо знает, что любая теория содержит в себе зерно истины и что любой опыт, накопленный человечеством, даже если он воплощен в таких противоположных фигурах, как Сократ и Эмпедокл, Паскаль и Сад, нельзя априорно отрицать. Однако обстоятельства вынуждают совершать выбор. Так, Ницше считал необходимым подвергнуть критике философию Сократа и христианство, хотя не мог привести серьезных аргументов. Нам же, напротив, необходимо встать на защиту Сократа или по крайней мере того, что он олицетворяет, ибо сегодня существует опасность, что на смену этим ценностям придет отрицание всякой культуры, так что Ницше рискует одержать здесь победу, которой он бы не пожелал. На первый взгляд кажется, что это вносит в жизнь идей некоторый оппортунизм. Но это только кажется, ибо ни Ницше, ни мы сами не забываем о другой стороне вопроса; наши действия – просто защитная реакция. А в конечном счете опыт Ницше вместе с нашим опытом, опыт Паскаля вместе с опытом Дарвина, опыт Калликла[66Калликл – персонаж диалога Платона «Горгий» (между 399 и 388 гг. до н.э.), молодой афинский аристократ, ученик софистов. «Платон предвосхищает в Калликле вульгарный тип ницшеанства», – писал Камю в «Бунтующем человеке.】] вместе с опытом Платона воплощают все богатство человечества и возвращают нас нашему отечеству (но все это может быть верно, лишь если учесть дюжину дополнительных тонкостей). Как бы там ни было, см. Ницше (Происхождение философии, Бьянки, с. 208[67Речь идет о сборнике произведений Ницше «Происхождение философии в эпоху греческой трагедии», изданном в 1938 г. в переводе на французский язык Ж. Бьянки.]): «Сократ, признаюсь честно, так близок мне, что я все время борюсь против него».

Вообразим себе мыслителя, который говорит: «Вот, я знаю, что это правда. Но в конечном счете последствия этого мне отвратительны, и я отступаю. Истина неприемлема даже для того, кто ее открывает». Это и будет абсурдный мыслитель с

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
его постоянной тревогой.

Нужно решиться ввести в мыслительный аппарат необходимое различие между философией очевидной и философией приятной. Иначе говоря, мы можем прийти к философии, которая противна уму и сердцу, но которая напрашивается.

Так, для меня очевидная философия заключена в абсурде. Но это не мешает мне иметь (или, точнее, учить) философию приятную. Напр.: точное равновесие между умом и миром, гармония, полнота и т.д.

Счастлив мыслитель, который отдается своей склонности, а тот, что отказывает себе в этом – из любви к истине, с сожалением, но решительно, – мыслитель-изгнаник.

Как далеко может зайти этот разрыв между мыслителем и его системой?

Не возвращает ли это нас, по сути дела, окольными путями к реализму: истина, внеположная человеку, – принудительная. Возможно, но в таком случае это был бы реализм, не могущий нас удовлетворить.

Не априорное решение.

Важный вопрос, который следует разрешить «на практике»: можно ли быть счастливым и одиноким.

НИцше, внешняя сторона жизни которого была более чем однообразна, доказывает, что мысль, работающая в одиночестве, сама по себе страшное приключение.

Мы покорно соглашаемся с тем, что Мольер должен был умереть!

У Ницше тоже бывали приступы тоски. Но он ничего не хотел просить у неба. Его решение: потребовать от человека того, чего нельзя потребовать у Бога; это сверхчеловек. Странно, что в отместку за такое самомнение его самого не сделали Богом. Быть может, это вопрос времени. Будда проповедует мудрость без богов, а через несколько столетий ему самому поклоняются как Богу.

Европеец наслаждается собственной храбростью: он любуется собою. Отвратительно. Истинная храбрость пассивна – это безразличие к смерти. Идеал: чистое познание и счастье.

Что может быть лучше для человека, чем бедность? Я говорю не о нищете или безнадежном труде современного пролетария. Но я не знаю, что может быть лучше бедности в сочетании с деятельным отдыхом.

Древние философи размышляли гораздо больше, чем читали (и недаром). Вот отчего в их сочинениях так много конкретности. Книгопечатание все изменило. Теперь читают больше, чем размышляют. Вместо философии у нас одни комментарии.

Именно это имеет в виду Жильсон[68Жильсон Этьен (1884 – 1978) – французский философ.], когда говорит, что философов, занимавшихся философией, сменили профессора философии, занимающиеся философами.

В таком подходе – и скромность, и беспомощность. Мыслитель, который начнет свою книгу словами «Рассмотрим все с самого начала», вызовет насмешки.

Дошло до того, что сегодня философский трактат, не ссылающийся ни на какие авторитеты, не подкрепленный цитатами и комментариями, никто не принял бы всерьез. И все же...

Когда, несмотря на уверенность в том, что «все дозволено», преодолеваешь соблазн, в душе все-таки остается след – перестаешь судить других.

Многих людей влечет к роману то, что жанр этот по видимости лишен стиля. На самом же деле он требует стиля более виртуозного – такого, который полностью подчиняется предмету рассказа. Так что можно вообразить писателя, у которого каждый роман написан в своем стиле.

Предчувствие смерти, к которому я с некоторых пор привык: оно лишено поддержки болью. Боль привязывает к настоящему, она вовлекает в борьбу.

Но предчувствовать смерть просто при виде окровавленного носового платка, не совершая никакого усилия, – это головокружительное погружение во время: страх перед изменчивостью бытия.

Смерть сообщает новую форму любви – а равно и жизни, она превращает любовь в судьбу. Твоя возлюбленная умерла в пору, когда ты любил ее, поэтому любовь твоя пребудет вечно – в противном же случае от нее не осталось бы и следа. Чем же был бы мир без смерти – вереницей исчезающих и воскрешающих форм, мучительным бегством, миром, не знающим завершенности. Но, к счастью, она существует, – она, надежная опора. И любовник, оплакивающий прах возлюбленной, Рене на могиле Полины[69Рене и Полина – Франсуа-Рене де Шатобриан (1768 – 1848), французский писатель, и его возлюбленная Полина де Бомон (1768 – 1803). Об их романе Шатобриан рассказал в своих «Замогильных записках»], проливает слезы чистой радости – ибо совершилось, – радости человека, сознающего, что судьба его наконец определилась.

Сент-Этьен[70Город в Центральной Франции.] и его пригород. Подобное зрелище – обвинительный акт породившей его цивилизации. Мир, где нет места живому существу, радости, деятельности отдыху, – это мир, обреченный на гибель.

Ни один народ не может существовать без красоты. Он может какое-то время продержаться, и все. А между тем Европа, где подобных городов множество, с каждым днем все дальше уходит от красоты. Вот отчего она корчится в конвульсиях, вот отчего она умрет, если, заключив мир, не вспомнит о красоте и не возвратит любовь на подобающее ей место.

Всякая жизнь, посвященная погоне за деньгами, – это смерть. Воскрешение – в бескорыстии.

Сам процесс письма дает ощущение уверенности в себе, которой мне начинает недоставать. Уверенности, что тебе есть что сказать, уверенности, что твои чувства и твое существование годятся для примера, уверенности, что ты незаменим и не знаешь страха. Все это я постепенно утрачиваю и начинаю думать о том времени, когда перестану писать.

Всякую мысль следует оценивать по тому, что она сумела извлечь из страдания.

Несмотря на мое отвращение, страдание – это действительность.

Я не могу жить без красоты. И этим объясняется моя слабость в отношении некоторых людей.

Главное, что отличает человека от животного, – воображение. Поэтому у нас половое влечение не может быть по-настоящему естественным, то есть слепым.

Время идет медленно, когда за ним следишь. Оно чувствует слежку. Но оно пользуется нашей растерянностью.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Возможно даже, что существуют два времени: то, за которым мы следим, и то, которое нас преобразует.

К счастью, мир наш устроен так, что страдания не длятся вечно. Боль отпускает, и возвращается радость. Они уравновешивают друг друга. В этом мире одно компенсирует другое. А если мы сами мучим себя и возводим это добровольное страдание в ранг силы, дабы длить его без конца, сам выбор наш доказывает, что страдание это для нас – благо, и в данном случае именно оно является компенсацией.

Днем полет птиц всегда кажется бесцельным, но к вечеру движения их становятся целенаправленными. Они летят к чему-то.

Так же, быть может, и с людьми, достигшими вечера жизни...

Бывает ли у жизни вечер?

Когда ты уже сделал все, что нужно, чтобы как следует понять, принять и снести бедность, болезнь и собственные недостатки, остается сделать еще один шаг.

Вера в слова – это классицизм, но, дабы сохранить эту веру, он расходует их очень бережно. Сюрреализм, который не доверяет словам, ими злоупотребляет.

Вернемся к классицизму – из скромности.

Те, кто любят истину, должны искать любви в браке, то есть в любви без иллюзий.

Гуманизм пока еще не наскучил мне: он мне даже нравится. Но он мне тесен.

Трагедию порождает столкновение двух равно законных, имеющих равное право на жизнь сил. Следовательно, слабая трагедия – та, что вводит в действие силы незаконные. Следовательно, сильная трагедия – та, что узаконивает всё.

Жить страстями может только тот, кто подчинил их себе.

Мораль: невозможно жить рядом с людьми, если знаешь их сокровенные мысли.

Упорно отказываться от любого коллективного суждения. Хранить невинность, несмотря на склонность общества к «толкам».

1 сентября 1943 г.

Тот, кто не верит в ход вещей, – трус, но тот, кто верит в человеческий удел, – безумец.

Поскольку слово «существование» обозначает какую-то реальность, реальность нашей тоски, но при этом не может не подразумевать некоей высшей реальности, мы сохраним его лишь в обращенной форме – мы будем говорить о философии несуществования, что не означает отрицания, но должно указать на состояние «человека, который лишен...». Философия несуществования будет философией изгнания.

Сад: «Люди осуждают страсти, забывая, что философия зажигает свой факел от их огня».

У искусства случаются приступы стыдливости. Оно не может назвать вещи своими именами.

Во время революций погибают лучшие.

По закону жертвоприношений последнее слово остается за людьми трусливыми и осторожными, ибо остальные лишились слова, пожертвовав лучшим, что у них было. Говорят те, кто совершили предательство.

Тот, кто воспроизводит этот мир, как он есть, предает его, возможно, гораздо больше, чем тот, кто преображает его. Лучшая из фотографий – уже предательство.

Против рационализма. Если бы чистый детерминизм имел смысл, достаточно было бы одного верного утверждения, чтобы, переходя от одного следствия к другому, узнать истину во всей ее полноте.

Но этого не происходит. Значит, либо мы никогда не произнесли ни одного верного суждения и суждение о всеобщей детерминированности тоже неверно, либо мы сказали правду, но правду бесполезную, и, следовательно, детерминизм лжет.

Долг состоит в том, чтобы делать то, что ты считаешь справедливым и добрым – «предпочтительным». Легко ли это? Нет, ибо даже то, что считается предпочтительным, всегда делается с трудом.

Абсурд. Убивая себя, человек отрицает абсурд. Не убивая себя, он с помощью абсурда открывает в повседневности источник удовлетворения, отрицающий сам этот абсурд. Это не значит, что абсурда не существует. Это значит, что абсурд действительнощен логики. Поэтому на нем действительно нельзя строить жизнь.

У всякого страдания, волнения, страсти есть пора, когда они принадлежат самому человеку с его неповторимой индивидуальностью, и другая пора, когда они начинают принадлежать искусству. Но в первые мгновения искусство бессильно что-либо сделать с ними. Искусство – расстояние, на которое время удаляет от нас страдания.

Это – трансцендентность человека по отношению к самому себе.

Благодаря Саду систематическая эротика сделалась одним из направлений философии абсурда.

Тридцать лет[717 ноября 1943 г. Камю исполнилось тридцать лет.] .

Главная способность человека – способность к забвению. Но справедливости ради следует заметить, что он забывает даже то добро, которое сам сотворил.

Самая большая экономия, которая возможна в области мысли, – согласиться, что мир непознаваем, – и заняться человеком.

Когда в старости человек становится мудрым и нравственным, ему, вероятно, бывает стыдно вспоминать свои былые поступки, шедшие вразрез с предписаниями нравственности и мудрости. Слишком рано или слишком поздно. Середины нет.

Чтобы произведение прозвучало как вызов, оно должно быть завершено (отсюда необходимость «обреченности»).

Оно противоположно божественному творению. Оно завершено, имеет свои пределы, ясно, замешано на человеческих потребностях. Единство в наших руках.

В этом мире люди делятся на свидетелей и подтасовщиков. Стоит человеку умереть, как его свидетельство начинают подтасовывать с помощью слов, проповедей, искусства и проч.

Успех может облагородить юношу, как счастье облагораживает человека зрелого. Убедившись, что его усилия оценены по заслугам, юноша может вести себя спокойно и непринужденно – по-королевски.

Об американском романе: он стремится к универсальности. Как классицизм.

Но если классицизм стремится к универсальности вечной, современная литература волею обстоятельств (прозрачность границ) стремится к универсальности исторической. Ее интересует не человек всех времен, а человек всех стран.

- Защищайтесь, – говорили Судьи.
- Нет, – отвечал Обвиняемый.
- Почему? Так положено.
- Пока еще нет. Я хочу, чтобы вы приняли всю ответственность на себя.

О естественности в искусстве. Абсолютная естественность невозможна. Ибо невозможна действительность (дурной вкус, вульгарность, несоответствие глубинным потребностям человека). Именно поэтому все, что написано человеком о мире, всегда в конце концов оказывается направленным против мира. Романы-фельетоны плохи, потому что по большей части правдивы (то ли оттого, что действительность приспособилась к ним, то ли оттого, что мир условен). Искусство и художник воссоздают мир, но втайне всегда не удовлетворены им.

Греки ничего не поняли бы в экзистенциализме – между тем христианство они, хотя и со скандалом, могли бы принять.

Все дело в том, что экзистенциализм не предполагает определенного поведения.

То же. Не существует познания абсолютно чистого, то есть бескорыстного. Искусство – попытка чистого познания с помощью описаний.

Поставить вопрос об абсурдном мире – все равно что спросить: «Согласны ли мы предаться отчаянию и ничего не предпринимать?» Я полагаю, что ни один порядочный человек не ответит утвердительно.

Мои произведения. Окончить книгой о сотворенном мире: «Исправленное творение».

Если тело тоскует о душе, нет оснований считать, что в вечной жизни душа не страдает от разлуки с телом – и, следовательно, не мечтает о возвращении на землю.

На любви ничего нельзя построить: она – бегство, боль, минуты восторга или стремительное падение. Но она не...

Париж, или самая видимость чувствительности.

Новеллы. В разгар Революции некто обещает сохранить жизнь своим противникам. После этого члены его партии приговаривают их к смерти. Он устраивает им побег.

То же. Священник под пыткой совершают предательство.

То же. Цианистый калий. Он решает не принимать яд, чтобы проверить, сможет ли он выдержать все до конца.

То же. Тип, который внезапно переходит к пассивной обороне. Он помогает пострадавшим. Но он не снял нарукавной повязки. Его расстреливают.

То же. Трус.

«Чума». После окончания эпидемии он впервые слышит, как падают на землю дождевые капли.

То же. Поскольку ему скоро предстояло умереть, он должен был срочно убедиться, что жизнь бессмысленна. Он так думал до настоящего времени, пусть же это по крайней мере пригодится в трудную минуту. Неужели как раз тогда, когда ему так необходима поддержка, он встретит улыбку на лице, всегда хранившем суровость.

То же. Тип, которого кладут в больницу по ошибке. Это ошибка, говорит он. Какая ошибка? Не морочьте голову, ошибок не бывает.

То же. Медицина и Религия: два ремесла, которые на первый взгляд вполне сочетаются друг с другом. Но сегодня все разъясняется, становится понятно, что они несовместимы – и что следует выбрать что-то одно: либо относительное, либо абсолютное. «Если бы я верил в Бога, я не стал бы лечить людей. Если бы я думал, что людей можно вылечить, я не стал бы верить в Бога».

Справедливость: понять, что такое справедливость, помогает спорт.

Человек, требующий, чтобы другой делал все за него, и, следовательно, существующий пассивно, начинает действовать, и притом весьма энергично, только когда нужно убедить другого по-прежнему всем жертвовать и все делать.

Считать героизм и храбрость второстепенными ценностями – после того, как ты доказал свою храбрость.

Бессмысленность жертвы: субъект, умирающий за что-то, чего он не увидит.

Я потратил десять лет, чтобы завоевать то, что кажется мне бесценным: сердце, не знающее горечи. И, как это часто бывает, преодолев горечь, я выплеснул ее в нескольких книгах. Следовательно, обо мне всегда будут судить по этой горечи, которой я уже не испытываю. Но это справедливо. Это плата за освобождение от нее.

Страшный и ненасытный эгоизм художников.

Любовь можно сохранить лишь по причинам, не имеющим отношения к любви.

Например, по причинам морального порядка.

Те, кто любят всех женщин, движутся к абстракции. Вопреки очевидности, они воспаряют над миром. Ибо им неинтересны частности, отдельные случаи. Человек, чуждающийся всякой идеи и всякой абстракции, истинно отчаявшийся, предан одной женщине. Из упрямства он хранит верность этому единственному лицу, хотя оно и не может удовлетворить всех его притязаний.

Оправдание искусства: настоящее произведение искусства помогает быть искренним, укрепляет сообщество людей и проч.

Я не верю в безнадежные поступки.

Я верю только в поступки обоснованные.

Но я думаю, что обосновать поступок не так уж трудно.

Против тоталитаризма можно возражать только с позиций религии или морали.

Если этот мир бессмыслен, они правы.

Я не могу признать их правоту. Значит...

Это мы создаем Бога. А не он нас. Вот вся история христианства. Ибо у нас нет иного способа создать Бога, кроме как стать им.

Человек не станет свободным, пока не преодолеет страха смерти.

Но не с помощью самоубийства. Нельзя преодолеть, сдавшись. Суметь умереть, глядя смерти в глаза, без горечи.

Героизм и святость, второстепенные добродетели. Но нужно доказать, что ты ими обладаешь.

Репутация. Ее создают вам посредственности, и вы делите ее с посредственностями и негодиями.

Помилование?

Мы должны служить справедливости, потому что существование наше устроено несправедливо, должны умножать, возвращать счастье и радость, потому что мир наш несчастен. Сходным образом, мы не должны приговаривать к смерти, раз уж мы сами приговорены к ней. Врач, враг Бога: он борется со смертью.

Смысл моего творчества: такое множество людей лишены благодати. Как жить без благодати? Нужно приложить усилия и сделать то, чего никогда не делало христианство: заняться проклятыми.

Классицизм – это подавление страстей.

В великие эпохи страсти были индивидуальными. Сегодня они коллективны. Нужно подавлять коллективные страсти, точнее, придавать им форму. Но они истощают того, кем овладевают. Вот почему большая часть современных книг – репортажи, а не произведения искусства.

Ответ: если нельзя сделать все разом, надо от всего отказаться. Что это значит?

Сегодня нам нужно больше силы и воли, чем прежде. Мы добьемся своего.

Грядущий великий классик будет победителем, не имеющим равных.

Исправленное творение. История отложенного самоубийства.

Глубокое отвращение ко всякому обществу. Соблазн спастись бегством и смириться с упадком своей эпохи. Одиночество приносит мне счастье. Но одновременно и ощущение, что упадок начинается с той минуты, когда ты с ним смиряешься. И приходится оставаться – чтобы человек оставался на должной высоте, чтобы не способствовать его падению. Однако отвращение, отвращение до тошноты, вызываемое

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
этой людской разобщенностью.

Искушение второстепенными и повседневными делами.

Мы, французы, находимся нынче в авангарде цивилизации: мы разучились приносить смерть.

Мы свидетельствуем против Бога.

Бунт.

В конечном счете я выбираю свободу.

Ибо благодаря свободе человек, даже не добившись торжества справедливости, сохраняет право протестовать против несправедливости и поддерживает связь между людьми. Справедливость в безмолвном мире, справедливость в мире немых разрушает содружество, отрицают бунт и восстановливает согласие, но на этот раз в самой низменной форме. Вот когда становится очевидным главенство, которое постепенно завоевывает понятие свободы. Но самое трудное заключается в том, чтобы все время помнить: свобода обязана одновременно требовать справедливости, как уже было сказано.

В таком случае можно признать и существование справедливости, хотя и совсем иной, которая должна послужить основой единственной незыблемой ценности в истории людей, испокон веков умиравших достойно только за свободу.

Свобода – это возможность защищать то, во что я не верю, даже в государстве или мире, который я принимаю. Это возможность оправдать противника.

Каким человеком я стал бы, если бы не был таким ребенком!

30 июля 45-го

В тридцать лет человек должен держать себя в руках, иметь точный счет своим недостаткам и достоинствам, знать свой предел, предвидеть свое поражение – быть тем, кто он есть. А главное, все принимать. Мы входим в область положительного. Нужно все совершить и от всего отказаться. Стать единственным, не снимая маски. Я испытал достаточно много, чтобы суметь почти от всего отказаться. Остается совершить громадное усилие, каждодневное, упорное. Усилие тайное, без надежды, но и без горечи. Больше ничего не отрицать, потому что есть возможность все утверждать.

Быть выше боли.

<Сентябрь 1945>

Главный вопрос в наши дни: можно ли изменить мир, не веря в абсолютное могущество разума? Несмотря на рационалистические, в том числе и марксистские, иллюзии, вся история мира – история свободы. Разве можно подчинить детерминизму пути свободы? Без сомнения, неверно утверждать, что то, что детерминировано, мертвое. Но детерминированным может быть лишь то, что уже прожито.

Сам Бог, если бы он существовал, не мог бы изменить прошлое. Но будущее принадлежит ему не больше и не меньше, чем человеку.

Политические антиномии. Мы живем в мире, где необходимо выбирать, кем быть, жертвой или палачом – третьего не дано. Выбор не из легких. Мне всегда казалось, что, в сущности, палачей не существует, все люди – жертвы. В конечном счете, разумеется.

Но мало кто разделяет это мнение.

Я страстно люблю свободу. А для всякого интеллектуала свобода в конце концов сводится к свободе выражения.

Но я прекрасно отдаю себе отчет в том, что очень многих европейцев свобода волнует мало, ибо только справедливость может дать им тот минимум материального благополучия, в котором они нуждаются, и права они или нет, но они охотно пожертвовали бы свободой ради этой элементарной справедливости.

Я знаю это уже давно. Если я считал необходимым отстаивать союз справедливости и свободы, то лишь оттого, что видел в этом последнюю надежду Запада. Но этот союз может осуществиться лишь при определенных условиях, которые нынче представляются мне едва ли не утопическими. Значит, придется пожертвовать одной из этих ценностей? Какую же из них выбрать?

Люди всегда полагают, что самоубийцы кончают с собой по какой-то одной причине. Но ведь можно покончить с собой и по двум причинам.

Почему я художник, а не философ? Потому что я мыслю словами, а не идеями.

Свобода – последняя из индивидуальных страстей. Вот почему сегодня она безнравственна. Безнравственна в обществе, а строго говоря, и сама по себе.

Философия – современная форма бесстыдства.

Когда мне исполнилось тридцать лет, ко мне, как говорится, в один прекрасный день пришла слава. Я не жалею об этом. Позже меня это, пожалуй, лишило бы покоя. Теперь я знаю, что такое слава.

Пустяк.

Ноябрь – 32 года.

Самая естественная склонность человека – губить себя и вместе с собою весь мир. Сколько непомерных усилий, чтобы остаться просто нормальным! А насколько большие усилия требуются тому, кто вознамерился овладеть самим собой и сферою духа. Сам по себе человек ничто. Он всего лишь бесконечная возможность. Но он несет бесконечную ответственность за эту возможность. Сам по себе человек мягок, как воск. Но стоит его воле, его совести, его авантюрному духу взять верх, и возможность начинает расти. Никто не вправе сказать, что достиг предела человеческих возможностей. Последние пять лет убедили меня в этом. От зверя до мученика, от духа зла до готовности к безнадежному самопожертвованию – все было явлено нам, надрывая душу. Каждому из нас полезно использовать свою самую большую возможность, свою высшую добродетель. В тот день, когда выяснится, на что способен человек, встанет вопрос о Боге. Но не раньше, ни в коем случае не раньше того дня, когда возможность будет исчерпана до конца. Великие деяния преследуют единственную цель – умножить творческие силы человека. Но прежде всего нужно научиться владеть собой.

Все молодые годы я прожил с сознанием собственной невинности, иными словами, совсем несознательно. А сегодня...

Я не создан для политики, ибо не способен ни желать смерти противника, ни смиряться с ней.

Я могу творить только ценою постоянного усилия. Сам по себе я скатываюсь к неподвижности. Самая глубинная и неотъемлемая моя склонность – молчать и

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
действовать по привычке.

Чтобы избавиться от рассеянности, от автоматизма, мне понадобились годы упорного труда. Но я знаю, что стою на ногах исключительно благодаря своим усилиям, а перестав в это верить хоть на секунду, скочусь в пропасть. Благодаря этому я и не поддаюсь болезни и унынию, изо всех сил стараясь не склонять головы, чтобы дышать и побеждать. Таков мой способ предаваться отчаянию и излечиваться от него.

Наше призвание: созидать всеобщее или по крайней мере всеобщие ценности. Вернуть человеку его кафоличность[72Здесь: всеобщность.] .

Нас заставляют выбирать между Богом и историей. Отсюда это непреодолимое желание выбрать землю, мир и деревья, хотя я и знаю наверняка, что человеческое существование не исчерпывается историей. Всякая философия – самооправдание. Оригинальной была бы только философия, оправдывающая другого человека.

Против ангажированной литературы.

Человек не только общественное существо. По крайней мере он властен над своей смертью. Мы созданы, чтобы жить бок о бок с другими. Но умираем мы по-настоящему только для себя.

По какому праву коммунист или христианин (если ограничиться почтенными формами современной мысли) стали бы упрекать меня в пессимизме?

Ведь не я изобрел земные страдания и ужас Господнего проклятия. Не я постановил, что человек не способен спастись самостоятельно и что в своем ничтожестве он может надеяться только на милость Божию. Что же до пресловутого марксистского оптимизма, позвольте мне посмеяться над ним. Мало кто из людей зашел так далеко в недоверии к себе подобным. Марксисты не верят ни в убеждение, ни в диалог. Буржуа не превратишь в рабочего, а экономические условия исполняют в их мире роль рока, еще более страшного, чем Божественное своеволие.

А Г-н Эррио и публика из «Анналов»! [73Эррио Эдуар (1872 – 1957) – французский политик и публицист. «Анналы» – журнал, основанный в 1929 г. историками М. Блоком и Л. Февром. Вокруг журнала сложилась влиятельная научная школа.] Коммунисты и христиане скажут мне, что их оптимизм шире, что он возвышается над всем остальным и что в Боге или в истории – смотря по тому, кто говорит – диалектика находит удовлетворительное завершение. Так же могу рассуждать и я.

Христианство пессимистично применительно к отдельному человеку, но оптимистично применительно к судьбам человечества.

Марксизм пессимистичен применительно к судьбам человечества и человеческой природе, но оптимистичен применительно к ходу истории (его противоречие!).

Я же скажу о себе, что, будучи пессимистом по отношению к человеческому уделу, я оптимист по отношению к человеку. Как могут они не видеть, что никто еще не был исполнен такого доверия к человеку? Я верю в диалог, в искренность. Я верю, что они ведут к психологической революции, не имеющей себе равных, и проч., и проч.

...

Для того чтобы мысль преобразила мир, нужно, чтобы она сначала преобразила жизнь своего творца. Нужен пример.

Истоки нынешнего безумия. Не что иное, как христианство отвратило человека от мира. Оно ограничило интересы человека им самим и его историей.

Коммунизм – логическое следствие христианства. Это христианская история.

То же. После двух тысячелетий существования христианства – бунт тела.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Потребовалось две тысячи лет, чтобы тело снова смогло показаться обнаженным на морском берегу. Отсюда крайности. В реальной жизни тело вновь обрело свое место. Остается помочь ему сделать то же в философии и метафизике. В этом – одна из причин нынешних конвульсий.

Кажется, мне остается обрести гуманизм.

я, конечно, ничего не имею против гуманизма. Просто мне он тесен, вот и все.

Греческая философия, например, отнюдь не исчерпывалась гуманизмом. Это была философия всеприемлющая.

Тerror! А они уже начали забывать.

19 февраля 1861 г. Отмена крепостного права в России. Первый выстрел (Каракозова) прозвучал 4 апреля 1866 г. [74 Каракозов Дмитрий Владимирович (1840 – 1866) – русский террорист, совершивший первое покушение на Александра II.]

Прочесть «Кто виноват?», роман Герцена (1847), и его же «О развитии революционных идей в России».

я больше люблю ангажированных людей, чем ангажированную литературу. Храбрость в жизни и талант в книгах – это уже немало. К тому же писателя можно ангажировать, лишь если он этого хочет. Его заслуга – в том, что он действует по велению сердца. А если им движут долг, навык или страх, в чем тогда заслуга?

Получается, что тот, кто сегодня сочиняет стихотворение о весне, служит капитализму. Я не поэт, но я искренне порадуюсь такому произведению, если оно будет хорошо написано. Мы служим человеку в его целостности или не служим ему вовсе. И если у человека есть потребность в хлебе и справедливости, которую мы непременно должны удовлетворять, у него есть также потребность в чистой красоте, ибо это хлеб его сердца.

Все прочее – не важно.

да, я хотел бы, чтобы в творчестве они были ангажированы чуть менее, а в жизни – чуть более.

Экзистенциализм унаследовал от гегельянства его основную ошибку – он отождествляет человека с историей. Но он не унаследовал тех выводов, что делали гегельянцы, по сути полностью отказывавшие человеку в свободе.

октябрь 1946

Через месяц мне тридцать три.

Память моя вот уже год как слабеет.

я не способен запомнить услышанную историю – вспомнить целые пласти прошлого, бывшие когда-то такими живыми. Очевидно, что, пока состояние мое не улучшится (если это вообще произойдет), мне придется делать здесь все больше и больше записей, пусть даже самых личных – тем хуже. Ибо в конечном счете все, что я вижу, застилает туман, и даже сердце теряет память. На мою долю остались только короткие вспышки эмоций, лишенные долгого эха, которым их одаряет память. Так чувствуют собаки.

Перед кабинетом врача люди выглядят как загнанные животные.

Разговоры с Кёстлером [75 Кёстлер Артур (1905 – 1983) – немецкий писатель, автор Страница 55

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org

романа «Слепящая тьма», изданного в Англии в 1940 г.]. Цель оправдывает средства, если речь идет о разумном соотношении величин: я могу послать Сент-Экзюпера на верную смерть ради спасения полка. Но я не могу сослать тысячи людей и лишить их свободы ради количественно равноценного результата, не могу, все рассчитав, разом принести в жертву три или четыре поколения.

- Гений. Его не существует.
- Самые тяжелые испытания выпадают на долю творца, когда он получает признание (я уже не решаюсь публиковать свои книги).

Конец бунта – умиротворение людей.

Всякий бунт оканчивается и продолжается в уяснении предела человеческих возможностей – и в утверждении сообщества всех людей, кто бы они ни были, действующих в этих пределах. Смирение и гений.

Написать историю современного человека, который излечился от мучительных противоречий долгим и неотрывным созерцанием пейзажа.

Что такое знаменитость? Это человек, которого все узнают по фамилии, и потому имя его не имеет значения. У всех других имя значимо.

Отчего люди пьют? Оттого, что после выпивки все наполняется смыслом, все достигает высшего накала. Вывод: люди пьют от беспомощности или в знак протеста.

Человек чувствует себя одиноким, когда он окружен трусами. Надо ли пытаться понять и этих трусов? Это выше моих сил.

Но, с другой стороны, я не могу и презирать их.

Бунт. Нам нужен герой – но не какой попало. Мотивы героического поведения важнее самого героизма. Следовательно, сначала причинно-следственная ценность, а затем уже ценность героическая.

Ницшеанская свобода – экзальтация.

1947 – 1949

Есть только одна свобода – выяснить свои отношения со смертью. После этого все становится возможным. Я не могу заставить тебя поверить в Бога. Верить в Бога – значит примириться со смертью.

Если бы ты примирился со смертью, проблема Бога была бы разрешена – но не наоборот.

Подобно тому, как огромные пространства дремлющего мира были постепенно заполнены творениями рук человеческих, так что сама идея девственной природы связывается сегодня только с мифом об Эдеме (островов больше не осталось), ибо, населяя пустыни, разрезая на наделы морские побережья и перечеркивая само небо длинными самолетными следами, человек оставлял нетронутыми лишь те районы, где жить невозможно, – подобно этому и одновременно с этим (а также по причине этого) чувство истории заполонило постепенно сердца людей, вытеснив оттуда чувство природы, отняв у творца то, что прежде причиталось ему, и отдав это твари, и движение это было столь могущественно и непреодолимо, что можно вообразить день, когда безобразное творение человеческое – огнедышащее, сопровождающееся грохотом революций и войн, шумом заводов и поездов и ставшее в ходе истории окончательным победителем – полностью вытеснит из мира безмолвное

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org

творение природы, и тогда человечество выполнит свое призвание на земле, которое, быть может, в том и заключалось, чтобы доказать, что все грандиозное и ошеломительное, что оно могло свершить за тысячи лет, не стоит ни легкого аромата шиповника, ни оливковой рощи, ни любой собаки.

Как все слабые люди, он принимал решения крайне резкие и отстаивал их с упорством, достойным лучшего применения.

Над верхней губой у него был длинный шрам. Зубы обнажились до самых десен. Казалось, он все время смеется. Но глаза смотрели серьезно.

Чего стоит человек? Что такое человек? После того, что я видел, у меня до конца жизни не исчезнет по отношению к нему недоверие и глубочайшая тревога.

Недоверие к показной добродетели – вот основа нашего мира. У тех, кто испытал это недоверие на себе и распространил его на других, осталась в душе вечная настороженность по отношению к тем, кто добродетелен на словах. Так недолго потерять доверие и к добродетели деятельной. Тогда они решили назвать добродетелью то, что приближает наступление общественного строя, о котором они мечтают. Мотив (это недоверие) благороден. Верна ли логика – вот что неясно. Мне тоже необходимо свести счеты с этой идеей. Все, что я когда бы то ни было думал или писал, связано с этим недоверием (на нем построен «Посторонний»). Но если я не принимаю чистое и простое отрицание (нигилизм или исторический материализм) «добродетельного сознания», о котором говорит Гегель, мне нужно найти последующее звено. Разве возможно, позволительно, пребывая в истории, чтить ценности, лежащие вне истории? Разве самое понятие невежества не является всего лишь благовидным предлогом? Нет ничего незапятнанного, нет ничего незапятнанного – вот крик, отравивший наш век. Искушение стать на сторону тех, кто отрицает и действует! Среди них есть такие, которые принимают ложь, как постриг. И уж наверняка в том же восторженном порыве. Но что такое порыв? Как, кого, за что станем мы судить?

Если ход истории в самом деле таков, если освобождение невозможно, а возможно только объединение, не принадлежу ли я к числу тех, кто тормозит историю? Освобождения не будет без объединения, говорят они, и если это правда, значит, мы отстаем. Но для того, чтобы идти быстрее, надо предпочесть гипотезу маловероятную, уже вызвавшую однажды страшные исторические опровержения, – предпочесть ее тем реальностям, которые состоят в горе, гибели и изгнании двух или трех поколений. Гипотеза, разумеется, более привлекательна. Не доказано, что освобождению должно предшествовать объединение. Не доказано также и противоположное: что освобождение может свершиться без объединения. Но разве объединение непременно должно быть насилиственным? Насилие, как правило, создает лишь видимость единства, под которой скрывается мучительная разобщенность. Вероятно, и объединение, и освобождение необходимы, возможно, что объединение имеет шанс осуществиться с помощью познания и проповеди. Тогда слово сделалось бы поступком. Во всяком случае, этому делу нужно посвятить себя целиком.

О, эти часы сомнения! Кто может снести в одиночку сомнения целого мира.

Самая серьезная проблема, которая встает перед современными умами, – конформизм.

По поводу Лао-Цзы: чем меньше действий, тем больше власти[76Лао-Цзы (VI – V вв. до н.э.) – древнекитайский мыслитель, основатель даосизма.].

В Москве, на которую наступает белая армия, Ленину, решившему мобилизовать заключенных уголовников, возражают:

- Нет, только не вместе с этими.
- Для этих, – отвечает Ленин.

Пьеса о Каляеве: невозможно убить человека во плоти, убивают самодержца. Но не того человека, который утром брился и т.д. и т.п.[77Речь идет о пьесе «Праведники» (1950), главным действующим лицом которой является русский революционер и террорист Иван Платонович Каляев (1877 – 1905), казненный за убийство великого князя Сергея Александровича.]

Великий вопрос жизни – как жить среди людей.

Христианам хорошо. Они взяли себе благодать, а нам оставили милосердие.

Беда нашего века. Еще недавно в оправдании нуждались дурные поступки, теперь в нем нуждаются поступки добрые.

Полное одиночество. В писсуаре большого вокзала в час ночи.

Нас упрекают, что мы фабрикуем абстрактных людей. Но все дело в том, что абстрактен человек, служащий нам моделью.

Упрекают, что мы не знаем любви, но все дело в том, что человек, служащий нам моделью, неспособен любить и т.д.

Лотреамон[78Лотреамон (наст. имя Изидор дюкас, 1846 – 1870) – французский поэт, автор «Песен Мальдорора», оказавших сильное влияние на поэзию сюрреалистов. Его творчеству посвящено эссе Камю «Лотреамон и заурядность» (в книге «Бунтующий человек»).]: Всей морской воды не хватило бы, чтобы смыть пятно крови, пролитой интеллектуалом.

Старый боец-коммунист, который не может привыкнуть к тому, что видит: «Сердцу не прикажешь».

Как разъяснить, что сын бедняка может испытывать стыд, не испытывая зависти.

Сартр, или ностальгия по всеобщей идиллии.

Сент-Бёв[79Сент-Бёв Шарль Огюстен (1804 – 1869) – французский критик.]: «Я всегда полагал, что если бы люди хоть на минуту перестали лгать и высказали вслух то, что думают, общество бы не устояло».

Б. Констан (пророк!): «Чтобы жить спокойно, нужно затратить не меньше усилий, чем для того, чтобы править миром».

Посвятить себя человечеству: по Сент-Бёву, такие люди хотят до самого конца быть в центре внимания.

Стендалль: «я ничего не сделаю для своего личного счастья, пока не перестану страдать оттого, что плохо выгляжу в чьих-то глазах».

Есть поступки мессианские, и есть поступки обдуманные.

Смертная казнь. Меня вынуждают заявить, что я противник любого насилия. Это было бы так же умно, как объявить себя противником ветра, дующего в ту или иную сторону.

Но никто не бывает абсолютно виновен, следовательно, никого нельзя приговаривать к абсолютному наказанию. Никто не бывает абсолютно виновен ни 1) в глазах общества, ни 2) в глазах индивида. Каждый в чем-то несчастен. Является ли смерть абсолютным наказанием? Для христиан – нет. Но наш мир – не христианский. Разве каторжные работы не хуже? Не знаю. Но тюрьма оставляет возможность избрать смерть (если только человек из лености не предпочитает, чтобы эту работу выполнили за него другие).

Смерть не оставляет никакой возможности выбрать тюрьму.

Вольтер: «В этом мире люди побеждают только силой и умирают с оружием в руках».

Печерин[80Печерин В.С. (1807 – 1885) – поэт и филолог, профессор Московского университета. Эмигрировав из России в 1836 г., перешел в католичество и стал священником.], русский эмигрант XIX в., на чужбине ставший монахом, восклицает: «Как сладостно отчизну ненавидеть И жадно ждать ее уничтоженья!»

Интеллигенция и тоталитарное видение мира[81Выписки из книги Н.А. Бердяева «Русская идея» (1946).].

Заговорщики-петрашевцы: идиллические люди (освобождение крепостных без революции – влияние Жорж Санд).

Любовь не к ближнему, а к дальнему.

«Не находя достойным своей привязанности – ни из женщин, ни из мужчин, я обрек себя на служение человечеству» (Петрашевский). (За исключением Спешнева, прототипа Ставрогина.)[82Петрашевский Михаил Васильевич (1821 – 1866); Спешнев Николай Александрович (1821 – 1882) – русские революционеры. Ставрогин – герой романа Ф.М.Достоевского «Бесы».]

Индивидуалистический социализм Белинского. Против Гегеля, за личность человека. Ср.: Письма Боткину: «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здравия китайского императора (то есть гегелевской Allgemeinheit[83Всеобщность (нем.).])».

Он же: «Кланяюсь вашему философскому колпаку (Гегелю). Но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением честь имею донести вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр., и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счаствия и дара, если не буду спокоен насчет каждого из моих братий по крови – костей от костей моих и плоти от плоти моей...»

«Говорят, что дисгармония есть условие гармонии; может быть, это очень выгодно и угодительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить своею участью идею дисгармонии»[84Материалы к главе «Отказ от добродетели» книги «Бунтующий человек». Цитата из письма В.Г. Белинского от 1 марта 1841 г., адресованного литератору Василию Петровичу Боткину (1811 – 1869).].

Нечаев и катехизис революционера (централизованная партия, прообраз большевизма).

«Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единую мыслью, единую страстию – революцией».

Все, что служит Революции, нравственно.

Сходство с Дзержинским, создателем ЧК.

Бакунин: «Страсть к разрушению есть творческая страсть».

Он же: Три принципа человеческого развития:

человек животный

мысль

бунт[85Набросок главы «Тroe одержимых» книги «Бунтующий человек». «Катехизис революционера» – документ, написанный С.Г. Нечаевым и М.А. Бакуниным в 1869 г., по словам Камю, ставший «образцом того политического цинизма, который с тех пор тяготел над революционным движением».]

70-е годы. Михайловский, индивидуалистический социалист[86михайловский Николай Константинович (1842 – 1904) – русский публицист.]. «Если бы революционный народ вторгся в мою комнату и пожелал разбить бюст Белинского, то я боролся бы с ним до последней капли крови».

Проблема перехода. Должна ли была Россия пройти стадию буржуазной и капиталистической революции, как того требует логика истории? В этом пункте только Ткачев[87Ткачев Петр Никитич (1844 – 1886) – идеолог радикального народничества. Характеризуя его как предшественника Ленина, Камю имеет в виду такие постулаты политической теории Ткачева, как захват государственной власти, создание централизованной организации, управляющей революционными массами.] (и с ним Нечаев и Бакунин) – предшественник Ленина. Маркс и Энгельс были меньшевиками. Они предвидели только наступление буржуазной революции.

Постоянные разговоры первых марксистов о необходимости развития капитализма в России и их готовность приветствовать это развитие. Тихомиров[88Тихомиров Лев Александрович (1852 – 1923) – в молодости революционер-народник, редактор нелегальной газеты «Народная воля»., старый народоволец, обвиняет их в том, что они превратились в «рыцарей первоначального накопления».

Предсказание Лермонтова:

Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел.

Ср. Бердяев, с. 107.

Духовный коммунизм Достоевского – это ответственность всех за всех.

Бердяев: «Не может быть диалектики материи, диалектика предполагает логос, смысл, возможна лишь диалектика мысли и духа. Но Маркс переносил свойства мысли и духа в недра материи».

В конце концов мир преобразует лишь воля пролетариата. Значит, в марксизме действительно содержится экзистенциальная философия, изобличающая ложь объективации и утверждающая победу человеческой активности.

По-русски воля означает и «волеизъявление», и «свобода».

В России существует свобода коллективная, «тотальная», но не личная.

Но что такое тотальная свобода? Люди свободны от чего-то – и по отношению к чему-то. Кажется, будто предел – свобода по отношению к Богу.

Но совершенно очевидно, что она означает порабощение человека.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Бердяев сближает Победоносцева (обер-прокурора Священного Синода, главного идеолога Российской империи) и Ленина. Оба нигилисты .

Всякий член «Народной воли» торжественно клялся отдать все силы революции, забыть ради нее кровные узы, личные привязанности, любовь и дружбу...

Сколько человек входило в «Народную волю»? 500. А сколько было подданных в Российской империи? Более ста миллионов.

Софья Перовская, поднявшись на эшафот вместе со своими товарищами по борьбе, обнимает троих (Желябова, Кибальчича и Михайлова), но сторонится четвертого, Рысакова, который действовал храбро, но затем, чтобы спасти свою жизнь, выдал один из адресов и погубил трех человек. Рысаков гибнет на виселице в одиночестве[89Эпизод вошел в главу «Разборчивые убийцы» книги «Бунтующий человек». Перовская Софья Львовна (1853 – 1881); Желябов Андрей Иванович (1851 – 1881); Кибальчич Николай Иванович (1853 – 1881); Михайлов Александр Дмитриевич (1855 – 1884); Рысаков Николай Иванович (1861 – 1881); Гриневицкий Игнатий Иоахимович (1856 – 1881) – руководители «Народной воли».] .

Бомбу в царя Александра II метнул Рысаков. Царь, оставшийся невредимым, сказал: «Слава Богу, все хорошо». «Посмотрим, хорошо ли», – ответил Рысаков. Вторая бомба, брошенная Гриневицким, убила императора.

Напомнить христианам. «Христианское братство». Призыв «ко всем, кто почитает святое учение Христово». «Нынешнее правительство, все законы, основанные на лжи, угнетении и запрещении свободного поиска истины, – все это следовало бы считать незаконным, противным божественной воле и христианскому духу».

Вера Фигнер: «Я должна была жить; жить, чтобы быть на суде – этом заключительном акте деятельности активного революционера»[90из книги воспоминаний Веры Николаевны Фигнер (1852 – 1942) «Запечатленный труд» (1921 – 1924).].

Приговоренный к смерти: «За всю мою короткую жизнь я не видел ничего, кроме зла... Разве можно в таких условиях, при такой жизни любить что бы то ни было, даже добро? »

в 80-е годы был казнен солдат, убивший унтер-офицера. Перед смертью он поклонился всем четырем сторонам света со словами: «Прощай, Север. Прощай, Юг... Восток... Запад».

Никто не был так уверен, как я, в возможности завоевать мир честным путем.

А теперь... В чем же была ошибка, что же внезапно дало слабину и привело к краху все остальное...

Мелкая деталь: люди часто утверждают, что «где-то меня уже видели».

Париж – Алжир. Самолет как одна из составных частей современного отрицания и абстрагирования. Природа исчезает; ни глубокого ущелья, ни рельефа местности, ни бурного потока – не видно ничего. Остается чертеж – план.

В общем, человек начинает смотреть на мир глазами Бога. И замечает, что Бог видит все лишь абстрактно. Ничего хорошего в этом нет.

Полемика как составная часть абстрагирования. Когда в человеке хотят увидеть врага, его начинают представлять абстрактно. Его отодвигают вдали. Никому уже не интересно, что он оглушительно смеется. Он превращается в силуэт . И проч., и

Если для того, чтобы преодолеть нигилизм, следует вернуться к христианству, можно пойти еще дальше и, преодолев христианство, возвратиться к эллинизму.

Платон переходит от бессмыслиц к вещам разумным, а от них к мифу. В нем есть все.

Ослепительное утро в Алжирском порту.

Ультрамариновый пейзаж врывается через окно и заполняет всю комнату.

Упреки в том, что я пишу свои книги, не уделяя должного внимания политике. Иными словами: они хотят, чтобы я писал о партиях. Но я пишу только о личностях, противостоящих государственной машине, потому что я знаю, что говорю.

Объяснение большевизма – в христианстве. Сохраним равновесие, чтобы не стать убийцами.

Современная литература. Оскорблять легче, чем убеждать.

Р.Ш. Во время оккупации, ранним утром в поезде. Немцы. Женщина роняет золотую монету. Ш. наступает на нее ногой, поднимает и подает владелице. Женщина: спасибо. Предлагает ему сигарету. Он берет. Она предлагает сигареты немцам.

Р.Ш.: «Я передумал, сударыня, и возвращаю вам сигарету». Один из немцев смотрит на него. Тоннель. Чья-то рука сжимает его руку. «Я поляк». Когда поезд выезжает из тоннеля, Р.Ш. смотрит на немца. Глаза у того полны слез. На вокзале немец на прощанье оборачивается к нему и подмигивает. Ш. с улыбкой отвечает.

«Сволочи», – говорит француз, наблюдавший эту сцену.

Форма и бунт. Придать форму тому, что ее лишено, – цель всякого творчества. Следовательно, здесь налицо не только созидание, но и исправление (см. выше). Отсюда важность формы. Отсюда необходимость особого стиля для каждой темы, хотя все они будут иметь нечто общее, ибо у каждого автора – свой язык. Но язык этот обнажает не единство той или иной книги, а именно единство всего написанного этим автором.

Справедливости нет, есть только пределы.

Анархист-толстовец во время оккупации. Он написал на двери: «Кто бы вы ни были, добро пожаловать». Пожаловали полицейские-фашисты.

Трагедия. Его подозревают в предательстве. Этого подозрения оказывается довольно, чтобы он покончил с собой. Это единственный возможный ответ. Лейзен[91Лейзен – горный курорт в Швейцарии.]. Вся долина сверху донизу – в снегу и облаках. Над неподвижными ватными просторами летают стаи галок, похожих на черных чаек, и снежные брызги попадают им на крылья.

Толстой: «Сильный западный ветер поднимал столбами пыль с дорог и полей, гнул макушки высоких лип и берез сада и далеко относил падавшие желтые листья» («Детство»).

Там же: «Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку (матери), я бы не знал, что такое горе».

Я удалился от мира не потому, что имел врагов, а потому, что имел друзей. Не потому, что они вредили мне, как это обычно бывает, а потому, что они считали меня лучшим, чем я есть. Этой лжи я вынести не смог.

Высшая добродетель, заключающаяся в том, чтобы задушить свои страсти. Добродетель более глубокая, заключающаяся в том, чтобы привести их в равновесие.

Все, что ценит сегодняшний ум, принадлежит сфере иррационального. А между тем все, что берет верх в политике, проповедует, убивает и властвует именем Разума.

Покойнее всего было бы любить молча.

Но в дело вступают сознание и личность; приходится разговаривать. И любовь превращается в ад.

По египетским верованиям, праведник – тот, кто может сказать после смерти: «я никому не причинил зла». Иначе его ждет кара.

Итак, история может достичь своей цели, лишь истребив духовные завоевания. Мы дошли до края...

Для христиан история начинается с Откровения. Для марксистов она им кончается. Две религии.

Маленький залив близ Тенеса[92Тенес – портовый город к западу от г. Алжир.], у подножия горной цепи. Идеальный полукруг. Когда наступает вечер, тихая водная гладь вселяет в душу тревогу. В этот миг понимаешь, что греческие представления об отчаянии и трагедии сложились на основе красоты и всего того гнетущего, что она таит в себе.

Красота – кульминация трагедии.

Современный же ум толкают к отчаянию уродство и посредственность.

Именно это, без сомнения, хочет сказать Шар. Для греков красота – исходная точка. Для европейца она – редко достигаемая цель. Я – человек современный.

Истина нашего века: пройдя сквозь суровые испытания, мы становимся лжецами. Покончить со всем прочим и высказать самое сокровенное.

<Апрель 1948>

В конце XIX века Антуан Орли, нотариус из Периге, внезапно покинул родной город, отправился в Патагонию и поселился там. Он сумел войти в доверие к туземцам и через несколько лет, исключительно благодаря своей дружбе с ними, получил титул Арауканского императора. Он чеканил монету, выпускал почтовые марки, одним словом, пользовался всеми правами законного монарха. Весть об этом достигла Чили, в чьем подчинении находились далекие патагонские владения; Антуан Орли предстал перед судом и был приговорен к казни. Смертную казнь заменили десятью годами тюрьмы. Через десять лет он выходит на свободу и возвращается в Патагонию; подданные по-прежнему видят в нем императора, и он снова соглашается принять этот титул. Но, чувствуя приближение старости, решает позаботиться о преемнике и завещает арауканский трон своему сыну Луи Орли, которому предстоит стать императором под именем Людовика I. Но Луи Орли отказывается. Тогда Антуан отрекается от престола в пользу своего племянника, Ашиля Орли, живущего в Периге; затем Антуан умирает, и подданные хоронят его с большими почестями.

Однако Ашиль I не намерен переселяться в свои владения. Он перебирается в Париж, заводит светские знакомства, живет на широкую ногу, устраивает приемы с королевской щедростью. Деньги он добывает, раздавая за взятки посты арауканских консулов в разных странах. Поскольку потребности его постоянно растут, он организует сбор средств на строительство христианских церквей и соборов. Под этим предлогом он собирает настолько крупные суммы, что встревоженные иезуиты жалуются папе римскому. Выясняется, что в Патагонии не построено ни одной церкви, и Ашиль I предстает перед судом, который выносит ему суровый приговор. Разорившийся император кончает свои дни на бульваре Монпарнас, проводя время всегда в одном и том же кабачке, где, по слухам, с ним встречалась королева Ранавало[93Королева Ранавало – Ранавалона III (1862 – 1917), последняя туземная королева Мадагаскара, свергнутая французами в 1897 г.].

Всякое самопожертвование – мессианство. Доказать, что можно возвыситься и до самопожертвования обдуманного (то есть не сводящегося к мессианству).

Трагедия равновесия.

Современное искусство. Они возвращаются к вещам, потому что не знают природы. Они вновь создают природу, и ничего другого им не остается – ведь они ее забыли. Когда она будет воссоздана, начнется великая эпоха.

Лондон. В моей памяти Лондон – город садов, где по утрам меня будили птицы. Лондон совсем другой, и все-таки память моя не ошибается. Целые фургоны цветов на улицах. Потрясающие доки.

N. Gallery[94Национальная галерея (англ.).Пьерио – итальянский живописец Пьерио делла Франческо (ок. 1420 – 1492); Веласкес Диего (1464 – 1524) – испанский художник.]. Чудесный Пьерио и Веласкес. Оксфорд. Аккуратно причесанный табун. Оксфордское безмолвие. Что там делать людям?

Раннее утро на шотландском побережье.

Эдинбург: каналы и лебеди. Город, располагающийся вокруг лжеакрополя, таинственный и тонущий в туманах. В Северных Афинах нет ничего северного. Китаец и малаец на Принсесс-стрит. Это – порт.

Германия: несчастье, причинившее слишком большие муки, рождает предрасположенность к несчастью, из-за которой мы губим и себя, и других.

По мнению Ришелье, бунтовщики, пусть даже они ни в чем не уступают защитникам господствующего строя, всегда в половину слабее. Из-за нечистой совести.

Писатель обречен на понимание.

Он не может быть убийцей.

Страсть к тюрьме у тех, кто борется. Чтобы избавиться от привязанностей.

Ответственность перед историей освобождает от ответственности перед людьми. В этом ее удобство.

Звезды мерцают в том же ритме, в каком стрекочут цикады. Музыка сфер.

Мы слишком долго живем.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org

В «Критоне»[95«Критон» – диалог Платона, написанный между 399 и 388 гг. до н.э. Аналогия, отмеченная Камю, представляется, скорее, внешней. Сократа судят демократия, тогда как «московские процессы» порождены тиранией, их жертвы по большей части сами были палачами. Сократ добровольно подчиняется приговору афинского суда, пускай и несправедливому. Осужденных 1937 г. вынуждают подчиниться.] диалоги Законов и Сократа напоминают московские процессы.

Наш век помешался на добродетели.

Отвратив лицо от скептицизма, в котором немало смирения, человечество напрягло все силы в поисках истины. Оно расслабится, когда общество вновь отыщет жизнеспособное заблуждение.

Художники хотят быть святыми, а не художниками. Я не святой. Мы мечтаем о всеобщем согласии и не достигаем его. Как же быть?

Мучительное ощущение: думаешь, что служишь справедливости, а на самом деле преумножаешь несправедливость. По крайней мере признаем это – и тем самым усугубим мучение; ведь это все равно, что признать: всеобщей справедливости не существует.

Отважившись на самый страшный бунт, в конце концов признать свое ничтожество – вот что мучительно.

Удача моей жизни заключается в том, что я общался только с существами исключительными, любил (и разочаровывал) только их. Я узнал, что такое добродетель, достоинство, естественность, благородство – у других. Зрелище великолепное – и горестное.

Радость жизни рассеивает внимание, рассредоточивает, останавливает всякое стремление ввысь. Но жить без радости...

Значит, выхода нет. Разве что черпать жизнь из великой любви, не опасаясь наказания рассеянием.

Разве сознающий человек может сколько-нибудь себя уважать? – говорит Достоевский[96«Записки из подполья» (1864).].

«Мы живем по-настоящему лишь несколько часов нашей жизни...»

Ночь в Воклюзе[97Воклюз – деревня к востоку от Авиньона, знаменитая тем, что в ней жил Петрарка и в своих сонетах воспел красоту этих мест.] на вершине холма. Огни в долине кажутся продолжением Млечного Пути. Все перемешалось. В небе – деревни, в горах – созвездия.

Первой должна прийти любовь, а за ней – мораль. Обратное мучительно.

Невозможно сделать что-то для одного человека (но сделать всерьез), не ранив при этом другого. А если мы не можем решиться ранить людей, мы остаемся навеки бесплодными. В конечном счете любить одного человека – значит убивать всех остальных.

Я выбрал творчество, чтобы избежать преступления. А тут их уважение!

Что-то здесь не так.

Вначале сочиняешь в одиночестве и думаешь, что это трудно. Потом начинаешь писать и сочинять в компании. И тогда понимаешь, какое это безнадежное предприятие и как хорошо было раньше.

Зная свои слабости, я изо всех сил старался быть человеком нравственным.

Нравственность убивает.

Ад – особая милость, которой удостаиваются те, кто упорно ее домогались.

Согласно Бейлю[98Бейль – настоящая фамилия Стендаля.], не следует судить о человеке ни по тому, что он говорит, ни по тому, что он пишет. Я добавлю: ни по тому, что он делает.

С плохой репутацией жить легче, чем с хорошей, ибо хорошую репутацию тяжело блюсти, нужно все время быть на высоте – ведь любой срыв равносителен преступлению. При плохой репутации срываы простительны.

Сначала мы не любим никого. Затем любим всех людей. Затем только некоторых, затем одну, затем одного.

Ночью, в самолете, – огни Балеарских островов, словно цветы в море.

Жить – значит проверять.

Речь о «Дон-Жуане» или «Пармской обители». И постоянное требование французской литературы, отстаивающей гибкость и стойкость духа отдельного человека.

Новелла, действие которой будет происходить в день желтого тумана.

В этом мире можно жить, лишь отказавшись от части его? Против amor fati[99Любовь к судьбе (лат.) – термин стоической философии, используемый Ф. Ницше.].

Человек – единственное животное, которое отказывается быть таким, как оно есть.

Прокурор входит в камеру приговоренного. Тот молод. Он улыбается. Прокурор спрашивает, не хочет ли заключенный что-нибудь написать. Тот говорит, что хочет. И пишет: «Победа!» И продолжает улыбаться. Прокурор спрашивает, нет ли у заключенного каких-нибудь желаний. Есть, отвечает молодой человек. И с размаху дает прокурору пощечину. Тюремщики бросаются на него. Прокурор колеблется. Ненависть, старая как мир, подступает к горлу. Но он стоит неподвижно, до него постепенно доходит истина. С ним ничего не сделаешь. А узник глядит на прокурора с улыбкой. Нет, говорит он весело, ничего не сделаешь. Прокурор у себя дома.

– И что же ты сделал? – спрашивает жена. – Неужели ты не...

– Что?

– Ты прав. Ничего не сделаешь.

С каждым новым процессом прокурор свирепствует все больше. От каждого обвиняемого он ждет унижения. Но ничего не происходит. Они покорны.

Наконец он начинает действовать слишком жестоко. Он сбивается с пути. Впадает в ересь. Его приговаривают к смерти. И тут все возвращается на круги своя. Впереди свобода. Он даст прокурору пощечину. Повторяется прежняя сцена. Но он не

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
улыбается; вот перед ним лицо прокурора. «Нет ли у вас каких-нибудь желаний...»
Он глядит на прокурора. Нет, говорит он. Действуйте.

Предел бунтарского сознания: согласиться на самоубийство, чтобы не стать соучастником какого бы то ни было убийства.

Светские развлечения можно выносить только по долгу дружбы.

У меня есть две-три страсти, которые можно счесть предосудительными, которые я считаю таковыми и от которых стараюсь избавиться волевым усилием. Иногда мне это удается.

Роман. Возвращение из лагеря.

Он приезжает, немного оправившийся, он тяжело дышит, но твердо стоит на своем. «Я удовлетворю ваше любопытство раз и навсегда. Но потом вы оставите меня в покое». Дальше – холодный отчет.

Напр. Я вышел оттуда.

Говорит жестко, не сбиваясь. На этот раз уже без нюансов.

Я хотел бы покурить. Первая затяжка.

Он оборачивается и улыбается.

Простите меня, говорит он с тем же спокойным и замкнутым видом.

И больше никогда к этому не возвращается. Он ведет самый заурядный образ жизни. Только одно: он не спит со своей женой. А когда она начинает выяснять отношения, кричит: «Все человеческое мне отвратительно».

Портреты. Она глядит из-под вуали во все свои прекрасные глаза. Спокойная, немного тяжелая красота. Внезапно заговаривает, и губы тут же кривятся, складываются в параллелограмм.

Она некрасива. Светская женщина.

С ним говорят. Он говорит. Внезапно взгляд его делается отсутствующим, он договаривает фразу, по инерции продолжая смотреть на вас, но думая уже о чем-то другом. Дамский угодник.

Последние слова Карла Герхарда, который был врачом Гиммлера (и знал о дахах): «я сожалею, что в мире еще осталась несправедливость».

Отдаваться может лишь тот, кто владеет собой. Бывают, что отдаются, чтобы избавиться от собственного ничтожества.

Дать можно только то, что имеешь.

Стать хозяином самому себе – и лишь после этого сдаться.

В мире, где никто не верит в существование греха, обязанности проповедника берет на себя художник. Но речи священника достигали цели оттого, что были подкреплены его собственным примером. Следовательно, художник пытается стать примером для других. За что его расстреливают или высыпают за границу, к его великому негодованию. К тому же добродетели нельзя выучиться так же быстро, как стрельбе из пулемета. Борьба тут неравная.

Бунт. Глава о том, что такое казаться (себе и другим). Дендилизм – движущая сила многих деяний, вплоть до революционных[100Дендилизм – течение в европейской культуре XIX в., отмеченное эстетизмом и эгоцентризмом, приверженцы которого стремились превратить человека в своеобразное произведение искусства. Этот культурный феномен Камю рассматривает в главе «Мятежные денди» книги «Бунтующий человек».].

До тех пор пока человек не совладал с желанием, он не совладал ни с чем. Меж тем ему почти никогда не удается совладать с ним.

Эссе. Введение. К чему отвергать доносительство, полицию и т.д. ...если мы не христиане и не марксисты. У нас для этого недостает ценностных ориентиров. Пока мы не отыщем ценностной основы, мы будем вынуждены выбирать добро (если мы выбираем его) наугад. До этих пор добродетель будет вне закона.

Первый цикл. Во всех моих книгах, начиная с первых («Брачный пир») и кончая «Веревкой» и «Человеком бунтующим», я стремился к безличности (всякий раз на свой лад). Позже я смогу говорить от своего имени.

Меня привлекают люди великодушные – и только они. Но сам я не великодушен.

Желябов, подготовивший убийство Александра II и арестованный за двое суток до покушения, требует, чтобы его казнили одновременно с Рысаковым, метнувшим бомбу.

«Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две».

Зыбин, непревзойденный дешифровщик Охранки, оставлен на той же должности в ГПУ.

То же. Комиссаров, сотрудник Охранки и организатор погромов, переходит на службу в ЧК. «Уйти в подполье» (на нелегальное положение).

«Тerrorистические акты должны быть тщательно подготовлены. Моральную ответственность берет на себя партия. Это сообщит героическим бойцам необходимое спокойствие духа».

Азеф – могила 10 466 на кладбище в берлинском предместье.

За несколько дней до покушения на Плеве он «намекает» на опасность начальнику Охранки Лопухину и просит вознаграждения. Он выдает южных террористов, чтобы развязать руки петербургским.

Плеве погибает; Азеф так и сказал: «Опасность грозит вам с другой стороны (не от Гершуни[101Азеф Евно Фишельевич (1869 – 1918) – секретный сотрудник царской полиции, провокатор. Плеве Вячеслав Константинович (1846 – 1904) – министр внутренних дел царского правительства в 1902 – 1904 гг. Гершуни Григорий Андреевич (1870 – 1908) – руководитель боевой организации эсеров.])».

Начальник Зубатов[102Имеется в виду начальник Московского охранного отделения Сергей Васильевич Зубатов (1864 – 1917).]. Защищал обвиняемого перед поддельной следственной комиссией. И превращал его в осведомителя.

девяти из десяти революционеров ремесло осведомителя приходилось по вкусу.

Революция 1905 г. началась с забастовки рабочих одной из московских типографий, которые требовали, чтобы при сдельной оплате точки и запятые считались за буквы.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Санкт-Петербургский совет в 1905 г. призывает к забастовке с требованием «долой смертную казнь!».

При Московской коммуне на Трубной площади перед развалинами здания, разрушенного при обстреле, была выставлена тарелка с куском человеческой плоти и надписью, гласившей: «Внесите свою лепту в помощь пострадавшим»[103Речь идет о событиях декабрьского восстания 1905 г.].

Дмитрию Богрову, убийце Столыпина, была оказана милость – дано разрешение быть повешенным во фраке.

Всю историю русского терроризма можно рассматривать как борьбу между интеллигенцией и абсолютизмом на глазах безмолвствующего народа.

Роман. Среди бесконечного лагерного страдания – мгновение невыразимого счастья.

В конечном счете Евангелие реалистично, хотя считают, что жить по нему невозможно. Оно исходит из того, что человек не может быть безгрешным. Но оно может постараться признать его греховность, то есть простить. Виноваты всегда судьи... Выносить абсолютный приговор могут только те, кто абсолютно безгрешен...

Вот почему Бог должен быть абсолютно безгрешным.

Приговорить человека к смерти – значит лишить его возможности исправиться.

Как жить, не имея серьезных причин для отчаяния!

Чайковский имел привычку в рассеянности жевать бумагу (включая очень важные документы в Министерстве юстиции).

Жажда творчества была в нем так сильна, что лишь его огромная работоспособность позволяла утолять ее (Н. Берберова)[104Из книги Н.Н. Берберовой «Чайковский: История одинокой жизни» (1936, фр. пер. – 1948).].

«Если бы то состояние души артиста, которое называется вдохновением, продолжалось бы беспрерывно, нельзя было бы и одного дня прожить» (Чайковский).

«Как только я предамся праздности, меня начинает одолевать тоска, сомнения в своей способности достигнуть доступной мне степени совершенства, недовольство собой, даже ненависть к самому себе. Мысль, что я никуда не годный человек, что только моя музыкальная деятельность искупает все мои недостатки и возвышает меня до степени человека в настоящем смысле этого слова, начинает одолевать и терзать меня. Только труд спасает меня» (Чайковский).

А между тем музыка его по большей части посредственна.

Вербовка. Большинство несостоявшихся литераторов идут в коммунисты.

Это единственный статус, позволяющий смотреть на художников свысока.

В этом смысле коммунисты – партия неудачников. Естественно, у них отбоя нет от желающих.

Май 49-го

А теперь: отречься от «человеческого», как они выражаются.

Придуманные мною сюжеты были просто предлогами, чтобы заставить самого себя говорить.

Психология мешает поверить в доброту, нравственность и бескорыстие. Но история мешает поверить в зло.

Мы не говорим и четверти того, что знаем. Иначе все пошло бы прахом. Стоит сказать самую малость, и они уже поднимают вой.

Тот, кто хоть раз видел, как сияет от счастья лицо любимого существа, знает, что у человека нет иного призвания, кроме как приносить радость окружающим... а между тем самим фактом своего существования мы приносим горе людям, с которыми нас сталкивает жизнь, и погружаем во мрак их сердца; мысль об этом невыносима.

Когда северные варвары разрушили плenительное королевство Прованс и превратили нас во французов... [105Французская нация сложилась в результате смешения многих народностей – галлов, римлян, вестготов, бургундов, франков и, наконец, провансальцев. Присоединение Прованца к Франции в 1481 г. привело к распаду этой древней культуры, ставшей впоследствии символом «потерянного рая».]

Единственное, к чему я всегда стремился, – всем остальным (кроме богатства, которое мне безразлично) меня наделила, и наделила щедро, природа – это жизнь нормального человека. Я не хотел быть человеком бездны. Я стремился к нормальной жизни изо всех сил – и ничего не добился. Вместо того чтобы мало-помалу приближаться к цели, я с каждым днем подхожу все ближе к краю бездны.

...фасады домов, построенные Потемкиным вдоль дорог, по которым проезжала, путешествуя по своим владениям, Екатерина II.

Надо полюбить жизнь больше, чем смысл ее, говорит Достоевский. Да, а когда любовь к жизни проходит, нам становится безразличен и ее смысл.

Стендаль: «Отличие немцев от других народов: размышления не успокаивают их, а возбуждают. Еще одна особенность: они сгорают от желания иметь характер».

Отчаяние охватывает, когда не знаешь, почему ты вступаешь в борьбу и стоит ли вообще в нее вступать.

Воспоминание на улицах Парижа: костры в бразильской деревне и дурманящий запах кофе и пряностей. Жестокие и печальные вечера, спускающиеся в такую пору на эту бескрайнюю землю.

Бунт. Абсурд предполагает отсутствие выбора. Жить – значит выбирать. Выбирать – значит убивать. Отрицание абсурда – убийство.

Гийу. Несчастье художника в том, что он живет и не совсем в монастыре, и не совсем в миру – причем его мучат соблазны и той, и другой жизни.

Самая главная проблема сейчас – возмездие.

Кто сможет выразить отчаяние человека, который принял сторону твари против Творца, однако, утратив сознание собственной невинности и невинности окружающих, считает виновными не только Творца, но и тварей, не исключая себя самого.

Роман. Приговоренный к смерти. Но ему передают цианистый калий... И вот, один в своей камере, он разражается смехом. Его переполняет огромная радость. Глухая стена, стоявшая перед ним, исчезла. В его распоряжении целая ночь. У него есть свобода выбора... Сказать себе: «Ну», а после: «Нет, еще минуту» – и наслаждаться этой минутой... Какой реванш! Какой ответ!

За неимением любви можно попытаться обзавестись честью. Безрадостная честь.

Ф.: Безумец тот, кто что-то строит на любви, безумец тот, кто что-то ломает ради любви.

Бог завидовал нашей боли – вот почему он низошел на землю, чтобы умереть на кресте. Этот странный взгляд, которого у него не было прежде...

Я так долго был уверен в своем выздоровлении, что это новое обострение должно было бы подействовать на меня удручающе. Оно в самом деле удручет меня. Но поскольку позади непрерывная цепь удручающих событий, мне почти смешно. В конце концов, теперь я свободен. Безумие – тоже освобождение.

«Ступай в монастырь, Офелия!» да, ибо единственный способ овладеть ею – устроить так, чтобы ею не смог овладеть никто. Кроме Бога, с чьим соперничеством легко смириться: ведь Он не посягает на тело.

Если душа существует, неверно было бы думать, что она дается нам уже сотворенной. Она творится на земле, в течение всей жизни. Сама жизнь – не что иное, как эти долгие и мучительные роды. Когда сотворение души, которым человек обязан себе и страданию, завершается, приходит смерть.

Клейст дважды сжигал свои рукописи... Пьеро делла Франческа к концу жизни ослеп... Ибсен в старости утратил память и заново учил алфавит... Не падать духом! Не падать духом!

Красота, помогающая жизнь, помогает также и умирать.

В течение тысячелетий мир был похож на те полотна художников эпохи Возрождения, где одни люди на холодных каменных плитах страдают от пыток, а другие с великолепным безразличием смотрят вдаль. Число людей «бесчувственных» было головокружительно огромным по сравнению с числом людей сочувствующих. История кишила людьми, не сочувствовавшими несчастью других людей. Подчас приходилось плохо и «бесчувственным». Но и это случалось в обстановке всеобщего безразличия и не меняло дела. Сегодня все делают вид, что полны сочувствия. В залах дворца правосудия свидетели внезапно обращают взор в сторону бичуемого.

Пер Гюнт[106Пер Гюнт – герой одноименной пьесы Г. Ибсена (1866).] рассказывает своим согражданам, что дьявол обещал толпе хрюкнуть, точь-в-точь как свинья. Он появляется и исполняет обещанное. Но зрители недовольны. Одни находят голос слишком тонким, другие – слишком искусственным. Все осуждают подражателя за преувеличение. А между тем хрюкал настоящий поросенок, которого дьявол спрятал под плащом и щипал.

Марксизм – философия, где в избытке сутяжничество, но нет юриспруденции.

Величие состоит в том, чтобы попытаться стать великим. И ничего более...

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Там, где хотят иметь рабов, надо как можно больше сочинять музыки.

Так по крайней мере полагал, по словам Толстого, один немецкий князь.

Слушайтесь, говорил Фридрих Прусский. Но, умирая, сознался: «Я устал управлять рабами».

Когда Яна Гуса жгли на костре, славная старушка принесла свою охапку хвороста, чтобы подбросить в огонь.

Минуты, когда отдаешься страданию, как физической боли: лежишь недвижимый, безвольный, лишенный будущего, во власти бесконечной муки.

Превозмочь? Но страдание – это именно то, выше чего стать невозможно.

После ночей, проведенных в страдании, чувствуешь себя как с похмелья.

Эссе о море[107Эссе о море – «Море вблизи» – опубликовано в сборнике «Лето» (1954).].

У отчаявшегося человека нет родины. Но я – я знал, что на свете есть море, и это помогло мне пережить роковое время.

Так люди, любящие друг друга, могут страдать в разлуке. Но, что бы они ни говорили, они не испытывают отчаяния: они знают, что на свете есть любовь.

Люди упорно путают брак и любовь, с одной стороны, счастье и любовь – с другой. Между тем это совершенно разные вещи. Именно поэтому, хотя любовь – вещь очень редкая, среди браков бывают и счастливые.

Невольно ангажированный.

Физическая ревность есть в большой мере приговор самому себе. Зная, о чем способен помыслить ты сам, ты решаешь, что и другой помышляет о том же.

Нынче добродетель достойна похвалы. Великие жертвы не встречают поддержки. Мучеников постигает забвение. Они стараются привлечь к себе внимание. На них смотрят. Но стоит им оступиться, и газеты берутся за свое.

Мерль, журналист, занимающийся шантажом, целый год печатал в своей газете клеветнические статьи об Х, но так ничего и не добился. Тогда, изменив тактику, Мерль принялся превозносить свою жертву до небес – и тут же получил деньги.

Во время суда над Шибуниным Толстой выступил защитником этого несчастного солдата, удариившего офицера, а когда Шибунина приговорили к смертной казни, ходатайствовал о помиловании через свою тетку, которую просил обратиться к военному министру. Министр ответил, что не может ничего предпринять, потому что Толстой забыл указать название полка. Тетка написала об этом Толстому, но на следующий день после того, как пришло ее письмо, Шибуnin был казнен по вине Толстого.

Последнее, незаконченное сочинение Толстого, оставшееся лежать на его письменном столе: «Нет в мире виноватых».

Нынче Христос умирает во дворцах.

Он царит за окошечками банков – с кнутом в руках.

Всякое убийство может быть оправдано только любовью. Для террористов эшафот был новым доказательством любви.

Заблуждения радостны, истина страшна.

Горьки воды смерти...

В день, когда он ушел от жены, ему страшно захотелось шоколаду, и он не отказал себе в этой прихоти.

История деда Г-на де Боканде.

Когда он учился в лицее, его обвинили в каком-то проступке. Он отрицал свою вину. Три дня карцера. Он продолжает отрицать. «Я не могу сознаться в проступке, которого не совершал». Извещают отца. Он дает сыну три дня срока. Если через три дня он не сознается, его отдадут во флот юнгой (семья богата). Три дня карцера. Он выходит оттуда. «Я не могу сознаться в том, чего не совершал». Неумолимый отец записывает его во флот. Мальчик вырастает, проводит всю жизнь в море, становится капитаном. Отец умирает. Приходит старость. На смертном одре все то же: «Это не я».

Она льстила его тщеславию. И потому он не изменял ей.

Предисловие к «Изнанке и лицу»[108Предисловие к переизданию ранней книги Камю «Изнанка и лицо» (1937).].

У меня есть художнические запреты, как у других бывают запреты моральные или религиозные. Сознание недозволенности, мысль, что «так не делают», чужды мне как существу, свободолюбивому от природы, присущи мне как рабу (причем рабу восторженному) суровой художественной традиции. (Я преодолел эти табу лишь в «Осадном положении», чем объясняется нежность, которую я испытываю к этому мало ком оцененному сочинению.)

...Возможно также, что это недоверие противостоит моему глубинному анархизму, и в этом его польза. Я знаю свою разбросанность, силу некоторых своих инстинктов, способность впадать в ярость. Все эти непредсказуемые силы должны быть пущены в ход, когда созидается произведение искусства (я имею в виду будущее). Но необходим и барьер, их сдерживающий. Мои барьеры еще и сегодня слишком крепки. Но и то, что им приходилось сдерживать, было слишком мощным. В тот день, когда я достигну равновесия, я попытаюсь написать книгу, о которой мечтаю. Она будет похожа на «Изнанку и лицо», иными словами, в ней будет много любви.

Я думаю, мне это по силам. Мой обширный опыт, знание ремесла, мое неистовство и мое смирение... В центр новой книги также будет поставлено великолепное безмолвие матери, искания человека, который стремится обрести любовь, подобную этому безмолвию, обретает ее, затем утрачивает и, пройдя войну, познав страдание и безумную страсть к справедливости, возвращается к уединению и покою, к счастливому безмолвию смерти. Я напишу там...

Холодный вечер, ледяные призрачные сумерки... это выше моих сил.

Когда все будет закончено, начать смесь. Записывать все, что взбредет в голову.

Пока он был безупречным мужем, он не верил в Бога; изменив жене, уверовал.

Лучше быть свободным бедняком, чем богатым невольником. Конечно, люди хотят быть и богатыми, и свободными – и из-за этого подчас становятся бедными рабами.

Делакруа: «Реальны во мне лишь те иллюзии, которым я даю жизнь на своих полотнах. Все прочее – зыбучие пески».

1950

10 января

Я никогда не читал в своем сердце достаточно ясно. Но инстинктивно я всегда следовал за невидимой звездой... В глубине моей души – анархия, ужасный хаос. Творчество стоит мне тысячи мучений, ибо оно требует собранности, а все мое существо противится ей. Но без нее я до самой смерти не избавился бы от разбросанности.

Подчинить произведение своей власти, не забывая, однако, о дерзости. Творить.

Понятие «интеллектуал» (и соответствующая реальность) родилось в XVIII веке.

Позже написать, без оглядок и недомолвок, эссе обо всем, в чем я уверен (делать то, что не хочется, желать того, что не делается).

В дневнике Делакруа [109] Эжен (1798 – 1863) – французский живописец и график.] фраза (с чьих-то слов) о критиках, которые позволяют себе заниматься художественным творчеством: «Нельзя одновременно сечь и подставлять свой зад».

Крестьянин, который равнодушно выслушал молитву, исторгнувшую слезы у всех слушателей. Людям, упрекавшим его в бесчувственности, он отвечал, что он не этого прихода.

февраль

Память слабеет с каждым днем. Надо решиться вести дневник. Делакруа прав: все дни, которые не описаны, словно бы и не прожиты. Может быть, начну в апреле, когда вновь обрету свободу.

Литературное общество. Людям чудятся коварные интриги, грандиозные честолюбивые замыслы. А на деле – одно лишь тщеславие, и притом весьма непрятательное.

Немного гордости довольно, чтобы держаться на должном расстоянии. Помнить об этом, несмотря ни на что .

Удовольствие, переходящее в благодарность, – венец творения. Но есть и другая крайность – горькое удовольствие.

Мистраль расчистил небо, и оно стало совсем новенькое, синее и блестящее, как море. Со всех сторон доносятся громкие птичьи трели – ликование, упоенная разноголосица, бесконечный восторг. День журчит и сияет.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Не мораль, но свершение. Для свершения же нужно только одно: полюбить, то есть отречься от себя и умереть для мира.

Дойти до конца. Исчезнуть. Раствориться в любви. Тогда творить буду уже не я, творить будет сила любви. Сгинуть в бездне. Раздробиться. Уничтожиться в свершении и погоне за истиной.

Протестанты-филантропы отрицают все неразумное, потому что разум, как они полагают, может дать им власть над всем, даже над природой. Над всем, кроме Красоты. Красота неподвластна этим расчетам. Поэтому художнику так трудно быть революционером, хотя всякий художник – бунтарь. Поэтому он не может стать убийцей.

Ждать, ждать, пока один за другим погаснут дни, огоньки которых еще светят мне. В конце концов последний погаснет, и настанет полная тьма.

1 марта

Один месяц абсолютного владения собой – во всем. Потом начать заново – но не терять правды, реальности предшествующего опыта и принять все последствия, решившись преодолеть их и преобразить в крайнюю (но сознательно избранную) позицию творчества.

Ни от чего не отказываться.

В искусстве абсолютный реалист был бы абсолютным божеством.

Яков Генсс, управляющий Вильнюсским гетто, согласился на эту полицейскую должность, чтобы облегчить положение людей. Постепенно три четверти обитателей гетто (48 тысяч) были уничтожены. В конце концов расстреляли и его самого. Расстрелянный ни за что – и ни за что лишившийся чести.

Китайцы утверждают, что империи, близящиеся к гибели, изобилуют законами.

Ослепительный свет. Мне кажется, будто я просыпаюсь после десятилетнего сна – еще связанный по рукам и ногам путами несчастья и ложной морали, но вновь нагой и устремленный к солнцу. Блестящая, размеренная сила – и суровый, острый ум. Я возрождаюсь и телом тоже...

Комедия. Человек получает официальную благодарность за добродетельное поведение, которое до тех пор было инстинктивным. Теперь он осознанно стремится к добродетели – полный крах.

Стиль XVII века, по словам Ницше: четкий, точный и свободный.

Современное искусство: искусство тираническое.

Словно с первым лучом любви скопившиеся в ее сердце снега начали постепенно таять, давая дорогу буйному, неостановимому потоку радости.

Слишком поздно находишь в себе мужество смириться с тем, что знаешь.

Мир, где я чувствую себя вольготнее всего, – греческий миф.

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Сердце – еще не все. Оно должно быть, ибо без него... Но оно должно быть покоренным и преображенным.

Все мое творчество иронично.

Вечное искушение, против которого я непрестанно веду изнурительную борьбу, – цинизм.

Быть язычником для себя, христианином для других – к этому инстинктивно склоняется всякий человек.

Существовать не трудно, а невозможno.

Любовь несправедлива, но одной несправедливости недостаточно.

В человеке всегда есть нечто, отвергающее любовь. Это та часть его существа, которая хочет умереть. Именно ей необходимо прощение.

Вольтер догадывался почти обо всем. Правда, доказал он очень немного, но зато неопровергимо.

Тем, кто пишут темно, повезло: у них появятся комментаторы. У остальных будут только читатели, а это, судя по всему, вызывает презрение.

Париж начинает с того, что хлопочет о книге и поднимает ее на щит. Но самое приятное начинается, когда книга уже завоевала успех. Теперь главное – уничтожить ее. Париж в этом отношении похож на бразильские реки – в некоторых из них живут крошечные рыбки, которые тем и занимаются. Они малюсенькие, но их очень много. Они, если можно так выразиться, состоят из одних зубов. Им ничего не стоит в пять минут обгладать человека так, чтобы остались одни косточки. Потом они упłyвают и, соснув немного, принимаются за следующего.

Словно те старые люди, которые, живя в большом доме, некогда полном жизни и голосов, сужают свое жизненное пространство сначала до одного этажа, затем до одной комнаты, затем до самой крошечной из комнат, которой и ограничивают свое существование, – живут, замуровав сами себя, в ожидании неизбежного переселения в обитель еще более тесную.

В отличие от нас женщины по крайней мере не обязаны стремиться к величию. У мужчин даже вера, даже смиренение призваны доказывать величие.

Это так утомительно.

Рано или поздно всегда наступает момент, когда люди перестают бороться и мучить друг друга, смиряются наконец с тем, что надо любить другого таким, как он есть. Это – царствие небесное.

Довольно сознания вины – довольно раскаяния.

Стареть – значит переходить от чувств к сочувствию.

XIX столетие – столетие бунта. Почему? Потому что оно началось неудавшейся революцией, нанесшей смертельный удар только идее Бога.

После «Человека бунтующего» – творчество на свободе.

Сколько ночных в жизни, где нас уже нет!

Мое творчество в первые два периода: люди нелгущие, значит, нереальные.

В жизни таких не бывает. Вот почему, без сомнения, я до сих пор не стал романистом в общепринятом смысле. Я скорее художник, творящий мифы по воле своей страсти и тревоги. Вот почему существа, восхищавшие меня в жизни, всегда обладали мощью и исключительностью этих мифов.

Безрассудство любви в том, что любящий стремится ускорить время, чтобы дни ожидания поскорее прошли и пропали. Так он стремится приблизить конец. Так любовь одной из граней соприкасается со смертью.

Лагерь. Невежественный надзиратель измывается над интеллигентом.

«Всё книжки читаешь! Ты, значит, умник...» и т.д. В конце концов интеллигент просит прощения.

Людские лица искажены знанием (эти встречающиеся подчас лица тех, кто знает). Но иногда из-под шрамов проступает лицо отрока, благословляющего жизнь.

Близ них я не чувствовал ни бедности, ни лишений, ни унижения. Отчего не сказать прямо: я чувствовал и чувствую до сих пор свое благородство. Близ моей матери я чувствую, что принадлежу к благородному племени: к тем, кто ничему не завидует.

для большинства людей война означает конец одиночества. Для меня она – окончательное одиночество.

Мораль бесполезна: жизнь и есть мораль. Тому, кто не отдает всего, всего не получить.

Если тебе выпало счастье жить в мире ума, какое безрассудство – искать доступ в страшный, полный криков мир страсти.

Я люблю все или не люблю ничего. Значит, я не люблю ничего.

Все могущество науки направлено сегодня на укрепление Государства. Ни одному ученому не пришло в голову использовать свои знания для защиты личности. Здесь, пожалуй, полезным оказалось бы франкмасонство.

Если бы наша эпоха была только трагична! Но она еще и гнусна. Вот отчего ей надо бросить обвинение – и даровать прощение.

Откройте ворота тюрем или докажите собственную непорочность.

Европа лавочников – удручающая.

Ангажированность. Мои представления об искусстве возвышенны и страстны. Слишком возвышенны, чтобы я согласился подчинить его пустяку. Слишком страстны, чтобы я

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
захотел лишить его даже пустяка.

Любовь была ему заказана. Он имел право только на ложь и адюльтер.

Фолкнер. На вопрос, что он думает о молодых писателях, отвечает: «Они не создадут ничего значительного. Им нечего больше сказать. Чтобы писать, нужно проникнуться простыми и великими истинами и посвятить свое творчество одной из них или всем им вместе».

Те, кто не умеют говорить о гордости, чести, страдании, – посредственные писатели, и сочинения их умрут вместе с ними, если не раньше. Гёте и Шекспир выстояли, потому что верили в человеческое сердце. Бальзак и Флобер тоже. Они вечны».

– В чем причина охватившего литературу нигилизма?

– В страхе. В тот день, когда люди перестанут бояться, они снова начнут создавать шедевры, то есть произведения, которым суждена долгая жизнь.

Без сомнения, всякая мораль нуждается в толике цинизма. Но где предел?

Паскаль: «Долгое время я жил, веря в существование справедливости, и не ошибался, ибо она существует постольку, поскольку Господу было угодно открыть нам ее. Но я ошибался, ибо полагал, что наша справедливость справедлива сама по себе, независимо от Господней воли, и что я смею познать ее и судить о ней».

Самая сильная страсть XX века: холуйство.

В Бру[110Бру – монастырь в г. Бург-ан-Бресс к северо-востоку от Лионна.] две лежащие фигуры – надгробные памятники Маргарите Австрийской и Филибуру Савойскому – вместо того, чтобы смотреть в небо, вечно смотрят друг на друга.

Тем, кто не требовал от мира и людей абсолютного целомудрия и не был от тоски и беспомощности, осознав неисполнимость этого требования, тем, кто не губил себя в попытках опуститься до уровня существа, не способного творить любовь и умеющего лишь копировать ее, тем не понять, что такое бунт и его неистовая страсть к разрушению.

Я не люблю чужих секретов.

Но мне интересны чужие признания.

Мало кто способен понять искусство.

Шофер такси, негр, с учтивостью, какой не встретишь в Париже в 1950 году, сказал мне, когда мы проезжали мимо «Комеди Франсез», перед которой стояло множество машин: «Дом Мольера нынче вечером полон».

Уже две тысячи лет люди непрестанно и упорно лгут, говоря о греческой культуре.

Марксисты в этом отношении – наследники христиан. И эти же две тысячи лет греческая культура защищается так успешно, что в идеологии XX столетия различимо больше греческих и языческих черт, чем христианских и русских.

Интеллектуалы творят теории, массы – экономику. В конечном счете интеллектуалы пользуются трудом масс, то есть теория пользуется экономикой. Вот почему им

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
необходимо поддерживать блокаду и экономическое рабство – чтобы массы оставались на черной работе. Очень верно, что плоть истории составляет экономика. Идеи довольствуются тем, что управляют ею.

да, у меня есть родина: французский язык.

Бесчестность художника, который делает вид, что верит в принципы демократии. Ибо в этом случает он отрицает самую глубинную сущность своего опыта, великий урок искусства: иерархию и упорядоченность. Неважно, что эта бесчестность продиктована чувством. Она ведет к рабскому труду на фабриках или в лагерях.

Революционный ум отрицает первородный грех. И погрязает в нем. Греческий ум о нем не думает. И избегает его.

В Бухенвальде фашисты избивают людей, а оперного певца заставляют петь при этом знаменитые арии.

Коммунизм во Франции имеет шансы на успех, потому что французы – нация солдат.

1951

23 января. Валанс[111Город на юге Франции.]

Я кричал, требовал, злорадствовал, отчаялся. Но, дожив до тридцати семи лет, я узнал однажды, что такое несчастье, и понял все то, чего, как выяснилось, не понимал до сих пор. В середине жизни мне пришлось заново, с трудом учиться жить одному.

То, чего я так долго искал, наконец появляется. Готовность к смерти.

5 февраля

Умереть, ничего не решив. Но кто умирает, все решив, кроме...? Решить по крайней мере, как не потревожить покоя тех, кого ты любил... Себе самим мы ничего не должны, даже – и в особенности – предсмертного умиротворения.

Февраль

Человек бунтующий. Я хотел сказать правду, оставаясь великодушным.

В этом мое оправдание.

Я желал насильтвенной смерти – такой, когда простительно закричать от боли, потому что у тебя из груди вырывают душу. В другие дни я мечтал умирать долго и в полном сознании – чтобы по крайней мере никто не мог сказать, что смерть застала меня врасплох, что она пришла в мое отсутствие, – одним словом, чтобы знать... Но в земле так душно. Моя могучая воля к забвению.

Если бы мне было суждено умирать вдали от мира, в холодной тюремной камере, море в последний момент затопило бы мою темницу, подняло бы меня на неведомую мне доселе высоту и помогало бы мне умереть без ненависти.

1

Острова в западной части Средиземного моря.

2

Французский философ и ученый Блез Паскаль (1623 – 1662) в своих «Мыслях» так характеризует это понятие: «Развлечение – единственная наша утеша в горе и вместе с тем величайшее горе: мешая думать о нашей судьбе, оно незаметно ведет нас к гибели. Не будь у нас развлечения, мы ощутили бы такую томительную тоску, что постарались бы исцелить ее средством не столь эфемерным.

3

«Не смеяться, не плакать» (лат.). Но развлечение забавляет нас, и мы, не замечая этого, спешим к смерти».

4

Гренье Жан (1898 – 1971) – французский философ, лицейский учитель и в дальнейшем близкий друг Камю, пробудивший у него интерес к литературе, философии, театру. Гренье посвящена книга «Бунтующий человек».

5

Заметки к роману «Счастливая смерть».

6

древнейшие греческие бронзовые статуи VI в. до н.э.

7

Священная Римская империя – государство, основанное в 962 г. королем Оттоном I, включавшее Германию, Северную и Среднюю Италию, Прованс, Чехию, Бургундию, Нидерланды. В середине XIII в. империя превратилась в конгломерат фактически независимых государств.

8

Мальро Андре (1901 – 1976) – французский писатель. Темы отношений Востока и Запада посвящены его ранние романы («Завоеватели», 1928, и «Королевская дорога», 1930), оказавшие сильное влияние на Камю в период работы над «Мифом о Сизифе» (вторая половина 30-х гг.).

9

Родс Сесил Джон (1853 – 1902) – английский колониальный завоеватель, именем
Страница 80

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
которого была названа колония Родезия.

10

Шпенглер Освальд (1880 – 1936) – немецкий философ и культуролог. Коллизию цивилизации и культуры исследует в главном своем сочинении «Закат Европы» (1923).

11

Река в Средней Италии.

12

Площадь перед Дуомо – главная достопримечательность Пизы, так называемое «поле чудес», на котором находятся главный собор (дуомо), «падающая башня», баптистерий.

13

Пизанский некрополь с надгробиями и статуями времен Древнего Рима и раннего средневековья.

14

Выставка Джотто (ит.).

15

Как на своем родном языке (ит.).

16

Но радость – странница на земле (ит.).

17

То возвышая нас, то губя (ит.).

18

Городок в окрестностях Флоренции.

19

Набросок к роману «Счастливая смерть».

20

Рамакришна (наст. имя Гададхар Чаттерджи, 1836 – 1886) – индийский религиозный мыслитель.

21

Город в Алжире.

22

Речь идет о назначении Камю преподавателем колледжа.

23

Город в окрестностях алжирской столицы.

24

Горная местность к востоку от г. Алжир.

25

Преуспевающие литераторы Андре Жид (1869 – 1951) и Анри Монтерлан (1896 – 1972) в глазах Камю олицетворяли слишком комфортабельное отношение к жизни.

26

Загреус из романа «Счастливая смерть».

27

друг Камю, врач.

28

я построю и разрушу (лат.).

29

я построю, и он разрушит (лат.).

30

Герой романа «Счастливая смерть».

31

Образ титана Прометея, восставшего против Зевса и олимпийских порядков, в произведениях Камю (эссе «Сыны Каина» в книге «Бунтующий человек» и др.) трактуется как символ «метафизического бунта». Лишенный человеколюбия и гуманистического пафоса героя Эсхила, Прометей Камю предстает «родоначальником современных завоевателей».

32

Роман-фельетон – литературный жанр, начало которому дали «Парижские тайны» Э. Сю и «Три мушкетера» А. Дюма. Отличительными признаками этого жанра, ориентированного на массового читателя, являются захватывающая интрига, изобретательная композиция, экзотический колорит.

33

Иван Карамазов – один из тех героев Достоевского, с которыми Камю ощущал внутреннее родство. В 30-е гг. он исполнил роль Ивана в собственной инсценировке «Братьев Карамазовых»: «Я играл его, быть может, плохо, но мне казалось, что понимаю я его в совершенстве».

34

Наброски к книге «Миф о Сизифе» и к повести «Посторонний».

35

Персонаж романа Достоевского «Бесы» (1870 – 1872). Свое прочтение образа этого «логического самоубийцы» Камю изложил в эссе «Кириллов», вошедшем в книгу «Миф о Сизифе».

36

Джебель-Надор – горная возвышенность в Алжире.

37

Тиарет – город в Алжире.

38

Набросок пьесы «Недоразумение» (1943).

39

Коринф – город в Греции, основанный около VIII в. до н.э.

40

Из книги И.П. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» (1836).

41

Жарри Альфред (1873 – 1907) – французский писатель. Описанный эпизод ярко характеризует «это последнее воплощение метафизического денди», каким, по словам Камю, был Жарри.

42

Полан Жан (1884 – 1968) – французский писатель и критик, руководитель журнала «Нувель ревю франсез».

43

Веды – древнейший памятник индийской литературы (конец второго – начало первого тысячелетия до н.э.).

44

Эстремадура – область на западе Испании.

45

Буше Франсуа (1703 – 1770) – французский живописец.

46

Речь идет о сражении на реке Марна между англо-французскими и германскими войсками (5 – 12 сентября 1914 г.). В этой битве погиб отец писателя Люсьен Камю.

47

Бандоль – курорт французской Ривьеры, на побережье Средиземного моря.

48

Город в Алжире.

49

Имеется в виду, что преподаватель греческого и латыни не понимал устрашающие картины чумы, описанные афинским историком Фукидидом (460 – 396 до н.э.) и римским поэтом Лукрецием Каром (96 – 55 до н.э.).

50

Копо Жак (1879 – 1949) – французский актер и режиссер, основатель знаменитого театра «Вье Коломбье» («Старая голубятня»).

51

Шансерель Леон (1886 – 1965) – французский драматург, критик, режиссер.

52

Барро Жан Луи (1910 – 1994) – французский актер и режиссер. Приобрел известность как мастер пантомимы, когда в 1935 г. поставил в театре «Ателье» пластическую драму «Около матери» (по роману Фолкнера «Когда я умираю»), в которой изображал лошадь и обезжающего ее наездника.

53

В Древней Греции театральные представления происходили на праздниках в честь бога Диониса – Великих Дионисиях и Ленеях.

54

Антестерии – весенний праздник в древних Афинах.

55

Улисс – латинский вариант имени Одиссея.

56

Набросок к роману «Чума».

57

Перевод В.А. Жуковского.

58

Баррес Морис (1862 – 1923) – французский писатель.

59

Понятие Ф. Ницше, согласно которому история человечества не имеет развития и представляет собой «вечный круговорот» всего того, что в прошлом уже повторялось бесконечное число раз. По словам философа, «вечные песочные часы бытия снова и снова оказываются перевернутыми».

60

Страсти (пассионы) – музыкальные и театральные произведения, изображающие крестные муки Христа.

61

Саламин – остров в Эгейском море, около которого в 480 г. до н.э. произошло легендарное морское сражение, принесшее грекам победу над персами.

62

«Моралин» – в произведениях Ф. Ницше слово, выражавшее презрительное отношение к христианскому морализму.

63

«Обитель» – «Пармская обитель», роман Стендalu (1839); «Федра» – трагедия Ж. Расина (1677); «Адольф» – роман Б. Констана (1807).

64

«Грозовой перевал» – роман английской писательницы Э.Бронте (1847). Размышления об этом произведении и его герое, Хитклифе, открывают книгу «Бунтующий человек».

65

Эскиз статьи «Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки», впервые опубликованной в 1943 г. в журнале «Арбалет»; в дальнейшем печаталась как приложение к книге «Миф о Сизифе» – начиная с третьего, расширенного издания 1948 г.

66

Калликл – персонаж диалога Платона «Горгий» (между 399 и 388 гг. до н.э.), молодой афинский аристократ, ученик софистов. «Платон предвосхищает в Калликле вульгарный тип ницшеанства», – писал Камю в «Бунтующем человеке».

67

Речь идет о сборнике произведений Ницше «Происхождение философии в эпоху греческой трагедии», изданном в 1938 г. в переводе на французский язык Ж. Бьянки.

68

Жильсон Этьен (1884 – 1978) – французский философ.

69

Рене и Полина – Франсуа-Рене де Шатобриан (1768 – 1848), французский писатель, и
Страница 86

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
его возлюбленная Полина де Бомон (1768 – 1803). Об их романе шатобриан рассказал в своих «Замогильных записках».

70

Город в Центральной Франции.

71

7 ноября 1943 г. Камю исполнилось тридцать лет.

72

Здесь: всеобщность.

73

Эррио Эдуар (1872 – 1957) – французский политик и публицист. «Анналы» – журнал, основанный в 1929 г. историками М. Блоком и Л. Февром. Вокруг журнала сложилась влиятельная научная школа.

74

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840 – 1866) – русский террорист, совершивший первое покушение на Александра II.

75

Кёстлер Артур (1905 – 1983) – немецкий писатель, автор романа «Слепящая тьма», изданного в Англии в 1940 г.

76

Лао-Цзы (VI – V вв. до н.э.) – древнекитайский мыслитель, основатель даосизма.

77

Речь идет о пьесе «Праведники» (1950), главным действующим лицом которой является русский революционер и террорист Иван Платонович Каляев (1877 – 1905), казненный за убийство великого князя Сергея Александровича.

78

Лотреамон (наст. имя Изидор Дюкас, 1846 – 1870) – французский поэт, автор «Песен Мальдорора», оказавших сильное влияние на поэзию сюрреалистов. Его творчеству посвящено эссе Камю «Лотреамон и Заурядность» (в книге «Бунтующий человек»).

79

Сент-Бёв Шарль Огюстен (1804 – 1869) – французский критик.

80

Печерин В.С. (1807 – 1885) – поэт и филолог, профессор Московского университета. Эмигрировав из России в 1836 г., перешел в католичество и стал священником.

81

Выписки из книги Н.А. Бердяева «Русская идея» (1946).

82

Петрашевский Михаил Васильевич (1821 – 1866); Спешнев Николай Александрович (1821 – 1882) – русские революционеры. Ставрогин – герой романа Ф.М.Достоевского «Бесы».

83

Всеобщность (нем.).

84

Материалы к главе «Отказ от добродетели» книги «Бунтующий человек». Цитата из письма В.Г. Белинского от 1 марта 1841 г., адресованного литератору Василию Петровичу Боткину (1811 – 1869).

85

Набросок главы «Трое одержимых» книги «Бунтующий человек». «Катехизис революционера» – документ, написанный С.Г. Нечаевым и М.А. Бакуниным в 1869 г., по словам Камю, ставший «образцом того политического цинизма, который с тех пор тяготел над революционным движением».

86

Михайловский Николай Константинович (1842 – 1904) – русский публицист.

87

Ткачев Петр Никитич (1844 – 1886) – идеолог радикального народничества. Характеризуя его как предшественника Ленина, Камю имеет в виду такие постулаты политической теории Ткачева, как захват государственной власти, создание централизованной организации, управляющей революционными массами.

88

Тихомиров Лев Александрович (1852 – 1923) – в молодости революционер-народник, редактор нелегальной газеты «Народная воля».

89

Эпизод вошел в главу «Разборчивые убийцы» книги «Бунтующий человек». Перовская Софья Львовна (1853 – 1881); Желябов Андрей Иванович (1851 – 1881); Кибальчич Николай Иванович (1853 – 1881); Михайлов Александр Дмитриевич (1855 – 1884); Рысаков Николай Иванович (1861 – 1881); Гриневицкий Игнатий Иоахимович (1856 – 1881) – руководители «Народной воли».

90

Из книги воспоминаний Веры Николаевны Фигнер (1852 – 1942) «Запечатленный труд» (1921 – 1924).

91

Лейзен – горный курорт в Швейцарии.

92

Тенес – портовый город к западу от г. Алжир.

93

Королева Ранавало – Ранавалона III (1862 – 1917), последняя туземная королева Мадагаскара, свергнутая французами в 1897 г.

94

Национальная галерея (англ.). Пьерио – итальянский живописец Пьерио делла Франческо (ок. 1420 – 1492); Веласкес Диего (1464 – 1524) – испанский художник.

95

«Критон» – диалог Платона, написанный между 399 и 388 гг. до н.э. Аналогия, отмеченная Камю, представляется, скорее, внешней. Сократа судит демократия, тогда как «московские процессы» порождены тиранией, их жертвы по большей части сами были палачами. Сократ добровольно подчиняется приговору афинского суда, пускай и несправедливому. Осужденных 1937 г. вынуждают подчиниться.

96

«Записки из подполья» (1864).

97

Воклюз – деревня к востоку от Авиньона, знаменитая тем, что в ней жил Петрарка и в своих сонетах воспел красоту этих мест.

98

Бейль – настоящая фамилия Стендаля.

99

Любовь к судьбе (лат.) – термин стоической философии, используемый Ф. Ницше.

100

Дендизм – течение в европейской культуре XIX в., отмеченное эстетизмом и эгоцентризмом, приверженцы которого стремились превратить человека в своеобразное произведение искусства. Этот культурный феномен Камю рассматривает в главе «Мятежные денди» книги «Бунтующий человек».

101

Азев Евно Фишелевич (1869 – 1918) – секретный сотрудник царской полиции, провокатор. Плеве Вячеслав Константинович (1846 – 1904) – министр внутренних дел царского правительства в 1902 – 1904 гг. Гершунин Григорий Андреевич (1870 – 1908) – руководитель боевой организации эсеров.

102

Имеется в виду начальник Московского охранного отделения Сергей Васильевич Зубатов (1864 – 1917).

103

Речь идет о событиях декабрьского восстания 1905 г.

104

Из книги Н.Н. Берберовой «Чайковский: История одинокой жизни» (1936, фр. пер. – 1948).

105

Французская нация сложилась в результате смешения многих народностей – галлов, римлян, вестготов, бургундов, франков и, наконец, провансальцев. Присоединение Прованса к Франции в 1481 г. привело к распаду этой древней культуры, ставшей впоследствии символом «потерянного рая».

106

Пер Гюнт – герой одноименной пьесы Г. Ибсена (1866).

107

Камю Альбер Записные книжки filosoff.org
Эссе о море – «Море вблизи» – опубликовано в сборнике «Лето» (1954).

108

Предисловие к переизданию ранней книги Камю «Изнанка и лицо» (1937).

109

Делакруа Эжен (1798 – 1863) – французский живописец и график.

110

Бру – монастырь в г. Бург-ан-Бресс к северо-востоку от Лиона.

111

Город на юге Франции.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!